

24.113/4-6

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Красавицы.—Слѣдователь.—Старый домъ.—Весной.—Бѣлолобый.—У предвол-
тельши.—Пѣвчіе.—Послѣдняя могианша.—Беззаконіе.—Актерская гибель.—Ме-
люзга.—Зеркало.—Старость.—Горе.—Устрицы.—Тоска.—Егеръ.—Мечты.—Цустой
случай.—Не доброе дѣло.—Дома.—Вѣдьма.—Вѣрочка.—Въ судѣ.—Безпокойный
гость.—Панихида.—На пути.—Несчастье.—Событіе.—Агафья.

INSTITUT
JAZDANĀ LITERACKICH PAN-
BIBLIOTEKA
4-330 Warszawa, ul. Nowy Świ 17
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксь, Измайл. просп., № 29.

24.112

КРАСАВИЦЫ.

I.

Помню, будучи еще гимназистомъ V или VI класса, я ѣхалъ съ дѣдушкой изъ села Большой Крѣпкой, Донской области, въ Ростовъ-на-Дону. День былъ августовскій, знойный, томительно-скучный. Отъ жара и сухого, горячаго вѣтра, гнавшаго намъ навстрѣчу облака пыли, слипались глаза, сохло во рту; не хотѣлось ни глядѣть, ни говорить, ни думать, и когда дремавшій возница, хохоль Карно, замахиваясь на лошадь, хлесталъ меня кнутомъ по фуражкѣ, я не протестовалъ, не издавалъ ни звука и только, очуившись отъ полусна, уныло и кротко поглядывалъ вдаль: не видать ли сквозь пыль деревни? Кормить лошадей остановились мы въ большомъ армянскомъ селѣ Бахчи-Салахъ у знакомаго дѣдушкѣ богатаго армянина. Никогда въ жизни я не видѣлъ ничего карикатурнѣе этого армянина. Представьте себѣ маленькую, стриженую головку съ густыми низко нависшими бровями, съ птичьимъ носомъ, съ длинными, сѣдыми усами и съ широкимъ ртомъ, изъ котораго торчитъ длинный, черешневый чубукъ; головка эта неумѣло приклеена къ тощему, горбатуму туловищу, одѣтому въ фантастическій костюмъ: въ куцую, красную куртку и въ широкія, ярко-голубыя шаровары; ходила эта фигура разставя ноги и шаркая туфлями, говорила не вынимая изо рта чубука, а держала себя съ чисто-армянскимъ достоинствомъ: не улыбалась, пучила глаза и старалась обращать на своихъ гостей какъ можно меньше вниманія.

Въ комнатахъ армянина не было ни вѣтра, ни пыли, но было такъ же непріятно, душно и скучно, какъ въ степи и по дорогѣ. Помню, запыленный и изморенный зноємъ, сидѣлъ я въ углу на зеленомъ сундукѣ. Некрашенные, деревянные стѣны, мебель и наохренные полы издавали запахъ сухого дерева, прижженного солнцемъ. Куда ни взглянешь, всюду мухи, мухи, мухи... Дѣдушка и армянинъ вполголоса говорили о попасѣ, о толокнѣ, объ овцахъ... Я зналъ, что самоваръ будутъ ставить цѣлый часъ, что дѣдушка будетъ пить чай не менѣе часа и потомъ ляжетъ спать часа на два, на три, что у меня четверть дня уйдетъ на ожиданіе, послѣ котораго опять жара, пыль, тряскія дороги. Я слушалъ бормотанье двухъ голосовъ, и мнѣ начинало казаться, что армянина, шкандь съ посудой, мухъ, окна, въ которыя бьетъ горячее солнце, я вижу давно-давно и перестану ихъ видѣть въ очень далекомъ будущемъ, и мною овладѣвала ненависть къ степи, къ солнцу, къ мухамъ...

Хохлушка въ платкѣ внесла поднось съ посудой, потомъ самоваръ. Армянинъ не сѣвши вышелъ въ сѣни и крикнулъ: — Машня! Ступай наливай чай! Гдѣ ты? Машня!

Послышались торопливые шаги, и въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ шестнадцать, въ простомъ ситцевомъ платьѣ и въ бѣломъ платочкѣ. Моя посуда и наливая чай, она стояла ко мнѣ спиной, и я замѣтилъ только, что она была тонка въ талии, боса, и что маленькія, голыя пятки прикрывались низко опущенными панталонами.

Хозяинъ пригласилъ меня пить чай. Садясь за столъ, я взглянулъ въ лицо дѣвушки, подававшей мнѣ стаканъ, и вдругъ почувствовалъ, что точно вѣтеръ пробѣжалъ по моей душѣ и сдунулъ съ нея всѣ впечатлѣнія дня съ ихъ скукой и пылью. Я увидѣлъ обворожительныя черты прекраснѣйшаго изъ лицъ, какія когда-либо встрѣчались мнѣ на яву и чудились во снѣ. Передо мною стояла красавица, и я понялъ это съ перваго взгляда, какъ понимаю молнію.

Я готовъ клясться, что Маша, или какъ звалъ отецъ, Машня, была настоящая красавица, но доказать этого не умѣю. Иногда бываетъ, что облака въ безпорядкѣ толпятся на горизонтѣ, и солнце, прячась за нихъ, краситъ ихъ и небо во всевозможные цвѣта: въ багряный, оранжевый, золотой, лиловый, грязно-розовый; одно облачко похоже на монаха, другое на рыбу, третье на турка въ

чалмѣ. Зарево охватило треть неба, блестить въ церковномъ крестѣ и въ стеклахъ господскаго дома, отсвѣчиваетъ въ рѣкѣ и въ лужахъ, дрожить на деревьяхъ; далеко-далеко на фонѣ зари летить куда-то ночевать стая дикихъ утокъ... И подпасокъ, гонящій коровъ, и землемѣръ, ѣдущій въ бричкѣ черезъ плотину, и гуляющіе господа—все глядятъ на закатъ и все до одного находятъ, что онъ страшно красивъ, но никто не знаетъ и не скажетъ, въ чемъ тутъ красота.

Не я одинъ находилъ, что армяночка красива. Мой дѣдушка, восьмидесятилѣтній старикъ, человѣкъ крутой, равнодушный къ женщинамъ и красотамъ природы, цѣлую минуту ласково глядѣлъ на Машу и спросилъ:

— Это ваша дочка, Аветъ Назарычъ?

— Дочка. Это дочка...—отвѣтилъ хозяинъ

— Хорошая барышня,—похвалилъ дѣдушка.

Красоту армяночки художникъ назвалъ бы классической и строгой. Это была именно та красота, созерцаніе которой, Богъ вѣсть откуда, вселяетъ въ васъ увѣренность, что вы видите черты правильныя, что волосы, глаза, носъ, ротъ, шея, грудь и все движенія молодого тѣла слились вмѣстѣ въ одинъ цѣльный, гармоническій аккордъ, въ которомъ природа не ошиблась ни на одну малѣйшую черту; вамъ кажется почему-то, что у идеально красивой женщины долженъ быть именно такой носъ, какъ у Маши, прямой и съ небольшою горбинкой, такіе большіе, темные глаза, такія же длинныя рѣсницы, такой же томный взглядъ, что ея черные, кудрявые волосы и брови такъ же идутъ къ нѣжному, бѣлому цвѣту лба и щекъ, какъ зеленый камышъ къ тихой рѣчкѣ; бѣлая шея Маши и ея молодая грудь слабо развиты, но чтобы сумѣть изваять ихъ, вамъ кажется, нужно обладать громаднымъ творческимъ талантомъ. Глядите вы, и мало-по-малу вамъ приходитъ желаніе сказать Машѣ что-нибудь необыкновенно пріятное, искреннее, красивое, такое же красивое, какъ она сама.

Сначала мнѣ было обидно и стыдно, что Маша не обращаетъ на меня никакого вниманія и смотритъ все время внизъ; какой-то особый воздухъ, казалось мнѣ, счастливый и гордый, отдѣлялъ ее отъ меня и ревниво заслонялъ отъ моихъ взглядовъ.

«Это оттого,—думалъ я:—что я весь въ пыли, загорѣлъ, и оттого, что я еще мальчикъ».

Но потомъ я мало-по-малу забылъ о себѣ самомъ и весь отдался ощущенію красоты. Я ужъ не помнилъ о степной скукѣ, о пыли, не слышалъ жужжанья мухъ, не понималъ вкуса чая и только чувствовалъ, что черезъ столъ отъ меня стоитъ красивая дѣвушка.

Ощущалъ я красоту какъ-то странно. Не желанія, не восторгъ и не наслажденіе возбуждала во мнѣ Маша, а тяжелую, хотя и пріятную, грусть. Эта грусть была неопредѣленная, смутная, какъ сонъ. Почему-то мнѣ было жаль и себя, и дѣдушки, и армянина, и самой армяночки, и было во мнѣ такое чувство, какъ будто мы всѣ четверо потеряли что-то важное и нужное для жизни, чего ужъ больше никогда не найдемъ. Дѣдушка тоже сгрустнулъ. Онъ ужъ не говорилъ о толокѣ и объ овцахъ, а молчалъ и задумчиво поглядывалъ на Машу.

Послѣ чаю дѣдушка легъ спать, а я вышелъ изъ дому и сѣлъ на крылечкѣ. Домъ, какъ и всѣ дома въ Бахчи-Салахъ, стоялъ на припекѣ; не было ни деревьевъ, ни навѣсовъ, ни тѣней. Большой дворъ армянина, поросшій лебедой и калачикомъ, несмотря на сильный зной, былъ оживленъ и полонъ веселья. За однимъ изъ невысокихъ плетней, тамъ и сямъ пересѣкавшихъ большой дворъ, происходила молотба. Вокругъ столба, вбитаго въ самую середку гумна, запряженныя въ рядъ и образуя одинъ длинный радіусъ, бѣгали двѣнадцать лошадей. Возлѣ ходилъ хохоль въ длинной жилеткѣ и въ широкихъ шароварахъ, хлопалъ бичомъ и кричалъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ подразнить лошадей и похвастать своею властью надъ ними:

— А-а-а, окаянныя! А-а-а... нѣту на васъ холеры! Бонтесь?

Лошади, гнѣдая, бѣлая и цѣгія, не понимая, зачѣмъ это заставляютъ ихъ кружить на одномъ мѣстѣ и мять пшеничную солому, бѣгали неохотно, точно черезъ силу, и обиженно помахивая хвостами. Изъ-подъ ихъ копытъ вѣтеръ поднималъ цѣлыя облака золотистой пыли и уносилъ ее далеко черезъ плетень. Около высокихъ, свѣжихъ скирдъ копошились бабы съ граблями и двигались арбы, а за скирдами, въ другомъ дворѣ, бѣгала вокругъ столба другая дюжина такихъ же лошадей и такой же хохоль хлопалъ бичомъ и насмѣхался надъ лошадьми.

Ступени, на которыхъ я сидѣлъ, были горячи; на жид-

кихъ перильцахъ и на оконныхъ рамахъ кое-гдѣ выступилъ отъ жары древесный клей; подъ ступеньками и подъ ставнями въ полоскахъ тѣни жались другъ къ другу красныя козявки. Солнце пекло мнѣ и въ голову, и въ грудь, и въ спину, но я не замѣчалъ этого и только чувствовалъ, какъ сзади меня въ сѣняхъ и въ комнатахъ стучали по дощатому полу босыя ноги. Убравъ чайную посуду, Маша пробѣжала по ступенямъ, пахнувъ на меня вѣтромъ, и, какъ птица, полетѣла къ небольшой, закопченной пристройкѣ, должно-быть, кухнѣ, откуда шелъ запахъ жареной баранины и слышался сердитый армянскій говоръ. Она исчезла въ темной двери и вмѣсто ея на порогѣ показалась старая, сторбленная армянка съ краснымъ лицомъ и въ зеленыхъ шароварахъ. Старуха сердилась и кого-то бранила. Скоро на порогѣ показалась Маша, покраснѣвшая отъ кухоннаго жара и съ большимъ чернымъ хлѣбомъ на плечѣ; красиво изгибаясь подъ тяжестью хлѣба, она побѣжала черезъ дворъ къ гумну, шмыгнула черезъ плетень и, окунувшись въ облако золотистой пыли, скрылась за арбами. Хохоль, подгонявшій лошадей, опустилъ бичъ, умолкъ и минуту молча глядѣлъ въ сторону арбъ, потомъ, когда армяночка опять мелькнула около лошадей и перескочила черезъ плетень, онъ проводилъ ее глазами и крикнулъ на лошадей такимъ тономъ, какъ будто былъ очень огорченъ:

— А, чтобъ вамъ пропасть, нечистая сила!

И все время потомъ слышалъ я не переставая шаги ея босыхъ ногъ, видѣлъ, какъ она съ серьезнымъ, озабоченнымъ лицомъ носилась по двору. Пробѣгала она то по ступенямъ, отдавая меня вѣтромъ, то въ кухню, то на гумно, то за ворота, и я едва успѣвалъ поворачивать голову, чтобы слѣдить за нею.

И чѣмъ чаще она со своей красотой мелькала у меня передъ глазами, тѣмъ сильнѣе становилась моя грусть. Мнѣ было жаль и себя, и ея, и хохла, грустно провожавшаго ее взглядомъ всякій разъ, когда она сквозь облако пыли бѣжала къ арбамъ. Была ли это у меня зависть къ ея красотѣ, или я жалѣлъ, что эта дѣвочка не моя и никогда не будетъ моею, и что я для нея чужой, или смутно чувствовалъ я, что ея рѣдкая красота случайна, не нужна и, какъ все на землѣ, не долговѣчна, или, быть-можетъ, моя грусть была тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое воз-

буждается въ человѣкѣ созерцаніемъ настоящей красоты, Богъ знаетъ!

Три часа ожиданія прошли незамѣтно. Миѣ казалось, не успѣлъ я наглядѣться на Машу, какъ Карпо съѣздилъ къ рѣкѣ, выкупалъ лошадь и ужъ сталъ запрягать. Мокрая лошадь фыркала отъ удовольствія и стучала копытами по оглоблямъ. Карпо кричалъ на нее «назадъ!» Проснулся дѣдушка. Маша со скрипомъ отворила намъ ворота, мы сѣли на дроги и выѣхали со двора. Ыхали мы молча, точно сердились другъ на друга.

Когда часа черезъ два, или три вдали показались Ростовъ и Нахичевань, Карпо, все время молчаливый, быстро оглянулся и сказалъ:

— А славная у армяшки дѣвка!
И хлестнулъ по лошади.

II.

Въ другой разъ, будучи уже студентомъ, ѣхалъ я по желѣзной дорогѣ на югъ. Былъ май. На одной изъ станцій, кажется, между Бѣлгородомъ и Харьковомъ, вышелъ я изъ вагона прогуляться по платформѣ.

На станціонный садикъ, на платформу и на поле легла уже вечерняя тѣнь; вокзалъ заслонялъ собою закатъ, но по самымъ верхнимъ клубамъ дыма, выходившаго изъ паровоза и окрашеннаго въ нѣжный розовый цвѣтъ, видно было, что солнце еще не совсѣмъ спряталось.

Прохаживаясь по платформѣ, я замѣтилъ, что большинство гулявшихъ пассажировъ ходило и стояло только около одного вагона второго класса, и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ этомъ вагонѣ сидѣлъ какой-нибудь знаменитый человѣкъ. Среди любопытныхъ, которыхъ я встрѣтилъ около этого вагона, между прочимъ находился и мой спутникъ, артиллерійскій офицеръ, малый умный, теплый и симпатичный, какъ всѣ, съ кѣмъ мы знакомимся въ дорогѣ случайно и не надолго.

— Что вы тутъ смотрите?—спросилъ я.

Онъ ничего не отвѣтилъ и только указалъ миѣ глазами на одну женскую фигуру. Это была еще молодая дѣвушка, лѣтъ 17—18, одѣтая въ русскій костюмъ, съ непокрытой головой и съ мантилькой, небрежно брошенной на одно плечо, не пассажирка, а должно-быть, дочь, или сестра

начальника станціи. Она стояла около вагоннаго окна и разговаривала съ какой-то пожилой пассажиркой. Прежде чѣмъ я успѣлъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что я вижу, мною вдругъ овладѣло чувство, какое я испыталъ когда-то въ армянской деревнѣ.

Дѣвушка была замѣчательная красавица, и въ этомъ не сомнѣвались ни я и ни тѣ, кто вмѣстѣ со мною смотрѣлъ на нее.

Если, какъ принято, описывать ея наружность по частямъ, то дѣйствительно прекраснаго у нея были одни только бѣлокурые, волнистые, густые волосы, распущенные и перевязанные на головѣ черной ленточкой, все же остальное было или неправильно, или же очень обыкновенно. Отъ особой ли манеры кокетничать, или отъ близорукости, глаза ея были прищурены, носъ былъ нерѣшительно вздернутъ, ротъ малъ, профиль слабо и вяло очерченъ, плечи узки не по лѣтамъ, но тѣмъ не менѣе дѣвушка производила впечатлѣніе настоящей красавицы, и, глядя на нее, я могъ убѣдиться, что русскому лицу для того, чтобы казаться прекраснымъ, нѣтъ надобности въ строгой правильности чертъ, мало того, даже если бы дѣвушкѣ вмѣсто ея вздернутаго носа поставили другой—правильный и пластически непогрѣшимый, какъ у армяночки, то, кажется, отъ этого лицо ея утеряло бы всю свою прелесть.

Стоя у окна и разговаривая, дѣвушка, пожимаясь отъ вечерней сырости, то и дѣло оглядывалась на насъ, то подбочивалась, то поднимала къ головѣ руки, чтобы поправить волосы, говорила, смѣялась, изображала на своемъ лицѣ то удивленіе, то ужасъ, и я не помню того мгновенія, когда бы ея тѣло и лицо находились въ покоѣ. Весь секретъ и волшебство ея красоты заключались именно въ этихъ мелкихъ, безконечно изящныхъ движеніяхъ, въ улыбкѣ, въ игрѣ лица, въ быстрыхъ взглядахъ на насъ, въ сочетаніи тонкой граціи этихъ движеній съ молодостью, свѣжестью, съ чистотою души, звучавшею въ смѣхѣ и въ голосѣ, и съ тою слабостью, которую мы такъ любимъ въ дѣтяхъ, въ птицахъ, въ молодыхъ оленяхъ, въ молодыхъ деревьяхъ.

Это была красота мотыльковая, къ которой такъ идутъ вальсъ, порханье по саду, смѣхъ, веселье и которая не вяжется съ серьезной мыслью, печалью и покоемъ; и, ка-

жется, стоит только пробѣжать по платформѣ хорошему вѣтру, или пойти дождю, чтобы хрупкое тѣло вдругъ поблекло и капризная красота осыпалась, какъ цвѣточная пыль.

— Такъ-съ...— пробормоталъ со вздохомъ офицеръ, когда мы послѣ второго звонка направились къ своему вагону.

А что значило это «такъ-съ», не берусь судить.

Быть-можетъ, ему было грустно и не хотѣлось уходить отъ красавицы и весеняго вечера въ душный вагонъ, или, быть-можетъ, ему, какъ и мнѣ, было безотчетно жаль и красавицы, и себя, и меня, и всѣхъ пассажировъ, которые вяло и нехотя брели къ своимъ вагонамъ. Проходя мимо станціоннаго окна, за которымъ около своего аппарата сидѣлъ блѣдный, рыжеволосый телеграфистъ съ высокими кудрями и полинявшимъ, скуластымъ лицомъ, офицеръ вздохнулъ и сказалъ:

— Держу пари, что этотъ телеграфистъ влюбленъ въ ту хорошенькую. Жить среди поля подъ одной крышей съ этимъ воздушнымъ созданиемъ и не влюбиться— выше силъ человѣческихъ. А какое, мой другъ, несчастіе, какая насмѣшка, быть сутулымъ, лохматымъ, сѣренькимъ, порядочнымъ и неглупымъ, и влюбиться въ эту хорошенькую и глупенькую дѣвочку, которая на васъ полъ вниманія! Или еще хуже: представьте, что этотъ телеграфистъ влюбленъ и въ то же время женатъ и что жена у него такая же сутулая, лохматая и порядочная, какъ онъ самъ... Пытка!

Около нашего вагона, облокотившись о загородку площадки, стоялъ кондукторъ и глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ стояла красавица, и его испитое, обрюзглое, неприятно смутное, утомленное бессонными ночами и вагонной качкой лицо выражало умиленіе и глубочайшую грусть, какъ будто въ дѣвушкѣ онъ видѣлъ свою молодость, счастье, свою трезвость, чистоту, жену, дѣтей, какъ будто онъ каялся и чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что дѣвушка эта не его и что до обыкновеннаго человѣческаго, пассажирскаго счастья ему съ его преждевременной старостью, неуклюжестью и жирнымъ лицомъ такъ же далеко, какъ до неба.

Пробилъ третій звонокъ, раздалась свистки и поѣздъ лѣниво тронулся. Въ нашихъ окнахъ промелькнули сначала кондукторъ, начальникъ станціи, потомъ садъ, красавица со своей чудной, дѣтски-лукавой улыбкой...

Высунувшись наружу и глядя назад, я видѣлъ, какъ она, проводивъ глазами поѣздъ, прошла по платформѣ мимо окна, гдѣ сидѣлъ телеграфистъ, поправила свои волосы и побѣжала въ садъ. Вокзалъ ужъ не загораживалъ запада, поле было открыто, но солнце уже сѣло, и дымъ черными клубами стлался по зеленой бархатной озими. Было грустно и въ весеннемъ воздухѣ, и на темнѣвшемъ небѣ, и въ вагонѣ.

Знакомый кондукторъ вошелъ въ вагонъ и сталъ зажигать свѣчи.

СЛѢДОВАТЕЛЬ.

Уздный врачъ и судебный слѣдователь ѣхали въ одинъ хорошій, весенній полдень на вскрытіе. Слѣдователь, мужчина лѣтъ тридцати пяти, задумчиво глядѣлъ на лошадей и говорилъ:

— Въ природѣ есть очень много загадочнаго и темнаго, но и въ обыденной жизни, докторъ, часто приходится наталкиваться на явленія, которыя рѣшительно не поддаются объясненію. Такъ, я знаю нѣсколько загадочныхъ, странныхъ смертей, причину которыхъ возьмутся объяснить только спириты и мистики, человѣкъ же со свѣжей головой въ недоумѣніи разведетъ руками и только. Напримѣръ, я знаю одну очень интеллигентную даму, которая предсказала себѣ смерть и умерла безъ всякой видимой причины именно въ назначенный ею день. Сказала, что умретъ тогда-то, и умерла.

— Нѣтъ дѣйствія безъ причины, — сказалъ докторъ. — Есть смерть, значить, есть и причина. А что касается предсказанія, то вѣдь тутъ мало диковиннаго. Всѣ наши дамы и бабы обладаютъ даромъ пророчества и предчувствія.

— Такъ-то такъ, но моя дама, докторъ, совсѣмъ особенная. Въ ея предсказаніи и смерти не было ничего ни бабьяго, ни дамскаго. Молодая женщина, здоровая, умница, безъ всякихъ предразсудковъ. У нея были такіе умные, ясные, честные глаза; лицо открытое, разумное, съ легкой, чисто русской усмѣшкой во взглядѣ и на губахъ. Дамскаго, или бабьяго, если хотите, въ ней было только одно — красота. Вся стройная, граціозная, какъ вотъ эта береза, волоса удивительные! Чтобы она не оставалась для васъ непонятной, прибавлю еще, что это былъ человѣкъ, полный

самой заразной веселости, безопасности и того умнаго, хорошаго легкомыслія, которое бываетъ только у мыслящихъ, простодушныхъ, веселыхъ людей. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о мистицизмѣ, спиритизмѣ, дарѣ предчувствія, или о чемъ-нибудь подобномъ? Надъ всеѣмъ этимъ она смѣялась.

Докторская бричка остановилась около колодца. Слѣдователь и докторъ напились воды, потянулись и стали ждать, когда кучеръ кончитъ поить лошадей.

— Ну-съ, отчего же умерла та дама?—спросилъ докторъ, когда бричка опять покатила по дорогѣ.

— Умерла она странно. Въ одинъ прекрасный день входитъ къ ней мужъ и говоритъ, что не дурно бы къ веснѣ продать старую коляску, а вмѣсто нея купить что-нибудь поновѣе и легче, и что не мѣшало бы перемѣнить лѣвую пристяжную, а Бобчинскаго (была у мужа такая лошадь) пустить въ корень.

Жена выслушала его и говоритъ:

— Дѣлай, какъ знаешь, мнѣ теперь все равно. Къ лѣту я буду уже на кладбищѣ.

Мужъ, конечно, пожимаетъ плечами и улыбается.

— Я нисколько не шучу, — говоритъ она. — Объявляю тебѣ серьезно, что я скоро умру.

— То-есть какъ скоро?

— Сейчасъ же послѣ родовъ. Рожу и умру.

Словамъ этимъ мужъ не придалъ никакого значенія. Онъ не вѣритъ ни въ какія предчувствія и къ тому же отлично знаетъ, что женщины въ интересномъ положеніи любятъ капризничать и вообще предаваться мрачнымъ мыслямъ. Прошелъ день, и жена опять ему о томъ, что умретъ тотчасъ же послѣ родовъ, и потомъ каждый день все о томъ же, а онъ смѣялся и обзывалъ ее бабой, гадалкой, кликушей. Близкая смерть стала *idée fixe* жены. Когда мужъ не слушалъ ее, она шла въ кухню и говорила тамъ о своей смерти съ няней и кухаркой:

— Не много еще мнѣ осталось жить, нянюшка. Какъ только рожу, сейчасъ же и умру. Не хотѣлось бы умирать такъ рано, да ужъ знать судьба моя такая.

Нянька и кухарка, конечно, въ слезы. Бывало, пріѣдетъ къ ней попадья, или помѣщица, а она отведетъ ее въ уголъ и давай душу отводить — все о томъ же, о близкой

смерти. Говорила она серьезно, съ неприятной улыбкой, даже со злымъ лицомъ, не допуская возраженій. Была она модницей, щеголихой, но тутъ въ виду скорой смерти все бросила и стала ходить неряхой; уже не читала, не смѣялась, не мечтала вслухъ... Мало того, поѣхала съ теткой на кладбище и облюбовала тамъ мѣсто для своей могилки, а дней за пять до родовъ написала завѣщаніе. И имѣйте въ виду, все это творилось при отличномъ здоровьи, безъ малѣйшихъ намековъ на болѣзнь или какую-нибудь опасность. Роды — трудная штука, иногда смертельная, но у той, про которую я вамъ говорю, все обстояло благополучно и бояться было рѣшительно нечего. Мужу въ концѣ-концовъ вся эта исторія надоѣла. Какъ-то за обѣдомъ онъ разсердился и спросилъ:

— Послушай, Наташа, когда же будетъ конецъ этимъ глупостямъ?

— Это не глупости. Я говорю серьезно.

— Вздоръ! Я бы тебѣ совѣтовалъ перестать глупить, чтобы потомъ самой не было совѣстно.

Но вотъ наступили и роды. Мужъ привезъ изъ города самую лучшую акушерку. Роды были у жены первые, но сошли какъ нельзя лучше. Когда все кончилось, роженица пожелала взглянуть на младенца. Поглядѣла и сказала:

— Ну, а теперь и умереть можно.

Простилась, закрыла глаза и черезъ полчаса отдала Богу душу. До самой послѣдней минуты она была въ сознаниі. По крайней мѣрѣ, когда ей вмѣсто воды подали молока, то она тихо прошептала:

— Зачѣмъ же вы мнѣ вмѣсто воды молока даете?

Такъ вотъ какая исторія. Какъ предсказала, такъ и умерла.

Слѣдователь помолчалъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Вотъ и объясните, отчего она умерла? Увѣрю васъ честнымъ словомъ, это не выдумка, а фактъ.

Размышляя, докторъ поглядѣлъ на небо.

— Надо было бы вскрыть ее,—сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы узнать причину смерти. Не отъ предсказанія же своего она умерла. Отравилась. по всей вѣроятности.

Слѣдователь быстро повернулся лицомъ къ доктору и, прищуривъ глаза, спросилъ:

— Изъ чего же вы заключаете, что она отравилась?

— Я не заключаю, а предполагаю. Она хорошо жила съ мужемъ?

— Гм... не совсѣмъ. Недоразумѣнія начались вскорѣ же послѣ свадьбы. Было такое несчастное стеченіе обстоятельствъ. Покойница однажды застала мужа съ одной дамой... Впрочемъ, она скоро простила ему.

— А что раньше было, измѣна мужа, или появленіе идеи о смерти?

Слѣдователь пристально поглядѣлъ на доктора, какъ бы желая разгадать, зачѣмъ онъ задаетъ такой вопросъ.

— Позвольте,—отвѣтилъ онъ не сразу.—Позвольте, дайте припомнить.—Слѣдователь снялъ шляпу и потеръ себѣ лобъ.—Да, да... она стала говорить о смерти именно въ скорости послѣ того случая. Да, да.

— Ну, вотъ видите ли... По всей вѣроятности, она тогда же рѣшила отравиться, но такъ какъ ей, вѣроятно, вмѣстѣ съ собой не хотѣлось убивать ребенка, то она отложила самоубійство до родовъ.

— Едва ли, едва ли... Это невозможно. Она тогда же простила.

— Скоро простила, значить, думала что-нибудь недоброе. Молодые жены прощаютъ не скоро.

Слѣдователь насильно улыбнулся и, чтобы скрыть свое слишкомъ замѣтное волненіе, сталъ закуривать папиросу.

— Едва ли, едва ли...—продолжалъ онъ.—Мнѣ и въ голову не приходила мысль о такой возможности... Да и къ тому же... онъ не такъ ужъ виноватъ, какъ кажется... Измѣнилъ какъ-то странно, самъ того не желая: пришелъ домой ночью навеселѣ, хочется приласкать кого-нибудь, а жена въ интересномъ положеніи... а тутъ, чортъ ее побери, навстрѣчу попадается дама, пріѣхавшая погостить на три дня, бабенка пустая, глупая, некрасивая. Это даже и измѣной считать нельзя. Жена и сама такъ взглянула на это и скоро... простила; потомъ объ этомъ и разговора не было...

— Люди безъ причины не умираютъ,—сказалъ докторъ.

— Это такъ, конечно, но все-таки... не могу допустить, чтобы она отравилась. Но странно, какъ это до сихъ поръ мнѣ въ голову не приходило о возможности такой смерти!.. И никто не думалъ объ этомъ! Всѣ были удивлены, что ея предсказаніе сбылось, и мысль о возможности... такой

смерти была далекой... Да и не может быть, чтобъ она отравилась! Нѣтъ!

Слѣдователь задумался. Мысль о странно умершей женщинѣ не оставляла его и во время вскрытія. Записывая то, что диктовалъ ему докторъ, онъ мрачно двигалъ бровями и теръ себѣ лобъ.

— А развѣ есть такіе яды, которые убиваютъ въ четверть часа, мало-по-малу и безъ всякой боли? — спросилъ онъ у доктора, когда тотъ вскрывалъ черепъ.

— Да, есть. Морфій, напримѣръ.

— Гм... Странно... Помню, она держала у себя что-то подобное... Но едва ли!

На обратномъ пути слѣдователь имѣлъ утомленный видъ, нервно покусывалъ усы и говорилъ неохотно.

— Давайте немного пѣшкомъ пройдемся, — попросилъ онъ доктора. — Надоѣло сидѣть.

Пройдя шаговъ сто, слѣдователь, какъ показалось доктору, совсѣмъ ослабѣлъ, какъ будто взбирался на высокую гору. Онъ остановился и, глядя на доктора странными, точно пьяными глазами, сказалъ:

— Боже мой, если ваше предположеніе справедливо, то вѣдь это... это жестоко, безчеловѣчно! Отравила себя, чтобы казнить этимъ другого! Да развѣ грѣхъ такъ великъ! Ахъ, Боже мой! И къ чему вы мнѣ подарили эту проклятую мысль, докторъ.

Слѣдователь въ отчаяніи схватилъ себя за голову и продолжалъ:

— Это я рассказывалъ вамъ про свою жену, про себя. О, Боже мой! Ну, я виноватъ, я оскорбилъ, но неужели умереть легче, чѣмъ простить! Вотъ ужъ именно бабья логика, жестокая, немилосердная логика. О, она и тогда при жизни была жестокой! Теперь я припоминаю! Теперь для меня все ясно!

Слѣдователь говорилъ и—то пожималъ плечами, то хваталъ себя за голову. Онъ то садился въ экипажъ, то шелъ пѣшкомъ. Новая мысль, сообщенная ему докторомъ, казалось, ошеломила его, отравила; онъ растерялся, ослабѣлъ душой и тѣломъ, и когда вернулись въ городъ, простился съ докторомъ, отказавшись отъ обѣда, хотя еще наканунѣ далъ слово доктору пообѣдать съ нимъ вмѣстѣ.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Разсказъ домовладѣльца.)

Нужно было сломать старый домъ, чтобы на мѣстѣ его построить новый. Я водилъ архитектора по пустымъ комнатамъ и между дѣломъ разсказывалъ ему разныя исторіи. Рваные обои, тусклыя окна, темныя печи—все это носило слѣды недавней жизни и вызывало воспоминанія. По этой, напримѣръ, лѣстницѣ однажды пьяные люди несли покойника, спотыкинулись и вмѣстѣ съ гробомъ полетѣли внизъ; живые больно ушиблись, а мертвый, какъ ни въ чемъ не бывало, былъ очень серьезенъ и покачивалъ головой, когда его поднимали съ пола и опять укладывали въ гробъ. Вотъ три подъ-рядъ двери: тутъ жили барышни, которыя часто принимали у себя гостей, а потому одѣвались чище всѣхъ жильцовъ и исправно платили за квартиру. Дверь, что въ концѣ коридора, ведетъ въ прачечную, гдѣ днемъ мыли бѣлье, а ночью шумѣли и пили пиво. А въ этой квартиркѣ изъ трехъ комнатъ все насъвозь пропитано бактеріями и бактеріями. Тутъ не хорошо. Тутъ погубило много жильцовъ, и я положительно утверждаю, что эта квартира кѣмъ-то когда-то была проклята и что въ ней вмѣстѣ съ жильцами всегда жилъ еще кто-то, невидимый. Особенно памятна мнѣ судьба одной семьи. Представьте вы себѣ ничѣмъ не замѣчательнаго, обыкновеннаго человѣчка, у котораго есть мать, жена и четверо ребятъ. Звали его Путохинымъ, служилъ онъ писцомъ у нотариуса и получалъ 35 рублей въ мѣсяцъ. Это былъ человѣкъ трезвый, религіозный, серьезный. Когда онъ приносилъ ко мнѣ деньги за квартиру, то всегда извинялся, что плохо одѣтъ; извинялся, что просрочилъ пять дней, и, когда я давалъ ему расписку въ полу-

чепи, то онъ добродушно улыбался и говорилъ: «Ну, вотъ еще! Не люблю я этихъ расписокъ!» Жилъ онъ бѣдно, но чисто. Въ этой средней комнатѣ помѣщались четверо ребятъ и ихъ бабушка; тутъ варили, спали, принимали гостей и даже танцевали. Въ этой комнатѣ жилъ самъ Путохинъ; у него былъ столъ, за которымъ онъ исполнялъ частные заказы: переписывалъ роли, доклады и т. п. Тутъ, направо, обиталъ его жилецъ, слесарь Егорычъ — степенный, но пьющій человекъ; всегда ему было жарко, и оттого онъ всегда ходилъ босикомъ и въ одной жилеткѣ. Егорычъ починялъ замки, пистолеты, дѣтскіе велосипеды, не отказывался чинить деневые стѣнные часы, дѣлалъ за четвертакъ коньки, но эту работу онъ презиралъ и считалъ себя спеціалистомъ по части музыкальныхъ инструментовъ. На его столѣ, среди стального и желѣзнаго хлама, всегда можно было увидѣть гармонику съ отломаннымъ клавиномъ, или трубу съ вогнутыми боками. Платилъ онъ за комнату Путохину два съ половиной, всегда былъ около своего верстака и выходилъ только для того, чтобы сунуть въ печку какую-нибудь желѣзку.

Когда я, что бывало очень рѣдко, заходилъ вечерами въ эту квартиру, то всякій разъ заставалъ такую картину: Путохинъ сидѣлъ за своимъ столомъ и переписывалъ что-нибудь, его мать и жена, тощая женщина съ утомленнымъ лицомъ, сидѣли около лампы и шили; Егорычъ визжалъ терпугомъ. А горячая, еще не совсѣмъ потухшая печка выпускала изъ себя жаръ и духоту; въ тяжеломъ воздухѣ пахло щами, пеленками и Егорычемъ. Бѣдно и душно, но отъ рабочихъ лицъ, отъ дѣтскихъ штанишекъ, развѣшанныхъ вдоль печки, отъ желѣзокъ Егорыча вѣяло все-таки миромъ, лаской, довольствомъ... За дверями, въ коридорѣ бѣгали дѣтшки, причесанныя, веселыя и глубоко убѣжденные въ томъ, что на этомъ свѣтѣ все обстоитъ благополучно и такъ будетъ безъ конца, стоить только по утрамъ и ложась спать молиться Богу.

Теперь представьте себѣ, что посреди этой самой комнаты, въ двухъ шагахъ отъ печки, стоитъ гробъ, въ которомъ лежитъ жена Путохина. Нѣтъ того мужа, жена котораго жила бы вѣчно, но тутъ эта смерть имѣла что-то особенное. Когда я во время панихиды взглянулъ на серьезное лицо мужа, на его строгіе глаза, то подумалъ:

«Эге, брагь!»

Мнѣ казалось, что онъ самъ, его дѣти, бабушка, Егорычъ—уже намѣчены тѣмъ невидимымъ существомъ, которое жило съ ними въ этой квартирѣ. Я глубоко суевѣрный человѣкъ, быть-можетъ, оттого, что я домовладѣлецъ и сорокъ лѣтъ имѣлъ дѣлю съ жильцами. Я вѣрю въ то, что если вамъ не везетъ въ карты съ самаго начала, то вы будете проигрывать до конца; когда судьбѣ нужно стереть съ лица земли васъ и вашу семью, то все время она остается неумолимо послѣдовательной, и первое несчастье обыкновенно бываетъ только началомъ длинной цѣпи... По своей природѣ несчастья—тѣ же камни. Нужно только одному камню свалиться съ высокаго берега, чтобы за нимъ посыпались другіе. Однимъ словомъ, уходя послѣ панихиды отъ Путохина, я вѣрилъ, что ему и его семьѣ не сдобровать...

Дѣйствительно, проходитъ недѣля, и нотаріусъ неожиданно даетъ Путохину отставку и на его мѣсто сажаетъ какую-то барышню. И что же? Путохина взволновала не столько потеря мѣста, какъ то, что вмѣсто него посадили именно барышню, а не мужчину. Почему барышню? Это его такъ оскорбило, что онъ, вернувшись домой, перестѣки своихъ ребятишекъ, обругалъ мать и напился пьянъ. За компанію съ нимъ напился и Егорычъ.

Путохинъ принесъ мнѣ плату за квартиру, но уже не извинялся, хотя просрочилъ 18 дней, и молчалъ, когда бралъ отъ меня расписку въ полученіи. На слѣдующій мѣсяць деньги принесла уже мать; она дала мнѣ только половину, а другую половину обѣщала черезъ недѣлю. На третій мѣсяць я не получилъ ни копейки, и дворникъ сталъ мнѣ жаловаться, что жильцы квартиры № 23 ведутъ себя «неблагодарно». Это были нехорошіе симптомы.

Представьте вы себѣ такую картину. Хмурое, петербургское утро глядитъ въ эти тусклыя окна. Около печки старуха поить дѣтей чаемъ. Только старшій внучъ Вася пьетъ изъ стакана, а остальнымъ чай наливается прямо въ блюдечки. Передъ печкой сидитъ на корточкахъ Егорычъ и суетъ желѣзку въ огонь. Отъ вчерашняго пьянства у него тяжела голова и мутины глаза; онъ крикаетъ, дрожитъ и кашляетъ.

— Совсѣмъ съ пути сбиль, дьяволь!—ворчитъ онъ.— Самъ пьетъ и другихъ въ грѣхъ вводитъ.

Путохинъ сидитъ въ своей комнатѣ на кровати, на которой давно уже нѣтъ ни одѣяла, ни подушекъ, и, запустивъ руки въ волосы, тупо глядитъ себѣ подъ ноги. Онъ оборванъ, нечесанъ, боленъ.

— Пей, пей скорѣй, а то въ школу опоздаешь! — торопитъ старуха Васю. — Да и мнѣ время идти къ жидамъ полы мыть...

Во всей квартирѣ только одна старуха не падаетъ духомъ. Она вспомнила старину и занялась грязной, черной работой. По пятницамъ она моетъ у евреевъ въ ссудной кассѣ полы, по субботамъ ходитъ къ купцамъ стирать, и по воскресеньямъ, съ утра до вечера, бѣгаетъ по городу и разыскиваетъ благотѣльницъ. Каждый день у нея какая-нибудь работа. Она и стираетъ, и полы моетъ, и младенцевъ принимаетъ, и сватаетъ, и нищенствуетъ. Правда, и она не прочь выжить съ горя, но и въ пьяномъ видѣ не забываетъ своихъ обязанностей. На Руси много такихъ крѣпкихъ старухъ, и сколько благополучій держится на нихъ!

Напившись чаю, Вася укладываетъ въ сумку свои книги и идетъ за печку; тутъ рядомъ съ платьями бабушки должно висѣть его пальто. Черезъ минуту онъ выходитъ изъ-за печки и спрашиваетъ:

— А гдѣ же мое пальто?

Бабушка и остальные ребятинки начинаютъ вмѣстѣ искать пальто, ищутъ долго, но пальто какъ въ воду кануло. Гдѣ оно? Бабушка и Вася блѣдны, испуганы. Даже Егорычъ удивленъ. Молчить и не двигается одинъ только Путохинъ. Чуткій ко всякаго рода безпорядкамъ, на этотъ разъ онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Это подозрительно.

— Онъ пропилъ! — заявляетъ Егорычъ.

Путохинъ молчитъ, значить, это правда. Вася въ ужасѣ. Его пальто, прекрасное пальто, сшитое изъ суконнаго платья покойной матери, пальто на прекрасной коленкоровой подкладкѣ, пропито въ кабакѣ! А вмѣстѣ съ пальто, значить, пропиты и синіи карандашъ, лежавшій въ боковомъ карманѣ, и записная книжка съ золотыми буквами «Nota bene»! Въ книжкѣ засунутъ другой карандашъ съ резинкой и кромѣ того въ ней лежатъ переводныя картинки.

Вася охотно бы заплакалъ, но плакать нельзя. Если отецъ, у котораго болитъ голова, услышитъ плачь, то закричитъ, затопаетъ ногами и начнетъ драться, а съ похмелья дерется онъ ужасно. Бабушка вступится за Васю, а отецъ ударитъ и бабушку: кончится тѣмъ, что Егорычъ вмѣшается въ драку, вѣднтся въ отца и вмѣстѣ съ нимъ упадетъ на полъ. Оба валяются на полу, барахтаются и дышать пьяной, животной злобой, а бабушка плачетъ, дѣти визжать, сосѣди посылають за дворникомъ. Итъ, лучше не плакать.

Оттого, что нельзя плакать и возмущаться велухъ, Вася мычитъ, ломаетъ руки и дрыгаетъ ногами, или, укусивъ себѣ рукавъ, долго треплетъ его зубами, какъ собака зайца. Глаза его безумны и лицо искривлено отчаяніемъ. Гляди на него, бабушка вдругъ срываетъ со своей головы платокъ и начинаетъ тоже выдѣлывать руками и ногами разные штуки, молча, уставившись глазами въ одну точку. И въ это время, я думаю, въ головахъ мальчика и старухи сидитъ ясная увѣренность, что ихъ жизнь погибла, что надежды нѣтъ...

Путохинъ не слышитъ плача, но ему изъ его комнатки все видно. Когда, полчаса спустя, Вася, окутанный въ бабушкину шаль, уходитъ въ школу, онъ съ лицомъ, которое я не берусь описать, выходитъ на улицу и идетъ за нимъ. Ему хочется окликнуть мальчика, утѣшить, попросить прощенія, дать ему честное слово, призвать покойную мать въ свидѣтели, но изъ груди вмѣсто словъ вырываются одни рыданія. Утро сырое, холодное. Дойдя до городского училища, Вася, чтобы товарищи не сказали, что онъ похожъ на бабу, распутываетъ шаль и входитъ въ училище въ одной только курткѣ. А Путохинъ, вернувшись домой, рыдаетъ, бормочетъ какія-то несвязныя слова, кланяется въ ноги и матери, и Егорычу, и его верстаку. Потомъ, немного придя въ себя, онъ ѡбъжитъ ко мнѣ и, задыхаясь, ради Бога проситъ у меня какого-нибудь мѣста. Я его обнадѣживаю, конечно.

— Наконецъ-таки я очнулся!—говоритъ онъ.—Пора ужъ и за умъ взяться. Побезобразничалъ и будетъ съ меня.

Онъ радуется и благодаритъ меня, а я, который за все время, пока владѣю домомъ, отлично изучилъ этихъ господъ жильцовъ, гляжу на него, и такъ и хочется мнѣ сказать ему:

— Поздно, голубчикъ! Ты уже умеръ!

Отъ меня Путохинъ бѣжить къ городскому училищу. Тутъ онъ шагаетъ и ждетъ, когда выпустятъ его мальчишка.

— Вотъ что, Вася!—говоритъ онъ радостно, когда Вася наконецъ выходитъ.—Миѣ сейчасъ обѣщали мѣсто. Погоди, я куплю тебѣ отличную шубу... я тебя въ гимназію отдамъ! Понимаешь? Въ гимназію! Я тебя въ дворяне выведу! А пить больше не буду. Честное слово, не буду.

И онъ глубоко вѣрится въ свѣтлое будущее. Но вотъ наступаетъ вечеръ. Старуха, вернувшись отъ жидовъ съ двугривеннымъ, утомленная и разбитая, принимается за стирку дѣтскаго бѣлья. Вася сидитъ и рѣшаетъ задачу. Егорычъ не работаетъ. По милости Путохина онъ спился и теперь чувствуетъ неодолимую жажду выпить. Въ комнатахъ душно, жарко. Отъ корыта, въ которомъ старуха моетъ бѣлье, валитъ паръ.

— Пойдемъ, что ли?—угрюмо спрашиваетъ Егорычъ.

Мой жилецъ молчитъ. Послѣ возбужденія ему становится невыносимо скучно. Онъ борется съ желаніемъ выпить, съ тоской и... и, конечно, тоска беретъ верхъ. Исторія извѣстная...

Къ ночи Егорычъ и Путохинъ уходятъ, а утромъ Вася не находитъ бабушкиной шали.

Вотъ какая исторія происходила въ этой квартирѣ. Пропивши шаль, Путохинъ ужъ больше не возвращался домой. Куда онъ исчезъ, я не знаю. Послѣ того, какъ онъ продалъ, старуха сначала зашила, а потомъ слегла. Ее свезли въ больницу, младшихъ ребятъ взяла какая-то родня, а Вася поступилъ вотъ въ эту прачечную. Днемъ онъ подавалъ утюги, а ночью бѣгалъ за пивомъ. Когда изъ прачечной его выгнали, онъ поступилъ къ одной изъ барышень, бѣгалъ по ночамъ, исполняя какія-то порученія, и его звали уже «вышибалой». Что дальше было съ нимъ, я не знаю.

А въ этой вотъ комнатѣ десять лѣтъ жилъ нищій-музыкантъ. Когда онъ умеръ, въ его перинѣ нашли двадцать тысячъ.

ВЕСНОЙ.

Съ земли еще не сошелъ снѣгъ, а въ душу уже проситъ весна. Если вы когда-нибудь выздоравливали отъ тяжелой болѣзни, то вамъ извѣстно блаженное состояніе, когда замираешь отъ смутныхъ предчувствій и улыбаешься безъ всякой причины. Повидимому, такое же состояніе переживаетъ теперь и природа. Земля холодна, грязь со снѣгомъ хлюпаютъ подъ ногами, но какъ кругомъ все весело, ласково, привѣтливо! Воздухъ такъ ясенъ и прозраченъ, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную отъ края до края. Солнце свѣтитъ ярко, и лучи его, играя и улыбаясь, кунаются въ лужахъ вмѣстѣ съ воробьями. Рѣчка надувается и темнѣетъ; она уже проснулась и не сегодня — завтра зареветъ. Деревья голы, но уже живутъ, дышатъ.

Въ такое время хорошо гнать метлой или лопатой грязную воду въ канавахъ, пускать по водѣ кораблики, или долбить каблуками упрямый ледъ. Хорошо также гонять голубей подъ самую высь поднебесную, или лазить на деревья и привязывать тамъ скворешни. Да, все хорошо въ это счастливое время года — въ особенности, если вы молоды, любите природу, и если вы не капризны, не истеричны, и если по службѣ не обязаны сидѣть въ четырехъ стѣнахъ съ утра до вечера. Не хорошо, если вы больны, если чаете въ канцеляріи, если знаете съ музами.

Да, весною не слѣдуетъ знаться съ музами.

Вы поглядите, какъ хорошо, какъ славно чувствуютъ себя обыкновенные люди. Вотъ садовникъ Пантелей Пе-

тровичъ спозаранку нарядился въ широкополую, соломенную шляпу и никакъ не можетъ разстаться съ маленькимъ сигарнымъ окуркомъ, который онъ поднялъ еще утромъ на аллеѣ; посмотрите: онъ стоитъ подбоченясь, передъ кухоннымъ окномъ и рассказываетъ повару, какіе онъ вчера купилъ себѣ сапоги. Вся его длинная и узкая фигура, за которую его вся дворня зоветъ «стрюцкимъ», выражаетъ самодовольство и достоинство. На природу глядитъ онъ съ сознаниемъ своего превосходства надъ ней, и во взглядѣ у него что-то хозяйское, повелительное и даже презрительное, точно, сидя у себя тамъ въ оранжереѣ, или копаясь въ саду, онъ узналъ про растительное царство что-то такое, чего не знаетъ никто.

Было бы напрасно толковать ему, что природа величественна, грозна и полна чудесныхъ чаръ, передъ которыми долженъ склонить свою шею гордый человѣкъ. Ему кажется, что онъ знаетъ все, все тайны, чары и чудеса, а прекрасная весна для него такая же рабыня, какъ та узкогрудая, исхудалая женщина, которая сидитъ въ пристройкѣ около оранжереи и кормитъ постными щами его дѣтей.

А охотникъ Иванъ Захаровъ? Этотъ въ истрепанной драповой курткѣ и въ калошахъ на босу ногу, сидитъ около конюшни на опрокинутомъ боченкѣ и дѣлаетъ изъ старыхъ пробокъ пыжи. Онъ собирается на тягу. Въ его воображеніи рисуется путь, по которому онъ пойдетъ, со всеми тропинками, зазорами, ручьями; закрывъ глаза, онъ видитъ длинный, прямой рядъ высокихъ стройныхъ деревьевъ, подъ которыми онъ будетъ стоять съ ружьемъ, дрожа отъ вечерней прохлады, отъ сладкаго волненія и напрягая свой тонкій слухъ; ему чудятся звуки, которые издаетъ харкающей вальдшнепъ; онъ уже слышитъ, какъ въ монастырѣ, по сосѣдству, послѣ всенощной, пока онъ стоитъ на тягѣ, трезвонять во все колокола... Ему хорошо, онъ безмѣрно, безтолково счастливъ.

Но теперь поглядите на Макара Денисыча, молодого человѣка, который служитъ у генерала Стремоухова не то писаремъ, не то младшимъ управляющимъ. Онъ получаетъ вдвое больше, чѣмъ садовникъ, носитъ бѣлые манишки, куритъ двухрублевый табакъ, всегда сытъ и одѣтъ и всегда при встрѣчѣ съ генераломъ имѣетъ удовольствіе пожимать бѣлую, пухлую руку съ крупнымъ

брильянтовымъ перстнемъ, но тѣмъ не менѣе, все-таки какъ онъ несчастливъ! Вѣчно онъ съ книжками, выписываетъ онъ на двадцать пять рублей журналовъ и пишетъ, пишетъ... Пишетъ онъ каждый вечеръ, каждое послѣ-обѣда, когда всѣ спятъ, и все написанное прячетъ въ свой большой сундукъ. Въ этомъ сундукѣ, на самомъ днѣ лежатъ аккуратно сложенные брюки и жилеты; на нихъ еще не распечатанная пачка табаку, десятокъ коробочекъ изъ-подъ илюль, пунцовый шарфикъ, кусокъ глицериноваго мыла въ желтой оберткѣ и много всякаго другого добра, а по краямъ сундука робко жмутся стопки исписанной бумаги, и тутъ же два-три нумера «Нашей Губерніи», гдѣ напечатаны рассказы и корреспонденціи Макара Денисыча. Весь уѣздъ считаетъ его литераторомъ, поэтому, всѣ видятъ въ немъ что-то особенное, не любятъ его, говорятъ, что онъ не такъ говоритъ, не такъ ходитъ, не такъ куритъ, и самъ онъ однажды на мировомъ съѣздѣ, куда былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, проговорился некстати, что занимается литературой. причемъ покраснѣлъ такъ, какъ будто укралъ курицу.

Вотъ онъ, въ синемъ пальто, въ плюшевой шапочкѣ и съ тросточкой въ рукѣ, тихо идетъ по аллеѣ... Сдѣлаетъ шаговъ пять, остановится и уставитъ глаза въ небо, или на стараго грача, который сидитъ на ели.

Садовникъ стоитъ подбоченясь, на лицѣ у охотника написана строгость, а Макарь Денисычъ согнулся, робко кашляетъ и кисло смотритъ, точно весна давитъ и душитъ его своими испареніями, своей красотой!.. Душа его полна робости. Въмѣсто восторговъ, радости и надеждъ, весна порождаетъ въ немъ только какія-то смутныя желанія, которыя тревожатъ его, и вотъ онъ ходитъ и самъ не разберетъ, что ему нужно. Въ самомъ дѣлѣ, что ему нужно?

— А, здравствуйте, Макарь Денисычъ! — слышитъ онъ вдругъ голосъ генерала Стремоухова. — Что, еще не приѣзжали съ почты?

— Нѣтъ еще, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ Макарь Денисычъ, оглядывая коляску, въ которой сидитъ здоровый, веселый генералъ со своей маленькой дочкой.

— Чудесная погода! Совѣмъ весна! — говоритъ генералъ. — А вы гуляете? Чай, вдохновляетесь?

А въ глазахъ у него написано:

«Бездарность! Посредственность!»

— Ахъ, батенька! — говорить генераль, берясь за вожжи. — Какую прекрасную штучку я прочелъ сегодня за кофе! Пустячокъ, въ двѣ странички, но какая прелесть! Жаль, что вы не владеете французскимъ языкомъ, я даль бы вамъ почитать...

Генераль наскоро, пятое черезъ десятое, рассказываетъ содержаніе прочитаннаго имъ разказа, а Макаръ Денисычъ слушаетъ и чувствуетъ неловкость, словно его вина въ томъ, что онъ не французскій писатель, который пишетъ маленькія штучки.

«Не понимаю, что онъ тамъ нашелъ хорошаго? — думаетъ онъ, глядя вслѣдъ исчезающей коляскѣ. — Содержаніе пошлое, избитое... Мои разказы гораздо содержательнѣе».

И Макара начинаетъ сосать червь. Авторское самолюбіе — это боль, это катаръ души; кто болѣеть имъ, тому уже не слышно пѣнія птицъ, не видно блеска солнца, не видно весны... Нужно лишь чуть-чуть прикоснуться къ этой болячкѣ, чтобы сжался болѣзненно весь организмъ. Отравленный Макаръ идетъ дальше и черезъ садовую калитку выходитъ на грязную дорогу. Тутъ, подпрыгивая всѣмъ тѣломъ на высокой брчкѣ, спѣшитъ куда-то господинъ Бубенцовъ.

— А, господину писателю! — кричитъ онъ. — Наше вамъ!

Будь Макаръ Денисычъ только писаремъ, или младшимъ управляющимъ, то никто бы не посмѣлъ говорить съ нимъ такимъ снисходительнымъ, небрежнымъ тономъ, но онъ «писатель», онъ бездарность, посредственность!

Такіе, какъ господинъ Бубенцовъ, ничего не понимаютъ въ искусствѣ и мало интересуются имъ, но зато, когда имъ приходится встрѣчаться съ бездарностями и посредственностями, то они неумолимы, безжалостны. Они готовы простить кого угодно, но только не Макара, этого неудачника-чудака, у котораго въ сундукѣ лежатъ рукописи. Садовникъ сломалъ старый фікусъ и споялъ много дорогихъ растений, генераль ничего не дѣлаетъ и проѣдаетъ чужое, господинъ Бубенцовъ, когда былъ мировымъ судьей, разбирая дѣла только разъ въ мѣсяцъ и, разбирая, заикался, путалъ законы и несъ чепуху, но все это прощается, не

замѣчается; но не замѣтить и пройти молчаніемъ мимо бездарнаго Макара, пишущаго неважные стихи и рассказы, никакъ нельзя, не сказавъ чего-нибудь обиднаго. Что свояченица генерала бьетъ горничныхъ по щекамъ и бранится за картами, какъ прачка, что попадая никогда не платитъ пропгрыша, что помѣщикъ Флюгинъ укралъ у помѣщика Сивоборова собаку, никому до этого дѣла нѣтъ, но то, что недавно изъ «Нашей Губерніи» возвратили Макару плохой рассказъ, извѣстно всему уѣзду и вызываетъ насмѣшки, длинные разговоры, негодованіе, и Макара Денисыча уже называютъ Макаркою.

Если кто не такъ пишетъ, то не стараются объяснить, почему это «не такъ», а просто говорить:

— Опять этотъ сукниъ сынъ чепуху написалъ!

Наслаждаться весной мѣшаетъ Макару мысль, что его не понимаютъ, не хотятъ и не могутъ понять. Ему почему-то кажется, что если бы его поняли, то все было бы прекрасно. Но какъ могутъ понять, талантливъ онъ, или нѣтъ, если во всемъ уѣздѣ никто ничего не читаетъ, или читаетъ такъ, что лучше бы совсѣмъ не читать. Какъ втолковать генералу Стремоухову, что та французская штучка ничтожна, плоска, банальна, избита, какъ втолковать ему, если онъ, кромѣ такихъ плоскихъ штучекъ, никогда не читалъ ничего другого?

А какъ раздражаютъ Макара женщины!

— Ахъ, Макаръ Денисычъ!—говорятъ онѣ ему обыкновенно.—Какъ жаль, что васъ сегодня не было на базарѣ! Если бъ вы видѣли, какъ смѣшно дрались два мужика, вы навѣрно бы описали!

Все это, конечно, пустяки, и философъ не обратилъ бы вниманія, пренебрегъ бы, но Макаръ чувствуетъ себя какъ на угольяхъ. Душа его полна чувства одиночества, сиротства, тоски, той самой тоски, какую испытываютъ только очень одинокіе люди и больніе грѣшники. Никогда, ни разу въ жизни онъ не стоялъ такъ подбоченясь, какъ стоитъ садовникъ. Изрѣдка развѣ, этакъ разъ въ пять лѣтъ, встрѣтившись гдѣ-нибудь въ лѣсу, или на дорогѣ, или въ вагонѣ съ такимъ же неудачникомъ-чудакомъ, какъ онъ самъ, и заглянувъ ему въ глаза, онъ вдругъ оживетъ на минутку, оживетъ и тотъ. Они долго говорятъ, спорятъ,

восхищаются, восторгаются, хохочутъ, такъ что, со стороны глядя, ихъ обоихъ можно принять за безумныхъ.

Но обыкновенно и эти рѣдкія минуты не обходятся безъ отравы. Словно на смѣхъ, Макарь и неудачникъ, съ которымъ онъ встрѣтился, отрицаютъ другъ въ другѣ таланты, не признаютъ другъ друга, завидуютъ, ненавидятъ, раздражаются, расходятся врагами. Такъ и изнашивается, таетъ ихъ молодость безъ радостей, безъ любви и дружбы, безъ душевнаго покоя и безъ всего того, что такъ любить описывать по вечерамъ въ минуты вдохновенія угрюмый Макарь.

А съ молодостью проходить и весна.

БЪЛОЛОБЫЙ.

Голодная волчица встала, чтобы идти на охоту. Ея волчата, всѣ трое, крѣпко спали, сбившись въ кучу, и грѣли другъ друга. Она облизала ихъ и пошла.

Быль уже весенній мѣсяць мартъ, но по ночамъ деревья трещали отъ холода, какъ въ декабрѣ, и едва высунешь языкъ, какъ его начинало сильно щипать. Волчица была слабаго здоровья, мнительная; она вздрагивала отъ малѣйшаго шума и все думала о томъ, какъ бы дома безъ нея кто не обидѣлъ волчатъ. Запахъ человѣческихъ и лошадиныхъ слѣдовъ, пни, сложенные дрова и темная уनावоженная дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями въ потемкахъ стоятъ люди, и гдѣ-то за лѣсомъ воютъ собаки.

Она была уже не молода, и чутье у нея ослабѣло, такъ что, случалось, лисій слѣдъ она принимала за собачій и иногда даже, обманутая чутьемъ, сбивалась съ дороги, чего съ нею никогда не бывало въ молодости. По слабости здоровья, она уже не охотилась на телятъ и крупныхъ барановъ, какъ прежде, и уже далеко обходила лошадей съ жеребятами, а питалась одною падалью; свѣжее мясо ей приходилось кушать очень рѣдко, только весной, когда она, набредя на зайчиху, отнимала у нея дѣтей, или забиралась къ мужикамъ въ хлѣвъ, гдѣ были ягнята.

Въ верстахъ четырехъ отъ ея логовища, у почтовой дороги стояло зимовье. Тутъ жилъ сторожъ Игнатъ, старикъ лѣтъ семидесяти, который все кашлялъ и разговаривалъ самъ съ собой; обыкновенно ночью онъ спалъ, а днемъ бродилъ по лѣсу съ ружьемъ-одностволкою и посвистывалъ

на зайцевъ. Должно-быть, раньше онъ служилъ въ механикахъ, потому что каждый разъ, прежде чѣмъ остановиться, кричалъ себѣ: «Стопъ машина!» и прежде чѣмъ пойти дальше: «Полный ходъ!» При немъ находилась громадная черная собака неизвѣстной породы, по имени Аранка. Когда она забѣгала далеко впередъ, то онъ кричалъ ей: «Задній ходъ!» Иногда онъ шѣлъ и при этомъ сильно шатался и часто падалъ (волчиха думала, что это отъ вѣтра) и кричалъ: «Соехать съ рельсовы!»

Волчиха помнила, что лѣтомъ и осенью около зимовья паслись бараны и двѣ яри, и когда она не такъ давно пробѣгала мимо, то ей послышалось, будто въ хлѣву блеяли. И теперь, подходя къ зимовью, она соображала, что уже мартъ и, судя по времени, въ хлѣву должны быть ягнята непременно. Ее мучилъ голодь, она думала о томъ, съ какою жадностью она будетъ ѣсть ягненка, и отъ такихъ мыслей зубы у нея щелкали и глаза свѣтились въ потемкахъ, какъ два огонька.

Изда Игната, его сарай, хлѣвъ и колодець были окружены высокими сугробами. Было тихо. Аранка, должно-быть, спала подъ сараемъ.

По сугробу волчиха взобралась на хлѣвъ и стала разгребать лапами и мордой соломенную крышу. Солома была гнилая и рыхлая, такъ что волчиха едва не провалилась: на нее вдругъ прямо въ морду пахнуло теплымъ паромъ и запахомъ навоза и овечьего молока. Внизу, почувствовавъ холодъ, нѣжно заблеялъ ягненокъ. Прыгнувъ въ дыру, волчиха упала передними лапами и грудью на что-то мягкое и теплое, должно-быть, на барана, и въ это время въ хлѣву что-то вдругъ завизжало, залаяло и залилось тонкимъ, подвывающимъ голоскомъ, овцы шарахнулись къ стѣнкѣ, и волчиха, испугавшись, схватила, что первое попало въ зубы, и бросилась вонъ...

Она бѣжала, напрягая силы, а въ это время Аранка, уже почувывая волка, неистово выла, кудахтали въ зимовьѣ потревоженные куры, и Игнатъ, выйдя на крыльцо, кричалъ:

— Полный ходъ! Пошелъ къ свистку!

И свистѣлъ, какъ машина, и потомъ—го-го-го-го!.. И весь этотъ шумъ повторяло лѣсное эхо.

Когда мало-по-малу все это затихло, волчиха уснивоилась

немного и стала замѣчать, что ея добыча, которую она держала въ зубахъ и волокла по снѣгу, была тяжелѣе и какъ будто тверже, чѣмъ обыкновенно бываютъ въ эту пору ягнята, и пахло какъ будто иначе, и слышались какіе-то странные звуки... Волчиха остановилась и положила свою нону на снѣгъ, чтобы отдохнуть и начать ѣсть, и вдругъ отскочила съ отвращеніемъ. Это былъ не ягненокъ, а щенокъ, черный, съ большою головою и на высокихъ ногахъ, крупной породы, съ такимъ же бѣлымъ пятномъ во весь лобъ, какъ у Арапки. Судя по манерамъ, это былъ невяжка, простой дворняжка. Онъ облизалъ свою помятую, раненую спину и, какъ ни въ чемъ не бывало, замахалъ хвостомъ и залаялъ на волчиху. Она зарычала, какъ собака, и побѣжала отъ него. Онъ за ней. Она оглянулась и щелкнула зубами; онъ остановился въ недоумѣніи и, вѣроятно рѣшивъ, что это она играетъ съ нимъ, протянулъ морду по направленію къ зимовью и залился звонкимъ радостнымъ лаемъ, какъ бы приглашая мать свою Арапку поиграть съ нимъ и съ волчихой.

Уже свѣтало, и когда волчиха пробиралась къ себѣ густымъ осинникомъ, то было видно отчетливо каждую осинку, и уже просыпались тетерева и часто вспархивали красные пѣтухи, обезпокоенные неосторожными прыжками и лаемъ щенка.

«Зачѣмъ это онъ бѣжитъ за мной?—думала волчиха съ досадой.—Должно-быть, онъ хочетъ, чтобы я его съѣла».

Жила она съ волчатами въ неглубокой ямѣ; года три назадъ во время сильной бури вывернуло съ корнемъ высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма. Теперь на днѣ ея были старые листья и мохъ, тутъ же валялись кости и бычьи рога, которыми играли волчата. Они уже проснулись и всѣ трое, очень похожіе другъ на друга, стояли рядомъ на краю своей ямы и, глядя на возвращающуюся мать, помахивали хвостами. Увидѣвъ ихъ, щенокъ остановился поодаль и долго смотрѣлъ на нихъ; замѣтивъ, что они тоже внимательно смотрятъ на него, онъ сталъ лаять на нихъ сердито, какъ на чужихъ.

Уже разсвѣло и взошло солнце, засверкалъ кругомъ снѣгъ, а онъ все стоялъ поодаль и лалялъ. Волчата сосали свою мать, пихая ее лапами въ тощій животъ, а она въ это время грызла лошадиную кость, бѣлую и сухую; ес

мучилъ голодь, голова разболѣлась отъ собачьяго лая, и хотѣлось ей броситься на непрошеннаго гостя и разорвать его.

Наконецъ щенокъ утомился и охрипъ: видя, что его не боятся и даже не обращаютъ на него вниманія, онъ сталъ несмѣло, то присѣдая, то подсакивая, подходить къ волчатамъ. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, легко уже было разсмотрѣть его... Бѣлый лобъ у него былъ большой, а на лбу бугоръ, какой бываетъ у очень глупыхъ собакъ; глаза были маленькіе, голубые, тусклые, а выраженіе всей морды чрезвычайно глупое. Подойдя къ волчатамъ, онъ претянулъ впередъ широкія лапы, положилъ на нихъ морду и началъ:

— Мня, мня... нга-нга-нга!..

Волчата ничего не поняли, но замахали хвостами. Тогда щенокъ ударилъ лапой одного волчонка по большой головѣ. Волчонокъ тоже ударилъ его лапой по головѣ. Щенокъ сталъ къ нему бокомъ и посмотрѣлъ на него искоса, помахивая хвостомъ, потомъ вдругъ рванулся съ мѣста и сдѣлалъ нѣсколько круговъ по насту. Волчата погнались за нимъ, онъ упалъ на спину и задралъ вверхъ ноги, а они втроемъ напали на него и, визжа отъ восторга, стали кусать его, но не больно, а въ шутку. Вороны сидѣли на высокой соснѣ и смотрѣли сверху на ихъ борьбу, и очень безинтересно. Стало шумно и весело. Солнце припекало уже по-весеннему, и пѣтухи, то и дѣло перелетавшіе черезъ сосну, поваленную бурей, при блескѣ солнца казались изумрудными.

Обыкновенно волчихи пріучаютъ своихъ дѣтей къ охотѣ, давая имъ поиграть добычей: и теперь, глядя, какъ волчата гонялись по насту за щенкомъ и боролись съ нимъ, волчиха думала:

«Пускай пріучаются».

Наигравшись, волчата пошли въ яму и легли спать. Щенокъ повылъ немного съ голоду, потомъ тоже растянулся на солнышкѣ. А проснувшись, опять стали играть.

Весь день и вечеромъ волчиха вспоминала, какъ прошлую ночью въ хлѣву блеялъ ягненокъ и какъ нахло овечьимъ молокомъ, и отъ аппетита она все щелкала зубами и не переставала грызть съ жадностью старую кость, воображая себѣ, что это ягненокъ. Волчата сосали, а щенокъ, который хотѣлъ ѣсть, бѣгалъ кругомъ и обнюхивалъ сѣбѣ.

«Съѣмъ-ка его»...—рѣшила волчиха.

Она подошла къ нему, а онъ лизнулъ ее въ морду и заскулилъ, думая, что она хочетъ играть съ нимъ. Въ былое время она ѣдала собакъ, но отъ щенка сильно пахло псиной, и, по слабости здоровья, она уже не терпѣла этого запаха; ей стало противно, и она отошла прочь..

Къ ночи похолодѣло. Щенокъ соскучился и ушелъ домой.

Когда волчата крѣпко уснули, волчиха опять отправилась на охоту. Какъ и въ прошлую ночь, она тревожилась малѣйшаго шума, и ее пугали пни, дрова, темные, одиноко стоящіе кусты можжевельника, издали похожіе на людей. Она бѣжала въ сторонѣ отъ дороги, но насту. Вдругъ далеко впереди на дорогѣ замелькало что-то темное... Она напрягла зрѣніе и слухъ: въ самомъ дѣлѣ, что-то шло впереди, и даже слышны были мѣрные шаги. Не барсукъ ли? Она осторожно, чуть дыша, забирая все въ сторону, обогнала темное пятно, оглянулась на него и узнала. Это, не смѣйна, шагомъ, возвращался къ себѣ въ зимовье щенокъ съ бѣлымъ лбомъ.

«Какъ бы онъ опять мнѣ не помѣшалъ»,—подумала волчиха и быстро побѣжала впередъ.

Но зимовье было уже близко. Она опять взобралась на хлѣвъ по сугробу. Вчерашняя дыра была уже задѣлана яровой соломой, и по крышѣ протянулись двѣ новыя слеги. Волчиха стала быстро работать ногами и мордой, оглядываясь, не идетъ ли щенокъ, но едва пахнуло на нее теплымъ паромъ и запахомъ навоза, какъ сзади послышался радостный, залихватый лай. Это вернулся щенокъ. Онъ прыгнулъ къ волчихѣ на крышу, потомъ въ дыру и, почувствовавъ себя дома, въ тѣплѣ, узнавъ своихъ овецъ, залаялъ еще громче... Арапка проснулась подъ сараемъ и, почуввавъ волка, завыла, закудахтали куры, и когда на крыльцѣ показался Игнатъ со своей одностволкой, то перелуганная волчиха была уже далеко отъ зимовья.

— Фюйтъ!—засвистѣлъ Игнатъ.—Фюйтъ! Гони на всѣхъ нарахъ!

Онъ спустилъ курокъ—ружье дало осѣчку; онъ спустилъ еще разъ—опять осѣчка; онъ спустилъ въ третій разъ—и громадный огненный снапъ вылетѣлъ изъ ствола и раздалось оглушительное «бу! бу!» Ему сильно отдало въ плечо;

и, взявши въ одну руку ружье, а въ другую топоръ, онъ пошелъ посмотрѣть, отчего шумъ...

Немного погодя, онъ вернулся въ избу.

— Что тамъ?—спросилъ хриплымъ голосомъ странникъ, ночевавшій у него въ эту ночь и разбудженный шумомъ.

— Ничего...—отвѣтилъ Игнатъ.—Пустое дѣло. Повалился нашъ Бѣлолобый съ овцами спать, въ теплѣ. Только нѣтъ того понятія, чтобы въ дверь, а норовитъ все какъ бы въ крышу. Намедни ночью разобралъ крышу и гулять ушелъ, подлець, а теперь вернулся и опять разворонилъ крышу.

— Глухой.

— Да, пружина въ мозгу лопнула. Смерть не люблю глухыхъ!—вздыхнулъ Игнатъ, полѣзая на печь.—Ну, Божій человекъ, рано еще вставать, давай спать полнымъ ходомъ...

А утромъ онъ подозвалъ къ себѣ Бѣлолобаго, больно оттрепалъ его за уши и потомъ, наказывая его хворостинной, все приговаривалъ:

— Ходи въ дверь! Ходи въ дверь! Ходи въ дверь!

У ПРЕДВОДИТЕЛЬШИ.

Перваго февраля каждаго года, въ день св. мученика Трифона, въ имѣннн вдовы бывшаго уѣзднаго предводителя Трифона Львовича Завязтова бываетъ необычайное движеніе. Въ этотъ день вдова предводителя Любовь Петровна служитъ по усомненію именинникѣ панихиду, а послѣ панихиды—благодарственное Господу Богу молебствіе. На панихиду съѣзжается весь уѣздъ. Тутъ вы увидите теперешняго предводителя Хрумова, предсѣдателя земскоѣ управы Марѣуткина, непремѣннаго члена Потрашкова, обоихъ участковыхъ мировыхъ, исправника Кринолинова, двухъ становыхъ, земскаго врача Дворянина, пахнущаго іодоформомъ, всѣхъ помѣщиковъ, большихъ и малыхъ, и проч. Всего набирается человѣкъ около пятидесяти.

Ровно въ 12 часовъ дня гости, вытянувъ фізіономін, пробираются изъ всѣхъ комнатъ въ залу. На полу ковры, и шаги безшумны, но торжественность случая заставляетъ инстинктивно подниматься на цыпочки и балансировать при ходьбѣ руками. Въ залѣ уже все готово. Отецъ Евменій, маленькій старичокъ, въ высокой, полинявшей камилавкѣ, надѣваетъ черныя ризы. Діаконъ Конкордіевъ, красный, какъ ракъ, и уже облаченный, безшумно перелистываетъ требникъ и закладываетъ въ него бумажки. У двери, ведущей въ переднюю, дьячокъ Лука, надувъ широко щеки и выпучивъ глаза, раздуваетъ кадило. Зала постепенно наполняется синеватымъ, прозрачнымъ дымкомъ и запахомъ ладана. Народный учитель Геликонскій, молодой человѣкъ, въ новомъ, мѣшковатомъ сюртукѣ и съ большими угрями

на испуганномъ лицѣ, разноситъ на мельхиоровомъ подносѣ восковыя свѣчи. Хозяйка Любовь Петровна стоитъ впереди около столика съ кутьей и заранѣе прикладываетъ къ лицу платокъ. Кругомъ тишина, изрѣдка прерываемая вздохами. Лица у всѣхъ натянутыя, торжественныя...

Панихида начинается. Изъ кадила струится синій дымокъ и играетъ въ косомъ солнечномъ лучѣ, зажженные свѣчи слабо потрескиваютъ. Пѣніе, сначала рѣзкое и оглушительное, вскорѣ, когда пѣвчіе мало-по-малу приспособляются къ акустическимъ условіямъ комнатъ, дѣлается тихимъ, стройнымъ... Мотивы все печальныя, заунывныя... Гости мало-по-малу настраиваются на меланхолическій ладъ и задумываются. Въ головы ихъ лѣзутъ мысли о краткости жизни человѣческой, о бренности, суетѣ мірской... Припоминается покойный Завятовъ, полный, краснощекій, выпивавшій залпомъ бутылку шампанскаго и разбивавшій лбомъ зеркала. А когда поютъ «Со святыми упокой» и слышатся всхлипыванья хозяйки, гости начинаютъ тоскливо переминаться съ ноги на ногу. У болѣе чувствительныхъ начинается почесываться въ горлѣ и около вѣкъ. Предсѣдатель земской управы Маревтинъ, желая заглушить непріятное чувство, нагибается къ уху исправника и шепчетъ:

— Вчера я былъ у Ивана Федорыча... Съ Петромъ Петровичемъ большой шлемъ на безъ козыряхъ взяли... Ей-Богу... Ольга Андреевна до того взбѣленилась, что у нея изъ рта искусственный зубъ выпалъ.

Но вотъ поется «Вѣчная память». Геликонскій почти-тельно отбираетъ свѣчи, и панихида кончается. За симъ слѣдуетъ минутная суматоха, переѣмна ризь и молебенъ. Послѣ молебна, пока отецъ Евменій разоблачается, гости потираютъ руки и кашляютъ, а хозяйка рассказываетъ о добротѣ покойнаго Трифона Львовича.

— Прошу, господа, закусить! — оканчиваетъ она свой рассказъ, вздыхая.

Гости, стараясь не толкаться и не наступать другъ другу на ноги, слѣзаетъ въ столовую... Тутъ ожидаетъ ихъ завтракъ. Этотъ завтракъ до того роскошенъ, что дьяконъ Конкордіевъ ежегодно, при взглядѣ на него, считаетъ своею обязанностью развести руками, покачать въ изумленіи головой и сказать:

— Сверхъестественно! Это, отецъ Евменій, не столько похоже на пищу человѣковъ, сколько на жертвы, приносимыя богамъ.

Завтракъ, дѣйствительно, необыкновененъ. На столѣ есть все, что только могутъ дать флора и фауна, сверхъестественнаго же въ немъ развѣ только одно: на столѣ есть все, кромѣ... спиртныхъ напитковъ. Любовь Петровна дала обѣтъ не держать въ домѣ карты и спиртныхъ напитковъ—двухъ вещей, погубившихъ ея мужа. И на столѣ стоятъ только бутылки съ уксусомъ и масломъ, словно на смѣхъ и въ наказаніе завтракающимъ, вслошную состоящимъ изъ отчаянныхъ пропойць и вышивохъ.

— Кушайте, господа!—приглашаетъ предводительша.— Только, извините, водки у меня нѣтъ... Не держу...

Гости приближаются къ столу и нерѣшительно приступаютъ къ пирогу. Но ѣда не клеится. Въ тыканьи вилками, въ рѣзаньи, въ жеваньи видна какая-то лѣнь, апатія... Видимо чего-то не хватаетъ.

— Чувствую, словно потерялъ что-то...—шепчетъ одинъ мировой другому. — Такое же чувство было у меня, когда жена съ инженеромъ бѣжала... Не могу ѣсть!

Маруткинъ, прежде чѣмъ начать ѣсть, долго роется въ карманахъ и ищетъ носовой платокъ.

— Да вѣдь платокъ въ шубѣ! А я-то нищу. — вспоминаетъ онъ громогласно и идетъ въ переднюю, гдѣ повѣшены шубы.

Изъ передней возвращается онъ съ масляными глазками и тотчасъ же аштитно набрасывается на пирогъ.

— Что, небось, противно въ сухомятку трескаться?—шепчетъ онъ отцу Евменію.— Ступай, батя, въ переднюю, тамъ у меня въ шубѣ бутылка есть... Только смотри, поосторожнѣй, бутылкой не звякни!

Отецъ Евменій вспоминаетъ, что ему нужно приказать что-то Лукѣ, и сѣменить въ переднюю.

— Батюшка! два слова... по секрету! — догоняетъ его Дворягинъ.

— А какую я себѣ шубу купилъ, господа, по случаю!— хвастаетъ Хрумовъ. — Стоитъ тысячу, а я даль... вы не повѣрите... двѣсти пятьдесятъ! Только!

Во всякое другое время гости встрѣтили бы это извѣстіе равнодушно, но теперь они выражаютъ удивленіе и

не вѣрягь. Въ концѣ-концовъ, всѣ валяютъ толпой въ переднюю глядѣть на шубу и глядятъ до тѣхъ поръ, пока докторскій Микешка не выноситъ тайкомъ изъ передней пять пустыхъ бутылокъ... Когда подають разварного осетра, Мареуткинъ вспоминаеть, что онъ забылъ свой портсигаръ въ саняхъ, и идетъ въ конюшню. Чтобы одному не скучно было идти, онъ беретъ съ собою дьякона, которому кстати же нужно поглядѣть на лошадь...

Вечеромъ того же дня Любовь Петровна сидитъ у себя въ кабинетѣ и пишетъ старинной петербургской подругѣ письмо:

«Сегодня, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, — пишетъ она, между прочимъ, — у меня была панихида по покойномъ. Были на панихидѣ всѣ мои сосѣди. Народъ грубый, простой, но какія сердца! Угостила я ихъ на славу, но, конечно, какъ и въ тѣ годы, горячихъ напитковъ — ни капли. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ отъ излишества, я дала себѣ клятву водворить въ нашемъ уѣздѣ трезвость и этимъ самымъ искупить его грѣхи. Проповѣдь трезвости я начала со своего дома. Отецъ Евменій въ восторгѣ отъ моей задачи и помогаетъ мнѣ словомъ и дѣломъ. Ахъ, та снѣге, если бѣ ты знала, какъ любятъ меня мои медвѣди! Предсѣдатель земской управы Мареуткинъ послѣ завтрака припалъ къ моей рукѣ, долго держалъ ее у своихъ губъ и, смѣшно заматавъ головой, заплакалъ: много чувства, но нѣтъ словъ! Отецъ Евменій, этотъ чудный старикашечка, подсѣлъ ко мнѣ и, слезливо глядя на меня, лепеталъ долго что-то, какъ дитя. Я не поняла его словъ, но понять искреннее чувство я умѣю. Исправникъ, тотъ красивый мужчина, о которомъ я тебѣ писала, сталъ передо мной на колѣни, хотѣлъ прочесть стихи своего сочиненія (онъ у насъ поэтъ), но... не хватило силъ... покачнулся и упалъ... Съ великаномъ сдѣлалась истерика... Можешь представить мой восторгъ! Не обошлось, впрочемъ, и безъ неприятностей. Бѣдный предсѣдатель мирового съѣзда Алалыкинъ, человекъ полный и апоплексическій, почувствовалъ себя дурно и пролежалъ на диванѣ въ безсознательномъ состояніи два часа. Пришлось отливать его водой... Спасибо доктору Дворнягину: принесъ изъ своей аптеки бутылку коньяку и помочилъ ему виски, отчего тотъ скоро пришелъ въ себя и былъ увезенъ...»

ПЪВЧІЕ.

Съ легкой руки мирового, получившаго письмо изъ Питера, разнеслись слухи, что скоро въ Ефремово придетъ баринъ, графъ Владиміръ Ивалычъ. Когда онъ придетъ, — неизвѣстно.

— Яко тать въ ноши, — говоритъ отецъ Кузьма, маленький, сѣденькій пошникъ въ лиловой ряскѣ. — А ежели онъ придетъ, то и прохода здѣсь не будетъ отъ дворянства и прочаго высшаго сословія. Всѣ сосѣди съѣдутся. Ужь ты тово... постарайся, Алексѣй Алексѣичъ... Сердечно прошу...

— Мнѣ-то что! — говоритъ Алексѣй Алексѣичъ, хмурясь. — Я свое дѣло сдѣлаю. Лишь бы только мой врагъ ектенію въ тонъ читалъ. А то вѣдь онъ на зло...

— Ну, ну... я умолю дьякона... умолю...

Алексѣй Алексѣичъ состоитъ псаломщикомъ при ефремовской Трехсвятительской церкви. Въ то же время онъ обучаетъ школьныхъ мальчиковъ церковному и свѣтскому пѣнію, за что получаетъ отъ графской конторы шестьдесятъ рублей въ годъ. Школьные же мальчики за свое обученіе обязаны пѣть въ церкви. Алексѣй Алексѣичъ, высокий, плотный мужчина съ солидною походкой и бритымъ, жирнымъ лицомъ, похожимъ на коровье вымя. Своею статностью и двухъэтажнымъ подбородкомъ онъ болѣе похожъ на человека, занимающаго не послѣднюю ступень въ высшей свѣтской іерархіи, чѣмъ на дьячка. Странно было глядѣть, какъ онъ, статный и солидный, бухалъ владыкѣ земные поклоны и какъ однажды, послѣ одной слишкомъ громкой распри съ дьякономъ Евлампіемъ Авдіесовымъ, стоялъ два часа на колѣняхъ, по приказу отца благочиннаго. Величіе болѣе прилично его фигурѣ, чѣмъ униженіе.

Въ виду слуховъ о пріѣздѣ графа, онъ дѣлаетъ спѣвки каждый день утромъ и вечеромъ. Спѣвки производятся въ

школь. Школьнымъ занятіямъ онѣ мало мѣшаютъ. Во время пѣнія, учитель Сергѣй Макарычъ задаетъ ученикамъ чистописаніе и самъ присоединяется къ тенорамъ, какъ любитель.

Вотъ какъ производятся сѣвки. Въ классную комнату, хлопая дверью, входитъ сморкающійся Алексѣй Алексѣичъ. Изъ-за ученическихъ столовъ съ шумомъ выползаютъ дисканты и альты. Со двора, стуча ногами, какъ лошади, входятъ давно уже ожидающіе тенора и басы. Всѣ становятся на свои мѣста. Алексѣй Алексѣичъ вытягивается, дѣлаетъ знакъ, чтобы молчали, и издаетъ камертономъ звукъ.

— То-то-ти-то-томъ... До-ми-соль-до!

— А-а-а-мины!

— Адажьо... адажьо... Еще разъ...

Послѣ «аминь» слѣдуетъ «Господи помилуй» великой ектениі. Все это давно уже выучено, тысячу разъ пѣто, пережевано и поется только такъ, для проформы. Поется лѣниво, безсознательно. Алексѣй Алексѣичъ покойно машетъ рукой и подиѣваетъ то теноромъ, то басомъ. Все тихо, ничего интереснаго... Но передъ «Херувимской» весь хоръ вдругъ начинаетъ сморкаться, кашлять и усиленно передистывать ноты. Регентъ отворачивается отъ хора и съ таинственнымъ выраженіемъ лица начинаетъ настраивать скрипку. Минуты двѣ длятся приготовленія.

— Становитесь. Смотрите въ ноты получше... Басы, не напирайте... помягче...

Выбирается «Херувимская» Бортнянскаго, № 7. По данному знаку наступаетъ тишина. Глаза устремляются въ ноты, и дисканты раскрываютъ рты. Алексѣй Алексѣичъ тихо опускаетъ руку.

— Піано... піано... Вѣдь тамъ «піано» написано... Легче, легче!

— ...ві.. и.. мы...

Когда нужно пѣть ріано, на лицѣ Алексѣя Алексѣича разлита доброта, ласковость, словно онъ хорошую закуску во снѣ видитъ.

— Форте... форте! Напирайте!

И когда нужно пѣть forte, жирное лицо регента выражаетъ сильный испугъ и даже ужасъ.

«Херувимская» поется хорошо, такъ хорошо, что школьники оставляютъ свое чистописаніе и начинаютъ слѣдить

за движеніями Алексѣя Алексѣича. Подъ окнами остана-
вливается народъ. Входитъ въ классъ сторожъ Василій
въ фартукѣ, со столовымъ ножомъ въ рукѣ, и заслуши-
вается. Какъ изъ земли вырастаетъ отецъ Кузьма съ оза-
боченнымъ лицомъ... Послѣ «отложимъ попеченіе» Алексѣй
Алексѣичъ вытираетъ со лба потъ и въ волненіи подхо-
дитъ къ отцу Кузьмѣ.

— Недоумѣваю, отецъ Кузьма!—говоритъ онъ, пожимая
плечами.—Отчего это въ русскомъ народѣ пониманія нѣтъ?
Недоумѣваю, накажи меня Богъ! Такой необразованный
народъ, что никакъ не разберешь, что у него тамъ въ
горлѣ: глотка, или другая какая внутренность? Подавился
ты, что ли?—обращается онъ къ басу Геннадію Семичеву,
брату кабатчика.

— А что?

— На что у тебя голосъ похожъ? Трещить, словно ка-
стрюля. Опять, небось, вчерась трахнулъ за галетукъ? Такъ
и есть! Изъ рта, какъ изъ кабака... Э-эхъ! Мужикъ, бра-
тецъ, ты! Невѣжа ты! Какой же ты пѣвчій, ежели ты съ
мужиками въ кабацкѣ компанію водишь? Эхъ, ты осель,
братецъ!

— Грѣхъ, братъ, грѣхъ... — бормочетъ отецъ Кузьма.—
Богъ все видитъ... насквозь...

— Оттого ты и пѣнія нисколько не понимаешь, что у
тебя въ мысляхъ водка, а не божественное, дуракъ ты
этакій.

— Не раздражайся, не раздражайся...—говоритъ отецъ
Кузьма.—Не сердись... Я его умолю.

Отецъ Кузьма подходитъ къ Геннадію Семичеву и начи-
наетъ его умолять:

— Зачѣмъ же ты? Ты, тово, пойми у себя въ умѣ. Че-
ловѣкъ, который поетъ, долженъ себя воздерживать, потому
что глотка у него того... нѣжная.

Геннадій чешетъ себѣ шею и косится на окно, точно не
къ нему рѣчь.

Послѣ «Херувимской» поютъ «Вѣрую». потомъ «Достоиню
и праведно», поютъ чувствительно, гладенько — и такъ до
«Отче нашъ».

— А по-моему, отецъ Кузьма,—говоритъ регентъ:— про-
стое «Отче нашъ» лучше нетнаго. Его бы и свѣтъ при
графѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пой потное... Потому графъ въ столицахъ, къ обѣднѣ ходючи, окромѣ потнаго ничего... Небось, тамъ въ канеллахъ... Тамъ, братъ, еще и не такія ноты!..

Послѣ «Отче нашъ» опять кашель, сморканье и перелистыванье нотъ. Предстоитъ исполнить самое трудное: концертъ. Алексѣй Алексѣичъ изучаетъ двѣ вещи: «Кто Богъ велій» и «Всемирную славу». Что лучше выучать, то и будутъ пѣть при графѣ. Во время концерта регентъ входитъ въ азартъ. Выраженіе доброты то и дѣло смѣняется испугомъ. Онъ машетъ руками, шевелитъ пальцами, дергаетъ плечами...

— Форте!—бормочетъ онъ.—Анданте! Разжимайте.. разжимайте! Пой, идолъ! Тенора, не доносите! То-го-ти-то-гомъ... Соль... си... соль, дурья твоя голова! Велій! Басы, ве... ве... лій...

Его смычокъ гуляетъ по головамъ и плечамъ фальшивящихъ дискантовъ и альтовъ. Лѣвая рука то и дѣло хватаетъ за уши маленькихъ пѣвцовъ. Разъ даже, увлекшись, онъ согнутымъ большимъ пальцемъ бьетъ подъ подбородокъ баса Геннадія. Но пѣвчіе не плачутъ и не сердятся на побой: они сознаютъ всю важность исполняемой задачи.

Послѣ концерта проходитъ минута въ молчаніи. Алексѣй Алексѣичъ, вспотѣвшій, красный, изнеможенный, садится на подоконникъ и окидываетъ присутствующихъ мутнымъ, отяжелѣвшимъ, но побѣднымъ взглядомъ. Въ толпѣ слушателей онъ, къ великому своему неудовольствію, усматриваетъ дьякона Авдіеова. Дьяконъ, высокій, плотный мужчина, съ краснымъ, рябымъ лицомъ и съ соломой въ волосахъ, стоитъ, облокотившись о печь, и презрительно ухмыляется.

— Ладно, пой! Выводи ноты!— бормочетъ онъ густымъ басомъ.—Очень нужно грахву твое пѣніе! Кму хоть по нотамъ пой, хоть безъ нотъ... Потому—атеистъ...

Отецъ Кузьма испуганно озирается и шевелитъ пальцами.

— Ну, ну...—шепчетъ онъ.—Молчи, дьяконъ. Молю...

Послѣ концерта поютъ «Да исполнятся уста наша», и свѣвка кончается. Пѣвчіе расходятся, чтобы сойтись вечеромъ для новой свѣвки. И такъ каждый день.

Проходитъ мѣсяць, другой...

Уже и управляющій получилъ увѣдомленіе о скоромъ пріѣздѣ графа. Но вотъ, наконецъ, съ господскихъ оконъ сни-

маются запыленные жалюзи, и Ефремово слышит звуки разбитого, разстроеннаго рояля. Отец Кузьма чахнет и самъ не знаетъ, отчего онъ чахнетъ: отъ восторга ли, отъ скуки ли... Дьяконъ ходитъ и ухмыляется.

Въ ближайшій субботній вечеръ отецъ Кузьма входитъ въ квартиру регента. Лицо его блѣдно, плечи осунулись, блескъ лиловой рясы померкъ.

— Былъ сейчасъ у его сиятельства,—говоритъ онъ, заикаясь, регенту. — Образованный господинъ, съ деликатными понятіями... Но, тово... обидно, братъ... Въ какомъ часу, говорю, ваше сиятельство, прикажете завтра къ литургии ударить? А они мнѣ: «Когда знаете... Только нельзя ли какъ-нибудь поскорѣе, покороче... безъ пѣвчихъ». Безъ пѣвчихъ! Того, понимаешь... безъ пѣвчихъ...

Алексѣй Алексѣичъ багровѣетъ. Легче ему еще разъ простоять два часа на колѣняхъ, чѣмъ этакія слова слышать! Всю ночь не спитъ онъ. Не такъ обидно ему, что пропали его труды, какъ то, что Авдѣсовъ не дастъ ему теперь прохода своими насмѣшками. Авдѣсовъ радъ его горю. На другой день всю обѣдню онъ презрительно косится на клиросъ, гдѣ одинъ, какъ перстъ, баситъ Алексѣй Алексѣичъ. Проходя съ кадиломъ мимо клироса, онъ бормочетъ:

— Выводи поты, выводи! Старайся! Грахвъ красненькую на хоръ дасть!

Послѣ обѣдни регентъ, уничтоженный и больной отъ обиды, идетъ домой. У воротъ догоняетъ его красный Авдѣсовъ.

— Пстой, Алеша, — говоритъ дьяконъ. — Пстой, дура, не сердись! Не ты одинъ, и я, братъ, въ накладѣ! Подходить сейчасъ послѣ обѣдни къ грахву отецъ Кузьма и спрашиваетъ: «А какого вы понятія о голосѣ діакона, ваше сиятельство? Не правда ли, совершеннѣйшая октава?» А грахвъ-то, знаешь, что выразилъ? Конплименты!—«Кричать, говорить, всякій можетъ. Не такъ, говорить, важенъ въ человѣкѣ голосъ, какъ умъ». Питерскій дока! Атеистъ и есть атеистъ! Пойдемъ, братъ сирота, съ обиды тарарахнемъ точію по единой!

И враги, взявшись подъ руки, идутъ въ ворота...

ПОСЛѢДНЯЯ МОГИКАНША.

Я и помѣщикъ отставной штабъ-ротмистръ Докукинъ, у котораго я гостилъ весною, сидѣли въ одно прекрасное весеннее утро въ бабушкиныхъ креслахъ и лѣниво глядѣли въ окно. Скука была ужасная.

— Тьфу!—бормоталъ Докукинъ. — Такая тоска, что судьбному приставу радъ будешь!

«Спать улечься, что ли?»—думалъ я.

И думали мы на тему о скукѣ долго, очень долго, до тѣхъ поръ, пока сквозь давно немытыя, отливавшія радугой оконныя стекла не замѣтили маленькой перемѣны, происшедшей въ круговоротѣ вселенной: пѣтухъ, стоявшій около воротъ на кучѣ прошлогодней листвы и поднимавшій то одну ногу, то другую (ему хотѣлось поднять обѣ ноги разомъ), вдругъ встрепенулся и, какъ ужаленный, бросился отъ воротъ въ сторону.

— Кто-то идетъ, или ѣдетъ... — улыбулся Докукинъ.— Хоть бы гостей нелегкая принесла. Все-таки повеселѣе бы...

Пѣтухъ не обманулъ насъ. Въ воротахъ показалась сначала лошадиная голова съ зеленой дугой, затѣмъ цѣлая лошадь и, наконецъ, темная, тяжелая бричка съ большими безобразными крыльями, напоминавшими крылья жука, когда послѣдній собирается летѣть. Бричка въѣхала во дворъ, неуклюже повернула налѣво и съ визгомъ и тархтѣньемъ покатила къ конюшнѣ. Въ ней сидѣли двѣ человѣческія фигуры: одна женская, другая, поменьше—мужская.

— Чортъ возьми...—пробормоталъ Докукинъ, глядя на меня испуганными глазами и почесывая високъ.— Не было

печали, такъ вотъ черти накачали. Недаромъ я сегодня во снѣ печь видѣлъ.

— А что? Кто это прѣвхаль?

— Сестрица съ мужемъ, чтобъ ихъ...

Докукинъ поднялся и нервно прошелся по комнатѣ.

— Даже подъ сердцемъ похолодѣло...—проворчалъ онъ.— Грѣшно не имѣть къ родной сестрѣ родственныхъ чувствъ, но—вѣрите ли?—легче мнѣ съ разбойничьимъ атаманомъ вѣлѣсу встрѣтиться, чѣмъ съ нею. Не спрятаться ли намъ? Пусть Тимошка совретъ, что мы на сѣздѣ уѣхали.

Докукинъ сталъ громко звать Тимошку. Но поздно было лгать и прятаться. Черезъ минуту въ передней послышалось шушуканье: женскій басъ шептался съ мужскимъ теноркомъ.

— Поправь мнѣ внизу оборку!—говорилъ женскій басъ.— Опять ты не тѣ брюки надѣлъ!

— Синія брюки вы дяденькѣ Василю Антипычу отдали-съ, а пестрыя приказали мнѣ до зимы спрятать,—оправдывался тенорокъ.—Шаль за вами нести, или тутъ прикажете оставить?

Дверь наконецъ отворилась, и въ комнату вошла дама лѣтъ сорока, высокая, полная, разсыпчатая, въ шелковомъ голубомъ платьѣ. На ея краснощекомъ, весноватомъ лицѣ было написано столько тупой важности, что я сразу какъ-то почувствовалъ, почему ее такъ не любитъ Докукинъ. Вслѣдъ за полной дамой сѣменилъ маленькій, худенькій человѣчекъ, въ пестромъ сюртучкѣ, широкихъ палатонахъ и бархатной жилеткѣ,—узкоплечій, бритый, съ краснымъ носикомъ. На его жилеткѣ болталась золотая цѣпочка, похожая на цѣпь отъ лампы. Въ его одеждѣ, движеніяхъ, носикѣ, во всей его нескладной фигурѣ сквозило что-то рабски-приниженное, пришибленное... Барыня вошла и, какъ бы не замѣчая насъ, направилась къ иконамъ и стала креститься.

— Крестись!—обернулась она къ мужу.

Человѣчекъ съ краснымъ носикомъ вздрогнулъ и началъ креститься.

— Здравствуй, сестра! — сказалъ Докукинъ, обращаясь къ дамѣ, когда та кончила молиться, и вздохнулъ.

Дама солидно улыбнулась и потянула свои губы къ губамъ Докукина.

Человѣчекъ тоже полѣзъ цѣловаться.

— Позвольте представить... Моя сестра Олимпиада Егоровна Хлыкина... Ея мужъ Доснѣей Андренчъ. А это мой хорошій знакомый...

— Очень рада,—сказала протяжно Олимпиада Егоровна, не подавая мнѣ руки.—Очень рада...

Мы сѣли и минуту помолчали.

— Чай, не ждалъ гостей?—начала Олимпиада Егоровна, обращаясь къ Докукину.—Я и сама не думала быть у тебя, братецъ, да вотъ къ предводителю ѣду, такъ мимоѣдомъ...

— А зачѣмъ къ предводителю ѣдешь?—спросилъ Докукинъ.

— Зачѣмъ? Да вотъ на него жаловаться!—кинула дама на своего мужа.

Доснѣей Андренчъ потупилъ глазки, поджалъ ноги подъ стулъ и конфузливо кашлянулъ въ кулакъ.

— За что же на него жаловаться?

Олимпиада Егоровна вздохнула.

— Званіе свое забываетъ!—сказала она.—Что жъ? Жаловалась я и тебѣ, братецъ, и его родителямъ, и къ отцу Григорію его возила, чтобъ наставленіе ему прочесть, и сама всякія мѣры принимала, ничего же не вышло! Поневолѣ приходится господина предводителя безпокоить...

— Но что же онъ сдѣлалъ такое?

— Ничего не сдѣлалъ, а званія своего не помнитъ! Онъ, положимъ, не пьющій, смиренный, уважительный, но что съ того толку, ежели онъ не помнитъ своего званія! Погляди-ка, сгорбившись сидитъ, словно проситель какой, или разночинецъ. Нешто дворяне такъ сидятъ? Сиди, какъ слѣдуетъ! Слышишь?

Доснѣей Андренчъ вытянулъ шею, поднялъ вверхъ подбородокъ, вѣроятно для того, чтобы сѣсть, какъ слѣдуетъ, и пугливо, исподобья поглядѣлъ на жену. Такъ глядятъ маленькія дѣти, когда бываютъ виноваты. Видя, что разговоръ принимаетъ характеръ интимный, семейный, я поднялся, чтобы выйти. Хлыкина замѣтила мое движеніе.

— Ничего, сидите!—остановила она меня.—Молодымъ людямъ полезно это слушать. Хоть мы и не ученые, но больше васъ пожили. Дай Богъ всѣмъ такъ пожить, какъ мы жили... А мы, братецъ, ужъ у васъ и пообѣдаемъ заодно,—повернулась Хлыкина къ брату.—Но, небось, сегодня у васъ скромное готовили. Чай, ты и не помнишь, что

нынче среда...— Она вздохнула.— Намъ ужъ прикажи постное изготовить. Скромнаго мы ѣсть не станемъ, это какъ тебѣ угодно, братецъ.

Докукинъ позвалъ Тимошку и заказалъ постный обѣдъ.

— Пообѣдаемъ и къ предводителю...— продолжала Хлыкина.— Буду его молить, чтобъ онъ обратилъ вниманіе. Его дѣло глядѣть, чтобъ дворяне съ панталыку не сбивались...

— Да нешто Досиѳеи сбился?— спросилъ Докукинъ.

— Словно ты въ первый разъ слышишь,— нахмурилась Хлыкина.— И то, правду сказать, тебѣ все равно... Ты-то и самъ не слишкомъ свое званіе поминишь... А вотъ мы господина молодого человѣка спросимъ. Молодой человѣкъ,— обратилась она ко мнѣ:— по вашему это хорошо, ежели благородный человѣкъ со всякою шувалью коммашю водить?

— Смотря съ кѣмъ...— замялся я.

— Да хоть бы съ кушомъ Гусевымъ. Я этого Гусева и къ порогу не допускаю, а онъ съ нимъ въ шашки играетъ да закусывать къ нему ходить. Нешто прилично ему съ писаремъ на охоту ходить? О чемъ онъ можетъ съ писаремъ разговаривать? Писарь не только что разговаривать, пискнуть при немъ не смѣй,— ежели желаете знать, милостивый государь!

— Характеръ у меня слабый... — прошепталъ Досиѳей Андренчъ.

— А вотъ я покажу тебѣ характеръ! — погрозила ему жена, сердито стуча перстнемъ о спинку стула.— Я не дозволю тебѣ нашу фамилію конфузить! Хоть ты и мужъ мнѣ, а я тебя осрамлю! Ты долженъ понимать! Я тебя въ люди вывела! Ихній родъ Хлыкиныхъ, сударь, захудалый родъ, и ежели я, Докукина урожденная, вышла за него, такъ онъ это цѣнить долженъ и чувствовать! Онъ мнѣ, сударь, не дешево стоитъ, ежели желаете знать! Что мнѣ стоило его на службу опредѣлить! Спросите-ка у него! Ежели желаете знать, такъ мнѣ одинъ только его экзаменъ на первый чинъ триста рубликовъ стоилъ! А изъ-за чего хлопочу? Ты думаешь, тетеря, я изъ-за тебя хлопочу? Не думай! Мнѣ фамилія рода нашего дорога! Ежели бъ не фамилія, такъ ты у меня давно бы на кухнѣ сгнила, ежели желаешь знать!

Бѣдный Досиѳей Андренчъ слушалъ, молчалъ и только пожимался, не зная отчего—отъ страха, или срама. И за обѣдомъ не оставляла его въ покоѣ строгая супруга. Она не

спускала съ него глазъ и слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

— Посоли себѣ супъ! Не такъ ложку держишь! Отодвинь отъ себя салатникъ, а то рукавомъ зацѣпишь! Не мигай глазами!

А онъ торопливо ѣлъ и ежился подъ ея взглядомъ, какъ кроликъ подъ взглядомъ удава. Ыль онъ съ женой постное и то и дѣло взглядывалъ съ вождельніемъ на наши котлетки.

— Молшсь!—сказала ему жена послѣ обѣда.—Благовари брата.

Пообѣдавъ, Хлыкина пошла въ спальню отдохнуть. По уходѣ ея Докукинъ схватилъ себя за волосы и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, да и несчастный же ты, братецъ, человекъ!—сказалъ онъ Доснѣею, тяжело переводя духъ.—Я часъ посидѣлъ съ ней—замучился; каково же тебѣ-то съ ней дни и ночи... ахъ! Мученикъ ты, мученикъ несчастный! Младенецъ ты ввелеемскій, Иродомъ убіенный!

Доснѣей замигалъ глазками и проговорилъ:

— Строги они, это дѣйствительно-сь, но долженъ я за нихъ денно и нощно Бога молить, потому—кромѣ благодареній и любви я отъ нихъ ничего не вижу.

— Пропащій человекъ!—махнулъ рукой Докукинъ.—А когда-то рѣчи въ собраніяхъ говорилъ, новую сѣялку изобрѣталъ! Заѣздила вѣдьма человекъ! Эххъ!

— Доснѣей!—послышался женскій басъ.—Гдѣ же ты? Поди сюда, мухъ отъ меня отгоняй!

Доснѣей Андреичъ вздрогнулъ и на цыпочкахъ побѣжалъ въ спальню...

— Тьфу!—плюнулъ ему вслѣдъ Докукинъ.

БЕЗЗАКОНІЕ.

Совершая свою вечернюю прогулку, коллежскій ассессоръ Мигуевъ остановился около телеграфнаго столба и глубоко вздохнулъ. Недѣлю тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда онъ вечеромъ возвращался съ прогулки къ себѣ домой, его догнала бывшая его горничная Агнія и сказала со злобой:

— Ужо, погоди! Такого тебѣ рака испеку, что будешь знать, какъ невинныхъ дѣвушекъ губить! И младенца тебѣ подкину, и въ судъ пойду, и женѣ твоей объясню...

И она потребовала, чтобы онъ положилъ въ банкъ на ея имя пять тысячъ рублей. Мигуевъ вспомнилъ это, вздохнулъ и еще разъ съ душевнымъ раскаяніемъ упрекнулъ себя за минутное увлеченіе, доставившее ему такую массу хлопотъ и страданій.

Дойдя до своей дачи, Мигуевъ сѣлъ на крылечко отдохнуть. Было ровно десять часовъ, и изъ-за облаковъ выглядывалъ кусочекъ луны. На улицѣ и возлѣ дачъ не было ни души: старые дачники уже ложились спать, а молодые гуляли въ рошѣ. Ища въ обоихъ карманахъ спичку, чтобы закурить папиросу, Мигуевъ толкнулся локтемъ обо что-то мягкое; отъ нечего-дѣлать онъ взглянулъ подъ свой правый локоть, и вдругъ лицо его перекосило такимъ ужасомъ, какъ будто онъ увидѣлъ возлѣ себя змѣю. На крылечкѣ, у самой двери, лежалъ какой-то узелъ. Что-то продолговатое было завернуто во что-то, судя на-ощупъ, похожее на стеганое одѣяльце. Одинъ конецъ узла былъ слегка открытъ, и коллежскій ассессоръ, сунувъ въ него руку, осязая что-

то теплое и влажное. Въ ужасѣ вскочилъ онъ на ноги и оглядѣлся, какъ преступникъ, собирающійся бѣжать отъ стражи...

— Подкинула-таки! — со злобой процѣдилъ онъ сквозь зубы, сжимая кулаки.— Вотъ оно лежитъ... лежитъ беззаконіе! О, Господи!

Отъ страха, злобы и стыда онъ оцѣпейлѣлъ... Что теперь дѣлать? Что скажетъ жена, если узнаетъ? Что скажутъ сослуживцы? Его превосходительство навѣрное похлопаетъ его теперь по животу, фыркнетъ и скажетъ:—«Поздравляю... Хе-хе-хе... Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро... шалунъ, Семень Эрастовичъ!» Весь дачный поселокъ узнаетъ теперь его тайну и, пожалуй, почтенныя матери семействъ откажутъ ему отъ дому. О подкидышахъ печатаютъ во всѣхъ газетахъ, и такимъ образомъ смиренное имя Мигуева пронесется по всей Россіи...

Среднее окно дачи было открыто, и явственно слышалось изъ него, какъ Анна Филипповна, жена Мигуева, собирала столъ къ ужину; во дворѣ, сейчасъ же за воротами, дворникъ Ермолай жалобно побренкивалъ на балалайкѣ... Стоило младенцу только проснуться и зашищать, и тайна была бы обнаружена. Мигуевъ почувствовалъ непреодолимое желаніе торопиться.

— Скорѣе, скорѣе...— бормоталъ онъ.— Сію минуту, пока никто не видитъ. Занесу его куда-нибудь, положу на чужое крыльцо...

Мигуевъ взялъ въ одну руку узелъ и тихо, мѣрнымъ шагомъ, чтобы не казаться подозрительнымъ, пошелъ по улицѣ...

«Удивительно мерзкое положеніе,— думалъ онъ, стараясь придать себѣ равнодушный видъ.— Коллежскій ассессоръ съ младенцемъ идетъ по улицѣ! О, Господи, ежели кто увидитъ и пойметъ, въ чемъ дѣло, я погибъ... Положу-ка я его на это крыльцо... Нѣтъ, постой, тутъ окна открыты и, можетъ-быть, глядитъ кто-нибудь. Куда бы его? Ага, вотъ что, снесу-ка я его на дачу купца Мѣлкина... Купцы народъ богатый и сердобольный; можетъ-быть, еще спасибо скажутъ и на воспитаніе его къ себѣ возьмутъ».

И Мигуевъ рѣшилъ снести младенца непременно къ Мѣлкину, хотя купеческая дача находилась на крайней улицѣ дачнаго поселка, у самой рѣки.

«Только бы онъ у меня не разревѣлся и не вывалился изъ узла,—думалъ коллежскій ассессоръ.—Вотъ ужъ именно благодарю—не ожидалъ! Подъ мышкой несу живого человѣка, словно портфель. Человѣкъ живой, съ душой, съ чувствами, какъ и всѣ... Ежели, чего добраго, Мѣлкины возьмутъ его на воспитаніе, то, пожалуй, изъ него выйдетъ какой-нибудь этакій... Пожалуй, выйдетъ изъ него какой-нибудь профессоръ, полководецъ, писатель... Вѣдь все бываетъ на свѣтѣ! Теперь я несу его подъ мышкой, какъ дрянъ какую-нибудь, а лѣтъ черезъ 30—40, пожалуй, придется передъ нимъ на вытяжку стоять...»

Когда Мигуевъ проходилъ узкимъ, пустыннымъ переулочкомъ мимо длинныхъ заборовъ подъ густою, черною тѣнью липъ, ему вдругъ стало казаться, что онъ дѣлаетъ что-то очень жестокое и преступное.

«А вѣдь какъ это, въ сущности, подло!—думалъ онъ.—Такъ подло, что подлѣе и придумать ничего нельзя... Ну, за что мы несчастнаго младенца швыряемъ съ крыльца на крыльцо? Развѣ онъ виноватъ, что родился? И что онъ намъ худого сдѣлалъ? Подлецы мы... Любимъ кататься на саяночкахъ, а возить саночки приходится невиннымъ дѣточкамъ... Вѣдь только вдуматься нужно во всю эту музыку! Я безпутничалъ, а вѣдь ребеночка ожидаетъ лютая судьба... Подброшу я его Мѣлкинымъ, Мѣлкины пошлютъ его въ воспитательный домъ, а тамъ все чужіе, все по-казенному... ни ласкъ, ни любви, ни баловства... Отдадутъ его потомъ въ сапожники... сопьется, научится сквернословить, будетъ околѣвать съ голоду... Въ сапожники, а вѣдь онъ сынъ коллежскаго ассессора, благородной крови... Онъ плоть и кровь моя...»

Мигуевъ изъ тѣни липъ вышелъ на дорогу, залитую луннымъ свѣтомъ, и, развернувъ узелъ, поглядѣлъ на младенца.

— Спать,—прошепталъ онъ.—Ишь ты, носъ у подлеца съ горбинкой, отцовскій... Спать и не чувствуетъ, что на него глядитъ родной отецъ... Драма, братъ... Ну, что жъ, извини... Прости, братъ... Такъ ужъ тебѣ, значить, на роду написано...

Коллежскій ассессоръ заморгалъ глазами и почувствовалъ, что по его щекамъ ползетъ что-то въ родѣ мурашекъ... Онъ завернулъ младенца, взялъ его подъ мышку и зашагалъ

дальше. Всю дорогу, до самой дачи Мѣлкина, въ его головѣ толпились социальныя вопросы, а въ груди царявала совѣсть.

«Будь я путевымъ, честнымъ человѣкомъ, — думалъ онъ: — наплевалъ бы я на все, пошелъ бы съ этимъ младенчикомъ къ Аннѣ Филипповнѣ, сталъ бы передъ ней на колѣнки и сказалъ: «Прости! Грѣшнень! Терзай меня, но невиннаго младенца губить не будемъ. Дѣточекъ у насъ нѣтъ; возьмемъ его къ себѣ на воспитаніе!» Она добрая баба, согласилась бы... И было бы тогда мое дитя при мнѣ... Эхъ!»

Онъ подошелъ къ дачѣ Мѣлкина и остановился въ нерѣшимости... Ему представлялось, какъ онъ сидитъ у себя въ залѣ и читаетъ газету, а возлѣ него трется мальчишка съ горбатымъ носомъ и играетъ кистями его халата; въ то же время въ воображеніе лѣзли подмигивающіе сослуживцы и его превосходительство, фыркающее, хлопающее по животу... Въ душѣ же, рядомъ съ царяющею совѣстью, сидѣло что-то нѣжное, теплое, грустное...

Коллежскій ассессоръ осторожно положилъ младенца на ступень террасы и махнулъ рукой. Опять по его лицу сверху внизъ поползли мурашки...

— Прости, братъ, меня, подлеца! — пробормоталъ онъ. — Не поминай лихомъ!

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, но тотчасъ же рѣшительно крикнулъ и сказалъ:

— Э, была не была! Плевать я на все хотѣлъ! Возьму его, и пускай люди говорятъ, что хотятъ!

Мигуевъ взялъ младенца и быстро занесъ назадъ.

«Пускай говорятъ, что хотятъ, — думалъ онъ. — Пойду сейчасъ, стану на колѣнки и скажу: «Анна Филипповна!» Она баба добрая, пойметъ... И будемъ мы воспитывать... Ежели онъ мальчикъ, то назовемъ—Владиміръ, а ежели онъ дѣвочка, то Анной... По крайности въ старости будетъ утѣшеніе...

И онъ сдѣлалъ такъ, какъ рѣшилъ. Плача, замирая отъ страха и стыда, полный надеждъ и неопредѣленнаго восторга, онъ вошелъ въ свою дачу, направился къ женѣ и сталъ передъ ней на колѣни...

— Анна Филипповна! — сказалъ онъ, всхлиывая и кладя младенца на полъ. — Не вели казнить, вели слово вымолвить...

Грѣшень! Это мое дитя... Ты Агнюшку помнишь, такъ вотъ... нечистый попуталь...

И не помня себя отъ стыда и страха, не дожидаясь отвѣта, онъ вскочилъ и, какъ высѣченный, побѣжалъ на чистый воздухъ...

«Буду здѣсь на дворѣ, пока она не позоветъ меня,—думалъ онъ.—Дамъ ей придти въ чувство и одуматься...»

Дворникъ Ермолай съ балалайкой прошелъ мимо, взглянулъ на него и пожалъ плечами... Черезъ минуту онъ опять прошелъ мимо и опять пожалъ плечами.

— Вотъ исторія, скажи на милость,—пробормоталъ онъ, усмѣхаясь.—Приходила сейчасъ, Семень Эрастычъ, сюда баба, прачка Аксинья. Положила, дура, своего ребенка на крыльцѣ, на улицѣ, и покуда тутъ у меня сидѣла, кто-то взялъ да и унесъ ребенка... Вотъ оказія!

— Что? Что ты говоришь?—крикнулъ во все горло Мигуевъ.

Ермолай, по-своему объяснившій гнѣвъ барина, почесалъ затылокъ и вздохнулъ.

— Извините, Семень Эрастычъ,—сказалъ онъ:—но таперича время дачное... безъ этого нельзя... безъ бабы, то-есть...

И взглянувъ на вытаращенные, злобно удивленные глаза барина, онъ виновато крикнулъ и продолжалъ:

— Оно, конечно, грѣхъ, да вѣдь что подѣлаешь... Вы не приказывали во дворъ чужихъ бабъ пущать, оно точно, да вѣдь гдѣ жъ своихъ-то взять. Прежде, когда жила Агнюшка, не пускалъ чужихъ, потому—своя была, а теперя, сами изволите видѣть... безъ чужихъ не обойдешься... И при Агнюшкѣ, это точно, безпорядковъ не было, потому...

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ!—крикнулъ на него Мигуевъ, затопалъ ногами и пошелъ назадъ въ комнаты.

Анна Филипповна, удивленная и разгнѣванная, сидѣла на прежнемъ мѣстѣ и не спускала заплаканныхъ глазъ съ младенца...

— Ну, ну...—забормоталъ блѣдный Мигуевъ, кривя ротъ улыбкой.—Я пошутилъ... Это не мой, а... а прачки Аксиньи. Я... я пошутилъ... Снеси его дворнику.

АКТЕРСКАЯ ГИБЕЛЬ.

Благородный отецъ и простакъ Щипцовъ, высокій, плотный старикъ, славившійся не столько сценическими дарованиями, сколько своей необычайной физической силой, «въ дрызгъ» поругался во время спектакля съ антрепренеромъ и въ самый разгаръ руготни вдругъ почувствовалъ, что у него въ груди что-то оборвалось. Антрепренеръ Жуковъ обыкновенно въ концѣ каждаго горячаго объясненія начиналъ истерически хохотать и падать въ обморокъ, но Щипцовъ на сей разъ не сталъ дожидаться такого конца и поспѣшилъ во-свояси. Брань и ощущеніе разрыва въ груди такъ взволновали его, что, уходя изъ театра, онъ забылъ смыть съ лица гримъ и только сорвалъ бороду.

Придя къ себѣ въ номеръ, Щипцовъ долго шагаль изъ угла въ уголь, потомъ сѣлъ на кровать, подперъ голову кулаками и задумался. Не шевелясь и не издавъ ни одного звука, просидѣлъ онъ такимъ образомъ до двухъ часовъ другого дня, когда въ его номеръ вошелъ комикъ Сигаевъ.

— Ты что же это, Шутъ Ивановичъ, на релетицію не приходилъ? — набросился на него комикъ, пересиливая одышку и наполняя номеръ запахомъ виннаго перегара. — Гдѣ ты былъ?

Щипцовъ ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на комика мутными, подкрашенными глазами.

— Хоть бы рожу-то вымылъ! — продолжалъ Сигаевъ. — Стыдно глядѣть! Ты натрескался, или... боленъ, что ли? Да что ты молчишь? Я тебя спрашиваю: ты боленъ?

Щипцовъ молчалъ. Какъ ни была опачкана его фізіономія, но комикъ, взгля́дъвшись попристальнѣе, не могъ не замѣтить поразительной блѣдности, пота и дрожанія губъ. Руки и ноги тоже дрожали, да и все громадное тѣло верзила-простака казалось помятымъ, приплюснутымъ. Комикъ быстро оглядѣлъ номеръ, но не увидѣлъ ни штофовъ, ни бутылокъ, ни другой какой-либо подозрительной посуды.

— Знаешь, Минутка, а вѣдь ты боленъ! — встревожился онъ. — Накажи меня Богъ, ты боленъ! На тебѣ лица нѣтъ!

Щипцовъ молчалъ и уныло глядѣлъ въ полъ.

— Это ты простудился! — продолжалъ Сигаевъ, беря его за руку. — Ишь какія руки горячія! Что у тебя болитъ?

— До... домой хочу, — пробормоталъ Щипцовъ.

— А ты нешто сейчасъ не дома?

— Нѣтъ... въ Вязьму...

— Эва, куда захотѣлъ! До твоей Вязьмы и въ три года не доскачешь... Что, къ папашенькѣ и мамашенькѣ захотѣлось? Чай, давно ужъ они у тебя сгнили, и могилокъ ихъ не сыщешь...

— У меня тамъ ро... родина...

— Ну, нечего, нечего мерлехлюндію распускать. Эта психопатія чувствъ, братъ, послѣднее дѣло... Выздоровливай, да завтра тебѣ нужно въ «Князь Серебряномъ» Митьку играть. Больше вѣдь некому. Выпей-ка чего-нибудь горячаго да касторки прими. Есть у тебя деньги на касторку? Или постой, я сбѣгаю и куплю.

Комикъ пошарилъ у себя въ карманахъ, нашель пятіалтынный и побѣжалъ въ аптеку. Черезъ четверть часа онъ вернулся.

— На, пей! — сказалъ онъ, поднося ко рту благороднаго отца склянку. — Пей прямо изъ пузырька... Разомъ! Вотъ такъ... На, теперь гвоздичкой закуси, чтобъ душа этой дрянью не провоняла.

Комикъ посидѣлъ еще немного у больного, потомъ нѣжно поцѣловалъ его и ушелъ. Къ вечеру забѣгалъ къ Щипцову жеке-премьер Брама-Глинскій. Даровитый артистъ былъ въ прюнелевыхъ полусапожкахъ, имѣлъ на лѣвой рукѣ перчатку, курилъ сигару и даже издавалъ запахъ геліо-

трона, но тѣмъ не менѣе, все-таки сильно напоминалъ путешественника, заброшеннаго въ страну, гдѣ нѣтъ ни бань, ни прачекъ, ни портовыхъ...

— Ты, я слышалъ, заболѣлъ?—обратился онъ къ Щипцову, перевернувшись на каблукѣ.—Что съ тобой? Ей-Богу, что съ тобой?..

Щипцовъ молчалъ и не шевелился.

— Что же ты молчишь? Дурнота въ головѣ, что ли? Ну, молчи, не стану приставать... молчи...

Брама-Глинскій (такъ онъ зовется по театру, въ паспортѣ же онъ значится Гуськовымъ) отошелъ къ окну, заложилъ руки въ карманы и сталъ глядѣть на улицу. Передъ его глазами разстилалась громадная пустошь, огороженная сѣрымъ заборомъ, вдоль котораго тянулся цѣлый лѣсъ прошлогодняго репейника. За пустошью темнѣла чья-то заброшенная фабрика съ наглухо забитыми окнами. Около трубы кружилась запоздавшая галка. Вся эта скучная, безжизненная картина начинала уже подергиваться вечерними сумерками.

— Домой надо!—услышалъ *jeune-premier*

— Куда это домой?

— Въ Вязьму... на родину...

— До Вязьмы, братъ, тысяча пятьсотъ верстъ...—вздыхнулъ Брама-Глинскій, барабаня по стеклу.—А зачѣмъ тебѣ въ Вязьму?

— Тамъ бы помереть...

— Ну, вотъ еще, выдумалъ! Помереть... Заболѣлъ первый разъ въ жизни и ужъ воображаетъ, что смерть пришла... Нѣтъ, братъ, такого буйвола, какъ ты, никакая холера не проберетъ. До ста лѣтъ проживешь... Что у тебя болитъ?

— Ничего не болитъ, но я... чувствую...

— Ничего ты не чувствуешь, а все это у тебя отъ лишняго здоровья. Силы въ тебѣ бушуютъ. Тебѣ бы теперь дербалызнуть хорошенечко, выпить этакъ, знаешь, чтобъ во всемъ тѣлѣ пертурбація произошла. Пьянство отлично освѣжаетъ... Помнишь, какъ ты въ Ростовѣ-на-Дону на-свистался? Господи, даже вспомнить страшно! Боченокъ съ виномъ мы съ Сашкой вдвоемъ еле-еле донесли, а ты его одинъ выпилъ, да потомъ еще за ромомъ послалъ... До-

пился до того, что чертей мѣшкомъ ловилъ и газовый фонарь съ корнемъ вырвалъ. Помнишь? Тогда еще ты ходилъ грековъ бить...

Подъ вліяніемъ такихъ пріятныхъ воспоминаній лицо Щипцова нѣсколько прояснилось и глаза заблестѣли.

— А помнишь, какъ я антрепренера Савойкина билъ?— забормоталъ онъ, поднимая голову.— Да что говорить! Билъ я на своемъ вѣку тридцать-трехъ антрепренеровъ, а что меньшей брати, то и не упомяну. И какихъ антрепренеровъ-то билъ! Такихъ, что и вѣтрамъ не позволяли до себя касаться! Двухъ знаменитыхъ писателей билъ, одного художника!

— Что жъ ты плачешь?

— Въ Херсонѣ лошадь кулакомъ убилъ. А въ Таганрогѣ напали разъ на меня ночью жулики, человекъ пятнадцать. Я посылалъ съ нихъ шапки, а они идутъ за мной да просятъ: «Дяденька, отдай шапку!» Такія-то дѣла.

— Что жъ ты, дурило, плачешь?

— А теперь шабашъ... чувствую. Въ Вязьму бы фхаты!

Наступила пауза. Послѣ молчанія Щипцовъ вдругъ вскочилъ и схватился за шапку. Видъ у него былъ разстроенный.

— Прощай! Въ Вязьму фду!—проговорилъ онъ, покачиваясь.

— А деньги на дорогу?

— Гм!.. Я пѣшкомъ пойду!

— Ты опалѣлъ...

Оба взглянули другъ на друга, вѣроятно потому, что у обоихъ мелькнула въ головѣ одна и та же мысль — о необозримыхъ поляхъ, нескончаемыхъ лѣсахъ, болотахъ.

— Нѣтъ, ты, я вижу, снятилъ!—рѣшилъ jeune-premier.— Вотъ что, братъ... Первымъ дѣломъ ложись, потомъ вышей коньяку съ чаемъ, чтобъ въ потъ ударило. Ну, и касторки, конечно. Постои, гдѣ бы коньяку взять?

Врама-Глинскій подумалъ и рѣшилъ сходить къ куличихѣ Цитринниковой, попытать ее насчетъ кредита: авось, баба скалится — отпустить въ долгъ! Jeune-premier отправился и черезъ полчаса вернулся съ бутылкой коньяку и съ касторкой. Щипцовъ попрежнему сидѣлъ неподвижно на кровати, молчалъ и глядѣлъ въ полъ. Предложенную товари-

щемъ касторку онъ выпилъ, какъ автоматъ, безъ участія сознанія. Какъ автоматъ, сидѣлъ онъ потомъ за столомъ и пилъ чай съ коньякомъ: машинально выпилъ всю бутылку и далъ товарищу уложить себя въ постель. Jeune-premier укрылъ его одѣяломъ и пальто, посовѣтовалъ пропотѣть и ушелъ.

Наступила ночь. Коньяку было выпито много, но Щицовъ не спалъ. Онъ лежалъ неподвижно подъ одѣяломъ и глядѣлъ на темный потолокъ, потомъ, увидѣвъ луну, глядѣвшую въ окно, онъ перевелъ глаза съ потолка на спутника земли и такъ пролежалъ съ открытыми глазами до самаго утра. Утромъ, часовъ въ девять, приближалъ антрепренеръ Жуковъ.

— Что это вы, ангель, хворать вздумали?—закудахталь онъ, морща носъ.—Ай, ай! Нешто при вашей комплекціи можно хворать? Стыдно, стыдно! А я, знаете, испугался! Ну, неужели, думаю, на него напишъ разговоръ подѣйствовалъ? Душенька моя, надѣюсь, что вы не отъ меня заболѣли! Вѣдь и вы меня, тово... И къ тому же между товарищами не можетъ быть безъ этого. Вы меня тамъ и ругали, и... съ кулаками даже лѣзли, а я васъ люблю! Ей-Богу, люблю! Уважаю и люблю! Ну, вотъ объясните, ангель, за что я васъ такъ люблю? Не родня вы мнѣ, не свать, не жена, а какъ узналъ, что вы прихворнули,—словно кто ножомъ рѣзануль.

Жуковъ долго объяснялся въ любви, потомъ полѣзъ цѣловаться и въ концѣ концовъ такъ расчувствовался, что началъ истерически хохотать и хотѣлъ даже упасть въ обморокъ, но, спохватившись вѣроятно, что онъ не у себя дома и не въ театрѣ, отложилъ обморокъ до болѣе удобнаго случая и уѣхалъ.

Вскорѣ послѣ него явился трагикъ Адабашевъ, личность тусклая, подслѣповатая и говорящая въ носъ... Онъ долго глядѣлъ на Щицова, долго думалъ и вдругъ сдѣлалъ открытіе:

— Знаешь что, Мифа? — спросилъ онъ, произнося въ носъ вмѣсто ш—ф и придавая своему лицу таинственное выраженіе.—Знаешь что?! Тебѣ нужно выпить касторки!!

Щицовъ молчалъ. Молчалъ онъ и немного погодя, когда трагикъ вливалъ ему въ ротъ противное масло. Часа черезъ два послѣ Адабашева пришелъ въ номеръ театраль-

ный парикмахеръ Евлампій или, какъ называли его почему-то актеры, Риголетто. Онъ тоже, какъ и трагикъ, долго глядѣлъ на Щипцова, потомъ вздохнулъ, какъ паровозъ, и медленно, съ разстановкой началъ развязывать принесенный имъ узелъ. Въ узлѣ было десятка два банокъ и нѣсколько пузырьковъ.

— Послали бѣ за мной, и я бѣ вамъ давно банки поставилъ!—сказалъ онъ нѣжно, обнажая грудь Щипцова.— Запустить болѣзнь не трудно!

Засимъ Риголетто погладилъ ладонью широкую грудь благороднаго отца и покрылъ ее всю кровососными банками.

— Да-съ...—говорилъ онъ, увязывая послѣ этой операціи свои орудія, обогранныя кровью Щипцова.—Прислали бы за мной, я и пришелъ бы... Насчетъ денегъ безпокоиться нечего... Я изъ жалости... Гдѣ вамъ взять, ежели тотъ идолъ платить не хочетъ? Таперя вотъ извольте капель этихъ принять. Вкусныя капли! А таперя извольте маслица выпить. Касторка самая настоящая. Вотъ такъ! На здоровье! Ну, а таперя прощайте-съ...

Риголетто взялъ свой узелъ и, довольный, что помогъ ближнему, удалился.

Утромъ слѣдующаго дня комикъ Сигаевъ, зайдя къ Щипцову, засталъ его въ ужаснѣйшемъ состояніи. Онъ лежалъ подъ пальто, тяжело дышалъ и водилъ блуждающими глазами по потолку. Въ рукахъ онъ судорожно мялъ скомканное одѣяло.

— Въ Вязьму! — зашепталъ онъ, увидавъ комика.— Въ Вязьму!

— Вотъ это, братъ, ужъ мнѣ и не нравится! — развелъ руками комикъ. — Вотъ... вотъ... вотъ это, братъ, и нехорошо! Извини, не... даже, братъ, глупо...

— Въ Вязьму надо! Ей-Богу, въ Вязьму!

— Не... не ожидалъ отъ тебя!.. — бормоталъ совсѣмъ растерявшійся комикъ.—Чортъ знаетъ! Чего ради расквасился! Э... э... э... и нехорошо! Верзила. съ каланчу ростомъ, а плачешь. Нешто актеру можно плакать?

— Ни жены, ни дѣтей,—бормоталъ Щипцовъ.—Не иди бы въ актеры, а въ Вязьмѣ жить! Пропала, Семень, жизнь! Охъ, въ Вязьму бы!

— Э... э... э... и нехорошо! Вотъ и глупо... подло даже!

Успокоившись и приведя свои чувства въ порядок, Сигаевъ сталъ утѣшать Щипцова, врать ему, что товарищи порѣшили его на общій счетъ въ Крымъ отпратить и проч., но тотъ не слушалъ и все бормоталъ про Вязьму... Наконецъ, комикъ махнулъ рукой и, чтобы утѣшить больного, самъ сталъ говорить про Вязьму.

— Хорошій городъ!—утѣшалъ онъ. — Отличный, братъ, городъ! Пряниками прославился. Пряники классическіе, но—между нами говоря—того... подгуляли. Послѣ нихъ у меня цѣлую недѣлю потомъ былъ того... Но что тамъ хорошо, такъ это купецъ! Всѣмъ купцамъ купецъ. Ужъ коли угостить тебя, такъ угостить!

Комикъ говорилъ, а Щипцовъ молчалъ, слушалъ и одобрительно кивалъ головой.

Къ вечеру онъ умеръ.

МЕЛЮЗГА.

«Милостивый государь, отецъ и благодѣтель!»—сочинялъ начерно чиновникъ Невыразимовъ поздравительное письмо. «Желаю какъ сей Свѣтлый день, такъ и многіе предбудущіе провести въ добромъ здравіи и благополучіи. А также и семейству жел...»

Лампа, въ которой керосинъ былъ уже на исходѣ, коптила и воняла гарью. По столу, около пишущей руки Невыразимова, бѣгалъ встревоженно заблудившійся тараканъ. Черезъ двѣ комнаты отъ дежурной швейцаръ Парамонъ чистилъ уже въ третій разъ свои парадные сапоги, и съ такой энергіей, что его плевки и шумъ ваксельной щетки были слышны во всѣхъ комнатахъ.

«Чтобы еще такое ему, подлецу, написать?»—задумался Невыразимовъ, поднимая глаза на законченный потолокъ.

На потолокъ увидѣлъ онъ темный кругъ—тѣнь отъ абажура. Ниже были запыленные карнизы, еще ниже—стѣны, выкрашенные во время оно въ сине-бурую краску. И дежурная комната показалась ему такой пустыней, что сталъ жалко не только себя, но даже таракана...

«Я-то отдежурю и выйду отсюда, а онъ весь свой тараканій вѣкъ здѣсь продежурить,—подумалъ онъ, потягиваясь.—«Тоска! Сапоги себѣ почистить, что ли?»

И, еще разъ потянувшись, Невыразимовъ лѣниво пошелъ въ швейцарскую. Парамонъ уже не чистилъ сапогъ... Держа въ одной рукѣ щетку, а другой крестясь, онъ стоялъ у открытой форточки и слушалъ...

— Звонютъ-съ!—шепнулъ онъ Невыразимову, глядя на

него неподвижными, широко раскрытыми глазами.—Уже-съ!

Невыразимовъ подставилъ ухо къ форточкѣ и прислушался. Въ форточку, вмѣстѣ со свѣжимъ, весеннимъ воздухомъ, рвался въ комнату пасхальный звонъ. Ревъ колоколовъ мѣшался съ шумомъ экипажей, и изъ звукового хаоса выдѣлялся только бойкій, теноровый звонъ ближайшей церкви да чей-то громкій, визгливый смѣхъ.

— Народу-то сколько!—вдохнулъ Невыразимовъ, поглядѣвъ внизъ на улицу, гдѣ около зажженныхъ плошекъ мелькали одна за другой человѣческія тѣни. — Всѣ къ заутренѣ бѣгутъ... Наши-то теперь, небось, выпили и по городу шатаются. Смѣху-то этого сколько, разговору! Одинъ только я несчастный такой, что долженъ здѣсь сидѣть въ этакій день. И каждый годъ мнѣ это приходится!

— А кто вамъ велитъ наниматься? Вѣдь вы не дежурный сегодня, а Заступовъ васъ за себя нанялъ. Какъ людямъ гулять, такъ вы и нанимаетесь... Жадность!

— Какой чортъ, жадность? Не изъ чего и жадничать: всего два рубля денегъ, да галстукъ на придачу... Нужда, а не жадность! А хорошо бы теперь, знаешь, пойти съ компаніей къ заутренѣ, а потомъ разговляться... Выпить бы этакъ, закусить, да и спать завалиться... Сидишь ты за столомъ, свяченный куличъ, а тутъ самоваръ шипитъ и сбоку какая-нибудь этакая обжешка... Рюмочку выпилъ и за подбородочекъ подержалъ, а оно и чувствительно... человѣкомъ себя чувствуешь... Эхъ... пропала жизнь! Вонъ какая-то шельма въ коляскѣ проѣхала, а ты тутъ сиди да мысли думай...

— Всякому свое, Иванъ Данилычъ. Богъ дастъ, и вы дослужитесь, въ коляскахъ ѣздить будете.

— Я-то? Ну, нѣтъ, братъ, шалишь. Мнѣ дальше титулярнаго не пойти, хоть тресни... Я необразованный.

— Нашъ генераль тоже безъ всякаго образованія, иначе...

— Ну, генераль, прежде чѣмъ этого достигнуть, сто тысячъ укралъ. И осанка, братъ, у него не та, что у меня... Съ моей осанкой недалеко уйдешь! И фамилія преподлѣйшая: Невыразимовъ! Однимъ словомъ, братъ, положеніе безвыходное. Хочешь—такъ живи, а не хочешь—вѣшайся...

Невыразимовъ отошелъ отъ форточки и въ тоскѣ зашагалъ по комнатамъ. Ревъ колоколовъ становился все сильнѣе и сильнѣе... Чтобы слышать его, не было ужъ надобно-

сти стоять у окна. И чѣмъ явственнѣе слышался звонъ, чѣмъ громче стучали экипажи, тѣмъ темнѣе казались бурья стѣны и закопченные карнизы, тѣмъ сильнѣе коптила лампа.

«Нешто удрать съ дежурства?»—подумалъ Невыразимовъ.

Но бѣгство это не обѣщало ничего путнаго... Выйдя изъ правленія и пошатавшись по городу, Невыразимовъ отпра-вился бы къ себѣ на квартиру, а на квартирѣ у него было еще сѣрѣе и хуже, чѣмъ въ дежурной комнатѣ... Допустимъ, что этотъ день онъ провелъ бы хорошо, съ комфортомъ, но что же дальше? Все тѣ же сѣрыя стѣны, все тѣ же дежурства по найму и поздравительныя письма...

Невыразимовъ остановился посреди дежурной комнаты и задумался.

Потребность новой, лучшей жизни невыносимо больно защемила его за сердце. Ему страстно захотѣлось очутиться вдругъ на улицѣ, слиться съ живою толпою, быть участникомъ торжества, ради котораго ревѣли всѣ эти колокола и гремѣли экипажи. Ему захотѣлось того, что переживалъ онъ когда-то въ дѣтствѣ: семейный кружокъ, торжественныя фizioноміи близкихъ, бѣлая скатерть, свѣтъ, тепло... Вспомнилъ онъ коляску, въ которой только-что проѣхала барыня, пальто, въ которомъ щеголяетъ экзекуторъ, золотую цѣпочку, украшающую грудь секретаря... Вспомнилъ теплую постель, Станислава, новые сапоги, вицъ-мундиръ безъ протертыхъ локтей... вспомнилъ потому, что всего этого у него не было...

«Украсть нешто?—подумалъ онъ.—Украсть-то, положимъ, не трудно, но вотъ спрятать-то мудрено... Въ Америку, говорятъ, съ краденымъ бѣгаютъ, а чортъ ее знаетъ, гдѣ эта самая Америка! Для того, чтобы украсть, тоже вѣдь надо образованіе имѣть».

Звонъ утихъ. Слышался только отдаленный шумъ экипажей да кашель Парамона, а грусть и злоба Невыразимова становились все сильнѣй, невыносимѣй. Въ присутствіи часы пробили половину перваго.

«Донось написать, что ли? Прощкинъ донесъ и въ гору пошелъ...»

Невыразимовъ сѣлъ за свой столъ и задумался. Лампа, въ которой керосинъ совсѣмъ уже выгорѣлъ, сильно коптила и грозила потухнуть. Заблудившійся тараканъ все еще сновалъ по столу и не находилъ пристанища...

«Донести-то можно, да какъ его сочинишь! Надо со всѣми эквивоками, съ подходцами, какъ Прошкинъ... А куда мнѣ! Такое сочиню, что мнѣ же потомъ и влетитъ. Безтолочь, чортъ возьми меня совсѣмъ!»

И Невыразимовъ, ломая голову надъ способами, какъ выйти изъ безвыходнаго положенія, уставился на написанное имъ черновое письмо. Письмо это было писано къ человѣку, котораго онъ ненавидѣлъ всей душой и боялся, отъ котораго десять лѣтъ уже добивался перевода съ шестнадцатирублеваго мѣста на восемнадцатирублевое...

— А... бѣгаешь тутъ, чортъ!—хлопнулъ онъ со злобой ладонью по таракану, имѣвшему несчастье попасться ему на глаза.—Гадость этакая!

Тараканъ упалъ на спину и отчаянно замоталъ ногами... Невыразимовъ взялъ его за одну ножку и бросилъ въ стекло. Въ стеклѣ вспыхнуло и затрещало.

И Невыразимову стало легче.

ЗЕРКАЛО.

Подновогодній вечеръ. Нелли, молодая и хорошенькая дочь помѣщика-генерала, день и ночь мечтающая о замужествѣ, сидитъ у себя въ комнатѣ и утомленными, полузакрытыми глазами глядитъ въ зеркало. Она блѣдна, напряжена и неподвижна, какъ зеркало.

Несуществующая, но видимая перспектива, похожая на узкій, безконечный коридоръ, рядъ безчисленныхъ свѣчей, отраженіе ея лица, рукъ, зеркальной рамы—все это давно уже заволокло туманомъ и слилось въ одно безпредѣльное, сѣрое море. Море колеблется, мигаетъ, изрѣдка вспыхиваетъ заревомъ...

Глядя на неподвижные глаза и открытый ротъ Нелли, трудно понять, спитъ она, или бодрствуетъ, но тѣмъ не менѣе она видитъ. Сначала видитъ она только улыбку и мягкое, полное прелести выраженіе чьихъ-то глазъ, потомъ же на колеблющемся, сѣромъ фонѣ постепенно проясняются контуры головы, лицо, брови, борода. Это онъ, суженый, предметъ долгихъ мечтаній и надеждъ. Суженый для Нелли составляетъ все: смыслъ жизни, личное счастье, карьеру, судьбу. Въ его, какъ и на сѣромъ фонѣ, мракъ, пустота, бессмыслица. И немудрено поэтому, что, видя передъ собою красивую, кротко улыбающуюся голову, она чувствуетъ наслажденіе, невыразимо сладкій кошмаръ, который не передашь ни на словахъ, ни на бумагѣ. Далѣе она слышитъ его голосъ, видитъ, какъ живетъ съ нимъ подъ одной кровлей, какъ ея жизнь постепенно сливается съ его жизнью.

На сѣромъ фонѣ бѣгутъ мѣсяцы, годы... и Нелли отчетливо, во всѣхъ подробностяхъ, видитъ свое будущее.

На сѣромъ фонѣ мелькаютъ картина за картиной. Вотъ видитъ Нелли, какъ она въ холодную зимнюю ночь стучится къ уѣздному врачу Степану Лукичу. За воротами лѣниво и хрипло лаетъ старый песъ. Въ докторскихъ окнахъ потемки. Кругомъ тишина.

— Ради Бога... ради Бога!—шепчетъ Нелли.

Но вотъ, наконецъ, скрипитъ калитка, и Нелли видитъ передъ собой докторскую кухарку.

— Докторъ дома?

— Спать-съ... — шепчетъ кухарка въ рукавъ, словно боясь разбудить своего барина. — Только-что съ эпидеміи пріѣхали. Не велѣно будить-съ.

Но Нелли не слышитъ кухарки. Отстранивъ ее рукой, она, какъ сумасшедшая, бѣжитъ въ докторскую квартиру. Пробѣжавъ нѣсколько темныхъ и душныхъ комнатъ, сваливъ на пути два-три стула, она, наконецъ, находитъ докторскую спальню. Степанъ Лукичъ лежитъ у себя въ постели одѣтый, но безъ сюртука и, вытянувъ губы, дышитъ себѣ на ладонь. Около него слабо свѣтитъ ночничокъ. Нелли, не говоря ни слова, садится на стулъ и начинаетъ плакать. Плачетъ она горько, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Му... мужъ боленъ!—выговариваетъ она.

Степанъ Лукичъ молчитъ. Онъ медленно поднимается, подпираетъ голову кулакомъ и глядитъ на гостью сонными, неподвижными глазами.

— Мужъ боленъ! — продолжаетъ Нелли, сдерживая рыданія. — Ради Бога, поѣдьте... Скорѣе... какъ можно скорѣе!

— А?—мычитъ докторъ, дую на ладонь.

— Поѣдьте! И сию минуту! Иначе... иначе... страшно выговорить... Ради Бога!

И блѣдная, измученная Нелли, глотая слезы и задыхаясь, начинаетъ описывать доктору внезапную болѣзнь мужа и свой невыразимый страхъ. Страданія ея способны тронуть камень, но докторъ глядитъ на нее, дуетъ себѣ на ладонь и—ни съ мѣста.

— Завтра пріѣду...—бормочетъ онъ.

— Это невозможно!—пугается Нелли.—Я знаю, у мужа... тифъ! Сейчасъ... сію-минуту вы нужны!

— Я тово... только-что приѣхалъ...—бормочетъ докторъ.— Три дня на эпидемію ѣздилъ. И утомленъ, и самъ боленъ... Абсолютно не могу! Абсолютно! Я... я самъ заразился... Вотъ!

И докторъ суетъ къ глазамъ Нелли максимальный термометръ.

— Температура къ сорока идетъ... Абсолютно не могу! Я... я даже сидѣть не въ состояніи. Простите: лягу...

Докторъ ложится.

— Но я прошу васъ, докторъ! — стонетъ въ отчаяніи Нелли.—Умоляю! Помогите мнѣ, ради Бога. Соберите всѣ ваши силы и поѣдте... Я заплачу вамъ, докторъ!

— Боже мой... да вѣдь я уже сказалъ вамъ! Ахъ!

Нелли вскакиваетъ и нервно ходитъ по спальнѣ. Ей хочется объяснить доктору, втолковать... Думается ей, что если бы онъ зналъ, какъ дорогъ для нея мужъ и какъ она несчастна, то забылъ бы и утомленіе, и свою болѣзнь. Но гдѣ взять краснорѣчія?

— Поѣзжайте къ земскому доктору...—слышитъ она голосъ Степана Лукича.

— Это невозможно!.. Онъ живетъ за двадцать пять верстъ отсюда, а время дорого. И лошадей не хватитъ: отъ насъ сюда сорокъ верстъ, да отсюда къ земскому доктору почти столько... Нѣтъ, это невозможно! Поѣдте, Степанъ Лукичъ! Я подвига прошу. Ну, совершите вы подвигъ! Сжальтесь!

— Чортъ знаетъ чтò... Тутъ жаръ... дурь въ головѣ, а она не понимаетъ. Не могу! Отстаньте.

— Но вы обязаны ѣхать! И не можете вы не ѣхать! Это эгоизмъ! Человѣкъ для ближняго долженъ жертвовать жизнью, а вы... вы отказываетесь поѣхать!.. Я въ судъ на васъ подамъ!

Нелли чувствуетъ, что говоритъ обидную и незаслуженную ложь, но для спасенія мужа она способна забыть и логику, и тактъ, и состраданіе къ людямъ... Въ отвѣтъ на ея угрозу докторъ съ жадностью выпиваетъ стаканъ холодной воды... Нелли начинаетъ опять умолять, взывать къ состраданію, какъ самая послѣдняя нищая... Наконецъ док-

торъ сдается. Онъ медленно поднимается, отдувается, крикнуть и ищетъ свой сюртукъ.

— Вотъ онъ, сюртукъ,—помогасть ему Нелли.—Позвольте, я его на васъ надѣну... Вотъ такъ. Ыдемте. Я вамъ заплачу... всю жизнь буду признательна...

Но что за мука! Надѣвши сюртукъ, докторъ опять ложится. Нелли поднимаетъ его и тащить въ переднюю... Въ передней долгая, мучительная возня съ калошами, шубой... Пропала шапка... Но вотъ, наконецъ, Нелли сидитъ въ экипажѣ. Возлѣ нея докторъ. Теперь остается только проѣхать сорокъ верстъ, и у ея мужа будетъ медицинская помощь. Надъ землей виситъ тьма: зги не видно... Дуетъ холодный зимній вѣтеръ. Подъ колесами мерзлыя кочки. Кучеръ то и дѣло останавливается и раздумываетъ, какой дорогой ѣхать...

Нелли и докторъ всю дорогу молчатъ. Ихъ трясеть ужасно, но они не чувствуютъ ни холода, ни тряски.

— Гони! Гони!—проситъ Нелли кучера.

Къ пяти часамъ утра замученныя лошади вѣзжаютъ во дворъ. Нелли видитъ знакомыя ворота, колодецъ съ журавлемъ, длинный рядъ конюшенъ и сараевъ... Наконецъ она дома.

— Погодите, я сейчасъ...—говоритъ она Степану Лукичу, сажая его въ столовой на диванъ. — Остыньте, а я пойду посмотрю, что съ нимъ.

Вернувшись черезъ минуту отъ мужа, Нелли застаётъ доктора лежащимъ. Онъ лежитъ на диванѣ и что-то бормочетъ.

— Пожалуйте, докторъ... Докторъ!

— А? Спросите у Домны... — бормочетъ Степанъ Лукичъ.

— Что?

— На сѣздѣ говорили... Власовъ говорилъ... Кого? Что?

И Нелли, къ великому своему ужасу, видитъ, что у доктора такой же бредъ, какъ и у ея мужа. Что дѣлать?

— Къ земскому врачу!—рѣшаетъ она.

Засимъ слѣдуютъ опять потемки, рѣзкій, холодный вѣтеръ, мерзлыя кочки. Страдаетъ она и душою, и тѣломъ, и чтобы уплатить за эти страданія, у обманщицы-природы не хватитъ никакихъ средствъ, никакихъ обмановъ...

Видитъ далѣе она на сѣромъ фонѣ, какъ мужъ ея каж-

дую весну ищетъ денегъ, чтобы уплатить проценты въ банкъ, гдѣ заложено имѣніе. Не спитъ онъ, не спитъ она, и оба до боли въ мозгу думаютъ, какъ бы избѣжать визита судебного пристава.

Видитъ она дѣтей. Тутъ вѣчный страхъ передъ простудой, скарлатиной, дифтеритомъ, единицами, разлукой. Изъ пяти-шести карапузовъ навѣрное умретъ одинъ.

Сѣрый фонъ не свободенъ отъ смертей. Оно и понятно. Мужъ и жена не могутъ умереть въ одно время. Одинъ изъ двухъ, во что бы то ни стало, долженъ пережить похороны другого. И Нелли видитъ, какъ умираетъ ея мужъ. Это страшное несчастіе представляется ей во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Она видитъ гробъ, свѣчи, дьячка и даже слѣды, которые оставилъ въ передней гробовщикъ.

— Къ чему это? Для чего? — спрашиваетъ она, тупо глядя въ лицо мертваго мужа.

И вся предыдущая жизнь съ мужемъ кажется ей только глупымъ, ненужнымъ предисловіемъ къ этой смерти.

Что-то падаетъ изъ рукъ Нелли и стучитъ о полъ. Она вздрагиваетъ, вскакиваетъ и широко раскрываетъ глаза. Одно зеркало, видитъ она, лежитъ у ея ногъ, другое стоитъ попрежнему на столѣ. Она смотрится въ зеркало и видитъ блѣдное, заплаканное лицо. Сѣраго фона уже нѣтъ.

«Я, кажется, уснула...» — думаетъ она, легко вздыхая.

СТАРОСТЬ.

Архитекторъ, статскій совѣтникъ Узелковъ, пріѣхалъ въ свой родной городъ, куда онъ былъ вызванъ для реставраціи кладбищенской церкви. Въ этомъ городѣ онъ родился, учился, выросъ и женился, но, выѣзши изъ вагона, онъ едва узналъ его. Все измѣнилось... Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ переселился въ Питеръ, на томъ, на-примѣръ, мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ вокзалъ, мальчуганы ловили сусликовъ; теперь при вѣздѣ на главную улицу высится четырехъэтажная «Вѣна съ номерами», тогда же тутъ тянулся безобразный сѣрый заборъ. Но ни заборы, ни дома—ничто такъ не измѣнилось, какъ люди. Изъ допроса номерного лакея Узелковъ узналъ, что больше чѣмъ половина тѣхъ людей, которыхъ онъ помнилъ, вымерло, обѣдняло, забыто.

— А Узелкова ты помнишь?—спросилъ онъ про себя у старика лакея.—Узелкова, архитектора, что съ женой разводился... У него еще домъ былъ на Свирибеевской улицѣ... Навѣрное помнишь!

— Не помню-съ...

— Ну, какъ не помнить! Громкое было дѣло, даже извозчики всѣ знали. Припомни-ка! Разводилъ его съ женой стряпчій Шалкинъ, мошенникъ... извѣстный шулеръ, тотъ самый, котораго въ клубъ высѣкли...

— Иванъ Николаичъ?

— Ну, да, да... Что онъ живъ? Умеръ?

— Живы-съ, слава Богу-съ. Они теперь нотаріусомъ, контору держатъ. Хорошо живутъ. Два дома на Кирпичной улицѣ. Недавно дочь замужъ выдали...

Узелковъ пошагалъ изъ угла въ уголь, подумалъ и рѣшилъ, скуки ради, повидаться съ Шалкинымъ. Когда онъ вышелъ изъ гостиницы и тихо пошелъ на Кирпичную

улицу, былъ полдень. Шапкина онъ засталъ въ конторѣ и еле узналъ его. Изъ когда-то стройнаго, ловкаго стряпчаго, съ подвижной, нахальной, вѣчно пьяной фizioноміей, Шапкинь превратился въ скромнаго, сѣдовласаго, хилаго старца.

— Вы меня не узнаете, забыли...—началь Узелковъ.— Я вашъ давнишній кліентъ, Узелковъ...

— Узелковъ? Какой Узелковъ? Ахъ!

Шапкинь вспомнилъ, узналъ и обомлѣлъ. Посыпались восклицанія, разспросы, воспоминанія.

— Вотъ не ожидалъ! Вотъ не думалъ!—кудахталъ Шапкинь.— Угощать-то чѣмъ? Шампанскаго хотите? Можетъ, устриць желаете? Голубушка моя, сколько я отъ васъ деньжищъ перебралъ въ свое время, что и угощенія не подберу...

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—сказалъ Узелковъ.— Мнѣ некогда. Сейчасъ нужно мнѣ на кладбище ѣхать, церковь осматривать. Я заказъ взялъ.

— И отлично! Закусимъ, выпьемъ и поѣдемъ вмѣстѣ. У меня отличныя лошади! И свезу васъ, и со старостой познакомлю... все устрою... Да что вы, ангель, словно сторонитесь меня, боитесь? Сядьте поближе! Теперь ужъ нечего бояться... Хе-хе... Прежде, дѣйствительно, ловкій парень былъ, жохъ мужчина... никто не подходилъ близко, а теперь тише воды, ниже травы; постарѣлъ, семейнымъ сталъ... дѣти есть. Умирать пора!

Пріятели закусили, вышли и на парѣ поѣхали за городъ, на кладбище.

— Да, было времячко! — вспомнилъ Шапкинь, сидя въ саняхъ. — Вспоминаешь и просто не вѣришь. А помните, какъ вы съ вашей супругой развелись? Ужъ почти двадцать лѣтъ прошло и, небось, вы все забыли, а я помню, словно вчера разводилъ васъ. Господи, сколько я крови тогда испортилъ! Парень я былъ ловкій, казунсть, крючокъ, отчаянная голова... Такъ, бывало, рвусь ухватиться за какое-нибудь казусное дѣло, особливо ежели гонорарій хорошій, какъ, напримѣръ, въ вашемъ процессѣ. Что вы мнѣ тогда заплатили? Пять—шесть тысячъ! Ну, какъ тутъ крови не испортить? Вы тогда уѣхали въ Петербургъ и все дѣло мнѣ на руки бросили: дѣлай, какъ знаешь! А покойница супруга ваша, Софья Михайловна, была хоть и изъ купческаго дома, но гордая, самолюбивая. Подку-

пить ее, чтобъ она на себя вину приняла, было трудно... ужасно трудно! Прихожу къ ней, бывало, для переговоровъ, а она завидитъ меня и кричитъ горничной: «Маша, вѣдь я приказала тебѣ не принимать подлецовъ!» Ужъ я и такъ, и этакъ... и письма ей пишу, и нечаянно норовлю встрѣтиться—не беретъ! Пришлось черезъ третье лицо дѣйствовать. Долго я возился съ ней, и только тогда, когда вы десять тысячъ согласились дать ей, поддалась... Десяти тысячъ не выдержала, не устояла... Заплакала, въ лицо мнѣ плюнула, но согласилась, приняла вину!

— Кажется, она взяла съ меня не десять, а пятнадцать тысячъ,—сказалъ Узелковъ.

— Да, да... пятнадцать, ошибся!—смутился Шапкинъ.— Впрочемъ, дѣло прошлое, нечего грѣха таить. Ей я десять далъ, а остальные пять я у васъ на свою долю выторговалъ. Обоихъ васъ обманулъ... Дѣло прошлое, стыдиться нечего... Да и съ кого же мнѣ было брать, Борисъ Петровичъ, ежели не съ васъ, судите сами... Человѣкъ вы были богатый, сытый... Съ жиру вы женились, съ жиру разводились. Наживали вы пропасть... Помню, съ одного подряда дерябнули двадцать тысячъ. Съ кого же и тянуть, какъ не съ васъ? Да и, признаться, зависть мучила... Вы ежели ханнете, передъ вами шапки ломають, меня же, бывало, за рубли и сѣкутъ, и въ клубъ по щекамъ бьютъ... Ну, да что вспоминать! Забыть пора.

— Скажите, пожалуйста, какъ потомъ жила Софья Михайловна?

— Съ десятию тысячами-то? Плохissime... Богъ ее знаетъ, азартъ ли на нее такой напалъ, или совѣсть и гордость стали мучить, что себя за деньги продала, или, можетъ-быть, любила васъ, только, знаете ли, зашла... Получила деньги и давай на тройкахъ съ офицерами разѣзжать. Пьянство, гульба, безпутство... Заѣдетъ съ офицерами въ трактиръ и не то чтобы портвейнцу или чего-нибудь полегче, а норовитъ коньячищу хватить, чтобъ жгло, въ одурь бросало.

— Да, она эксцентричная была... Натерпѣлся я отъ нея. Бывало, обидится на что-нибудь и начнетъ нервничать... А потомъ что было?

— Проходитъ недѣля, другая... Сижу я у себя дома и что-то строю. Вдругъ отворяется дверь и входитъ она...

пьяная. «Возьмите, говорить, назадъ проклятыя ваши деньги!» и бросила мнѣ въ лицо пачку. Не выдержала, значить! Я подобралъ деньги, сосчиталъ... Пятисотъ не хватало. Только пятьсотъ и успѣла прокутить.

— Куда же вы дѣвали деньги?

— Дѣло прошлое... таитья не зачѣмъ... Конечно, себѣ! Что вы на меня такъ поглядѣли? Погодите, что еще дальше будетъ... Романъ цѣлый, психіатрія! Этакъ мѣсяца черезъ два прихожу я однажды ночью къ себѣ домой пьяный, скверный... Зажигаю огонь, гляжу, а у меня на диванѣ сидитъ Софья Михайловна, и тоже пьяная, въ растрепанныхъ чувствахъ, дикая какая-то, словно изъ Бедлама бѣжала... «Давайте, говорить, мнѣ назадъ мои деньги, я раздумала. Падать, такъ ужъ падать, какъ слѣдуетъ, въ засосъ! Поворачивайтесь же, подлець, давайте деньги!» Безобразіе!

— И вы... дали?

— Далъ, помню, десять рублей...

— Ахъ! ну, можно ли? — поморщился Узелковъ. — Если вы сами не могли или не хотѣли дать ей, то написали бы мнѣ, что ли... И я не зналъ! А? И я не зналъ!

— Голубчикъ мой, да зачѣмъ мнѣ писать, если она сама вамъ писала, когда потомъ въ больницѣ лежала?

— Впрочемъ, я такъ былъ занятъ тогда новымъ бракомъ, такъ кружился, что мнѣ не до писемъ было... По вы, частный человекъ, вы антипатіи къ Софѣ не чувствовали... отчего не подали ей руки?

— На теперешній аршинъ нельзя мѣрить, Борисъ Петровичъ. Теперь мы такъ думаемъ, а тогда совсѣмъ иначе думали... Теперь я ей, можетъ-быть, и тысячу рублей далъ бы, а тогда и тѣ десять... не задаромъ отдать. Скверная исторія! Забыть надо... Но вотъ и пріѣхали...

Сани остановились у кладбищенскихъ воротъ. Узелковъ и Шапкинь вылѣзли изъ саней, вошли въ ворота и направились по длинной, широкой аллеѣ. Оголенные вишневья деревья и акации, сѣрые кресты и памятники серебрились инеемъ. Въ каждой снѣжинкѣ отражался ясный солнечный день. Пахло, какъ вообще пахнетъ на всѣхъ кладбищахъ: ладаномъ и свѣже-вскопанной землей...

— Хорошенькое у насъ кладбище, — сказала Узелковъ. — Совсѣмъ садъ!

— Да, но жалко, воры памятники воруютъ... А вонъ за

тѣмъ чугуннымъ памятникомъ, что направо, Софья Михайловна похоронена. Хотите посмотрѣть?

Пріятели повернули направо и по глубокому снѣгу направились къ чугунному памятнику.

— Вотъ тутъ... — сказала Шапкинъ, указывая на маленький памятникъ изъ бѣлаго мрамора. — Праторщикъ какой-то памятникъ на ея могилкѣ поставилъ.

Узелковъ медленно снялъ шапку и показалъ солнцу свою плѣшь. Шапкинъ, глядя на него, тоже снялъ шапку, и другая плѣшь заблестѣла на солнцѣ. Тишина кругомъ была могильная, точно и воздухъ былъ мертвъ. Пріятели глядѣли на памятникъ, молчали и думали.

— Спать себѣ! — прервалъ молчаніе Шапкинъ. — И горя ей мало, что вину она на себя приняла и коньякъ пила. Сознайтесь, Борисъ Петровичъ!

— Въ чемъ? — угрюмо спросилъ Узелковъ.

— А въ томъ... Какъ ни противно прошлое, но оно лучше, чѣмъ это.

И Шапкинъ указалъ на свои сѣдины.

— Бывало, и не думалъ о смертномъ часѣ... Встрѣться со смертью, такъ, кажется, десять очковъ впередъ далъ бы ей, а теперь... Ну, да что!

Узелковымъ овладѣла грусть. Ему вдругъ захотѣлось плакать, страстно, какъ когда-то хотѣлось любви... И онъ чувствовалъ, что плачь этотъ вышелъ бы у него вкусный, освѣжающій. На глазахъ выступила влага, и уже къ горлу подкатилъ комъ, но... рядомъ стоялъ Шапкинъ, и Узелковъ устыдился малодушествовать при свидѣтелѣ. Онъ круто повернулъ назадъ и пошелъ къ церкви.

Только часа два спустя, переговоривъ со старостой и осмотрѣвъ церковь, онъ улучилъ минутку, когда Шапкинъ заговорился со священникомъ, и побѣжалъ плакать... Подкрался онъ къ памятнику тайкомъ, воровски, ежеминутно оглядываясь. Маленькій, бѣлый памятникъ глядѣлъ на него задумчиво, грустно и такъ невинно, словно подъ нимъ лежала дѣвочка, а не распутная, разведенная жена.

«Плакать, плакать!» — думалъ Узелковъ.

Но моментъ для плача былъ уже упущенъ. Какъ ни мигалъ глазами старикъ, какъ ни настраивалъ себя, а слезы не текли и комъ не подступалъ къ горлу... Постоявъ минуту десять, Узелковъ махнулъ рукой и пошелъ искать Шапкина.

ГОРЕ.

Токаръ Григорій Петровъ, издавна извѣстный за великолѣпнаго мастера и въ то же время за самаго непутеваго мужика во всей Галчинской волости, везетъ свою больную старуху въ земскую больницу. Нужно ему проѣхать верстъ тридцать, а между тѣмъ дорога ужасная, съ которой не справится казенному почтарю, а не то что такому лежебокѣ, какъ токаръ Григорій. Прямо навстрѣчу бьетъ рѣзкій, холодный вѣтеръ. Въ воздухѣ, куда ни взглянешь, кружатся цѣлыя облака снѣжинокъ, такъ что не разберешь, идетъ ли снѣгъ съ неба, или съ земли. За снѣжнымъ туманомъ не видно ни поля, ни телеграфныхъ столбовъ, ни лѣса, а когда на Григорія налетаетъ особенно сильный порывъ вѣтра, тогда не бываетъ видно даже дуги. Дряхлая, слабосильная кобылка плетется еле-еле. Вся энергія ея ушла на вытаскиваніе ногъ изъ глубокаго снѣга и подергиванье головой. Токаръ торопится. Онъ безпокойно прыгаетъ на облучкѣ и то и дѣло хлещетъ по лошадиной спинѣ.

— Ты, Матрена, не плачь...—бормочетъ онъ.—Потерпи малость. Въ больницу, Богъ дастъ, приѣдемъ, и мигомъ у тебя, это самое... Дастъ тебѣ Павелъ Ивановичъ камелекъ, или кровь пустить прикажетъ, или, можетъ, милости его угодно будетъ спиртикомъ какимъ тебя растереть, оно и тово... оттянетъ отъ бока. Павелъ Ивановичъ постарается... Покричитъ, ногами потопочетъ, а ужъ постарается... Славный господинъ, обходительный, дай Богъ ему здоровья... Сейчасъ, какъ приѣдемъ, перво-на-перво выскочить изъ

своей фатеры и начнетъ чертей перебирать. «Какъ? Почему такое? — закричить. — Почему не въ-время прїѣхаль? Нешто я собака какая, чтобъ цѣльный день съ вами, чертями, возиться? Почему утромъ не прїѣхаль? Вонь! Чтобъ и духу твоего не было. Завтра прїѣзжай!» А я и скажу: «Господинъ докторъ! Павелъ Иванычъ! Ваше высокоблагородіе!» Да поѣзжай же ты, чтобъ тебѣ пусто было, чортъ! Но!

Токаръ хлещетъ по лошаденкѣ и, не глядя на старуху, продолжаетъ бормотать себѣ подъ носъ:

— «Ваше высокоблагородіе! Истинно, какъ передъ Богомъ... вотъ вамъ крестъ, выѣхаль я чуть свѣтъ. Гдѣ жъ тутъ къ сроку поспѣтъ, ежели Господь... Матерь Божія... прогнѣвался и метель такую послалъ? Сами изволите видѣтъ... Какая лошадь поблагороднѣе, и та не выѣдетъ, а у меня, сами изволите видѣтъ, не лошадь, а срамота!» А Павелъ Иванычъ нахмурится и закричитъ: «Знаемъ васъ! Завсегда оправданіе найдете! Особливо ты, Гришка! Давно тебя знаю! Небось, разъ пять въ кабакъ заѣзжалъ!» А я ему: «Ваше высокоблагородіе! Да нешто я злодѣй какой, или нехристь? Старуха душу Богу отдаетъ, помираетъ, а я стану по кабакамъ бѣгать! Что вы, помилуйте! Чтобъ имъ пусто было, кабакамъ этимъ!» Тогда Павелъ Иванычъ прикажетъ тебя въ больницу снести. А я въ ноги... «Павелъ Иванычъ! Ваше высокоблагородіе! Благодаримъ васъ всепокорно! Простите насъ, дураковъ, анаемовъ, не обезсудьте насъ мужиковъ! Насъ бы въ три шеи надо, а вы изволите безпокоиться, ножки свои въ снѣгъ марать!» А Павелъ Иванычъ взглянетъ этакъ, словно ударить захочетъ, и скажетъ: «Чѣмъ въ ноги-то бухать, ты бы лучше, дуракъ, водки не лопаль, да старуху жалѣлъ. Пороть тебя надо!»—«Истинно пороть, Павелъ Иванычъ, побей меня Богъ, пороть! А какъ же намъ въ ноги не кланяться, ежели благодѣтели вы наши, отцы родные? Ваше высокоблагородіе! Вѣрно слово... вотъ какъ передъ Богомъ... плюньте тогда въ глаза, ежели обману: какъ только моя Матрена, это самое, выздоровѣетъ, станетъ на свою настоящую точку, то все, что соизволите приказать, все для вашей милости сдѣлаю! Портсигарчикъ, ежели желаете, изъ корельской березы... шары для крокета, кегли могу выточить самыя заграничныя... все для васъ сдѣлаю! Ни копейки съ васъ не возьму! Въ Москвѣ бы съ васъ за

такой портсигарчикъ четыре рубля взяли, а я ни копейки». Докторъ засмѣется и скажетъ: «Ну, ладно, ладно... Чувствую! Только жалко, что ты пьяница»... Я, братъ старуха, понимаю, какъ съ господами надо. Нѣтъ того господина, чтобъ я съ нимъ не сумѣлъ поговорить. Только привелъ бы Богъ съ дороги не сбиться. Ишь мететь! Всѣ глаза запорошило.

И токарь бормочетъ безъ конца. Болтаетъ онъ языкомъ машинально, чтобъ хоть немного заглушить свое тяжелое чувство. Словъ на языкѣ много, но мыслей и вопросовъ въ головѣ еще больше. Горе застало токаря врасплохъ, неожиданно-негаданно, и теперь онъ никакъ не можетъ очнуться, придти въ себя, сообразить. Жилъ доселѣ безмятежно, ровно въ пьяномъ полузабытѣи, не зная ни горя, ни радостей, и вдругъ чувствуетъ теперь въ душѣ ужасную боль. Безпечный лежебока и пьянчужка очутился ни съ того, ни съ сего съ положеніи человѣка занятого, озабоченнаго, сибшащаго и даже борющагося съ природой.

Токарь помнитъ, что горе началось со вчерашняго вечера. Когда вчера вечеромъ воротился онъ домой, по обыкновенію пьяненькимъ, и по застарѣлой привычкѣ началъ браниться и махать кулаками, старуха взглянула на своего буяна такъ, какъ раньше никогда не глядѣла. Обыкновенно, выраженіе ея старческихъ глазъ было мученическое, кроткое, какъ у собакъ, которыхъ много бьютъ и плохо кормятъ, теперь же она глядѣла сурово и неподвижно, какъ глядятъ святые на иконахъ, или умирающіе. Съ этихъ странныхъ, нехорошихъ глазъ и началось горе. Ошалѣвшій токарь выпросилъ у сосѣда лошаденку и теперь везетъ старуху въ больницу, въ надеждѣ, что Павелъ Ивановичъ порошками и мазями возвратитъ старухѣ ея прежній взглядъ.

— Ты же, Матрена, гово...—бормочетъ онъ.—Ежели Павелъ Ивановичъ спроситъ, билъ я тебя, или нѣтъ, говори: никакъ нѣтъ! А я тебя не буду больше бить. Вотъ те крестъ. Да нешто я билъ тебя по злобѣ? Билъ такъ, зря. Я тебя жалѣю. Другому бы и горя мало, а я вотъ везу... стараюсь. А мететь-то, мететь! Господи, твоя воля! Привелъ бы только Богъ съ дороги не сбиться... Что, болитъ бокъ? Матрена, что жъ ты молчишь? Я тебя спрашиваю: болитъ бокъ?

Странно ему кажется, что на лицѣ у старухи не таетъ

снѣтъ, странно, что само лицо какъ-то особенно вытянулось, приняло блѣдно-сѣрый, грязно-восковой цвѣтъ и стало строгимъ, серьезнымъ.

— Ну, и дура!—бормочетъ токарь.—Я тебя по совѣсти, какъ передъ Богомъ... а ты, тово... Ну, и дура! Возьму вотъ и не повезу къ Павлу Иванычу!

Токарь опускаетъ вожжи и задумывается. Оглянуться на старуху онъ не рѣшается: страшно! Задать ей вопросъ и не получить отвѣта тоже страшно. Наконецъ, чтобъ покончить съ неизвѣстностью, онъ, не оглядываясь на старуху, нащупываетъ ея холодную руку. Поднятая рука падаетъ какъ плеть.

— Померла, стало-быть. Комиссія!

И токарь плачетъ. Ему не такъ жалко, какъ досадно. Онъ думаетъ: какъ на этомъ свѣтѣ все быстро дѣлается! Не успѣло еще начаться его горе, какъ ужъ готова развязка. Не успѣлъ онъ пожить со старухой, высказать ей, пожалѣть ее, какъ она уже умерла. Жилъ онъ съ нею сорокъ лѣтъ, но вѣдь эти сорокъ лѣтъ прошли, словно въ туманѣ. За пьянствомъ, драками и нуждой не чувствовалась жизнь. И какъ на зло, старуха умерла какъ разъ въ то самое время, когда онъ почувствовалъ, что жалѣть ее, жить безъ нея не можетъ, страшно виновать передъ ней.

— А вѣдь она по міру ходила! — вспоминаетъ онъ. — Самъ я посылалъ ее хлѣба у людей просить, комиссія! Ей бы, дурѣ, еще лѣтъ десятокъ прожить, а то, небось, думаетъ, что я и взаправду такой. Мать Пресвятая, да куда же къ лѣшему я это ѣду? Теперь не лѣчить надо, а хоронить. Поворачивай!

Токарь поворачиваетъ назадъ и изо всей силы бьетъ по лошаdkѣ. Путь съ каждымъ часомъ становится все хуже и хуже. Теперь уже дуги совсѣмъ не видно. Изрѣдка сани наѣдутъ на молодую елку, темный предметъ оцарапаетъ руки токаря, мелькнетъ передъ его глазами, и поле зрѣнія опять становится бѣлымъ, кружащимся.

«Жить бы сызнова»...—думаетъ токарь.

Вспоминаетъ онъ, что Матрена лѣтъ сорокъ тому назадъ была молодой, красивой, веселой, изъ богатаго двора. Выдали ее за него замужъ потому, что польстились на его мастерство. Всѣ данныя были для хорошаго житья, но бѣда въ томъ, что онъ какъ наицлся послѣ свадьбы, завалился

на печку, такъ словно и до сихъ поръ не просыпался. Свадьбу онъ помнить, а что было послѣ свадьбы — хоть убей, ничего не помнить, кромѣ развѣ того, что шилъ, лежалъ, дрался. Такъ и пропали сорокъ лѣтъ.

Бѣлыя снѣжныя облака начинаютъ мало-по-малу сѣрѣть. Наступаютъ сумерки.

— Куда жъ я ѣду? — спохватывается вдругъ токарь. — Хоронить надо, а я въ больницу... Ошалѣлъ словно!

Токарь опять поворачиваетъ назадъ и опять бьетъ по лошади. Кобылка напрягаетъ всѣ свои силы и, фыркая, бѣжитъ мелкой рысцою. Токарь разъ за разомъ хлещетъ ее по спинѣ... Сзади слышится какой-то стукъ, и онъ, хоть не оглядывается, но знаетъ, что это стучитъ голова покойницы о сани. А воздухъ все темнѣетъ и темнѣетъ, вѣтеръ становится холоднѣе и рѣзче...

«Сызнова бы жить... — думаетъ токарь. — Инструментъ бы новый завести, заказы брать... деньги бы старухѣ отдавать... да!»

И вотъ онъ роняетъ вожжи. Ищетъ ихъ, хочетъ поднять и никакъ не подниметъ; руки не дѣйствуютъ...

«Все равно... — думаетъ онъ: — сама лошадь пойдетъ, знаетъ дорогу. Поспать бы теперь... Покуда тамъ похороны, или панихида, прилечь бы».

Токарь закрываетъ глаза и дремлетъ. Немного погодя, онъ слышитъ, что лошадь остановилась. Онъ открываетъ глаза и видитъ передъ собой что-то темное, похожее на избу или сквирду...

Ему бы выѣзти изъ саней и узнать, въ чемъ дѣло, но во всемъ тѣлѣ стоитъ такая лѣнь, что лучше замерзнуть, чѣмъ двинуться съ мѣста... И онъ безмятежно засыпаетъ.

Просыпается онъ въ большой комнатѣ съ крашеными стѣнами. Изъ оконъ льетъ яркій солнечный свѣтъ. Токарь видитъ передъ собой людей и первымъ дѣломъ хочетъ показать себя степеннымъ, съ понятіемъ.

— Панихидку бы, братцы, по старухѣ! — говоритъ онъ. — Батюшкѣ бы сказать...

— Ну, ладно, ладно! Лежи ужъ! — обрываетъ его чей-то голосъ.

— Батюшка! Павелъ Ивановичъ! — удивляется токарь, видя передъ собой доктора. — Вашескородіе! Благодарѣть!

Хочетъ онъ вскочить и бухнуть передъ медициной въ поги, но чувствуетъ, что руки и ноги его не слушаются.

— Ваше высокородіе! Ноги же мои гдѣ? Гдѣ руки?

— Прощайся съ руками и ногами... Отморозилъ! Ну, ну... чего же ты плачешь? Пожилъ, и слава Богу! Небось, шесть десятковъ прожилъ—будетъ съ тебя!

— Горе!.. Вашескородіе, горе вѣдь! Простите великодушно! Еще бы годочковъ пять—шесть...

— Зачѣмъ?

— Лошадь-то чужая, отдать надо... Старуху хоронить... И какъ на этомъ свѣтѣ все скоро дѣлается! Ваше высокородіе! Павелъ Ивановичъ! Портсигарчикъ изъ корельской березы наилучшій! Крокетикъ выточу...

Докторъ машетъ рукой и выходитъ изъ палаты. Токарю—аминь!

УСТРИЦЫ.

Мнѣ не нужно слишкомъ напрягать память, чтобы во всѣхъ подробностяхъ вспомнить дождливья осеннія сумерки, когда я стою съ отцомъ на одной изъ многолюдныхъ московскихъ улицъ и чувствую, какъ мною постепенно овладѣваетъ странная болѣзнь. Боли нѣтъ никакой, но ноги мои подгибаются, слова останавливаются поперекъ горла, голова бессильно склоняется на бокъ... Повидимому, я сейчасъ долженъ упасть и потерять сознание.

Попади я въ эти минуты въ больницу, доктора должны были бы написать на моей доскѣ: Games — болѣзнь, которой нѣтъ въ медицинскихъ учебникахъ.

Возлѣ меня на тротуарѣ стоитъ мой родной отецъ въ поношенномъ лѣтнемъ пальто и триковой шапочкѣ, изъ которой торчитъ бѣлѣющій кусочекъ ваты. На его ногахъ большія, тяжелыя калоши. Суетный человекъ, боясь, чтобы люди не увидѣли, что онъ носитъ калоши на босую ногу, натянулъ на голени старья голенища.

Этотъ бѣдный, глуповатый чудакъ, котораго я люблю тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оборваннѣе и грязнѣе дѣлается его лѣтнее франтоватое пальто, пять мѣсяцевъ тому назадъ прибылъ въ столицу искать должности по письменной части. Всѣ пять мѣсяцевъ онъ шатался по городу, просилъ дѣла и только сегодня рѣшился выйти на улицу просить милостыню...

Противъ насъ большой трехэтажный домъ съ синей вывѣской: «Трактиръ». Голова моя слабо откинута назадъ и на бокъ, и я поневолѣ гляжу вверхъ, на освѣщенные окна трактира. Въ окнахъ мелькаютъ человѣческія фигуры. Виденъ правый бокъ оркестріона, двѣ олеографіи, висячія лампы... Вглядываясь въ одно изъ оконъ, я усматриваю бѣ-

лѣющее пятно. Пятно это неподвижно и своими прямолинейными контурами рѣзко выдѣляется изъ общаго, темно-коричневаго фона. Я напрягаю зрѣніе и въ пятнѣ узнаю бѣлую стѣнную вывѣску. На ней что-го написано, но что именно—не видно...

Полчаса я не отрываю глазъ отъ вывѣски. Своею бѣлизною она притягиваетъ мои глаза и словно гипнотизируетъ мой мозгъ. Я стараюсь прочесть, но старанія мои тщетны.

Наконецъ, странная болѣзнь вступаетъ въ свои права.

Шумъ экипажей начинаетъ казаться мнѣ громомъ, въ уличной вони различаю я тысячи запаховъ, глаза мои въ трактирныхъ лампахъ и уличныхъ фонаряхъ видятъ ослѣпительныя молніи. Мои пять чувствъ напряжены и хватаютъ черезъ норму. Я начинаю видѣть то, чего не видѣлъ ранѣе.

— Устрицы...—разбираю я на вывѣскѣ.

Странное слово! Прожилъ я на землѣ ровно восемь лѣтъ и три мѣсяца, но ни разу не слышалъ этого слова. Что оно значитъ? Не есть ли это фамилія хозяина трактира? Но вѣдь вывѣски съ фамиліями вѣшаютъ на дверяхъ, а не на стѣнахъ!

— Папа, что значитъ устрицы?—спрашиваю я хриплымъ голосомъ, силясь повернуть лицо въ сторону отца.

Отецъ мой не слышитъ. Онъ всматривается въ движенія толпы и провожаетъ глазами каждаго прохожаго... По его глазамъ я вижу, что онъ хочетъ сказать что-то прохожимъ, но роковое слово тяжелой гирей виситъ на его дрожащихъ губахъ и никакъ не можетъ сорваться. За однимъ прохожимъ онъ даже шагнулъ и тронулъ его за рукавъ, но когда тотъ обернулся, онъ сказалъ «виноватъ», сконфузился и попятился назадъ.

— Папа, что значитъ устрицы?—повторяю я.

— Это такое животное... Живетъ въ морѣ...

Я мигомъ представляю себѣ это невѣдомое морское животное. Оно должно быть чѣмъ-то среднимъ между рыбой и ракомъ. Такъ какъ оно морское, то изъ него готовятъ, конечно, очень вкусную, горячую уху съ душистымъ перцемъ и лавровымъ листомъ, кислую селянку съ хрящиками, раковый соусъ, холодное съ хрѣномъ... Я живо воображаю себѣ, какъ приносятъ съ рынка это животное, бы-

стро чистять его, быстро суютъ въ горшокъ... быстро, быстро, потому что всё въ вѣсть хочется... ужасно хочется! Изъ кухни несется запахъ рыбнаго жаркаго и раковаго супа.

Я чувствую, какъ этотъ запахъ щекочетъ мое небо, поздри, какъ онъ постепенно овладѣваетъ всёю моимъ тѣломъ... Трактиръ, отецъ, бѣлая вывѣска, мои рукава — все пахнетъ этимъ запахомъ, пахнетъ до того сильно, что я начинаю жевать. Я жую и дѣлаю глотки, словно и въ самомъ дѣлѣ въ моемъ рту лежитъ кусокъ морскаго животнаго...

Ноги мои гнутся отъ наслажденія, которое я чувствую, и я, чтобы не упасть, хватаю отца за рукавъ и припадаю къ его мокрому лѣтному пальто. Отецъ дрожитъ и жметъся. Ему холодно...

— Папа, устрицы постныя, или скоромныя? — спрашиваю я.

— Ихъ ѣдятъ живыми...—говоритъ отецъ.—Онѣ въ раковинахъ, какъ черепахи, но... изъ двухъ половинокъ.

Вкусный запахъ мгновенно перестаетъ щекотать мое тѣло, и иллюзія пропадаетъ... Теперь я все понимаю!

— Какая гадость,—шепчу я: —какая гадость!

Такъ вотъ что значить устрицы! Я воображаю себѣ животное, похожее на лягушку. Лягушка сидитъ въ раковинѣ, глядитъ оттуда большими, блестящими глазами и играетъ своими отвратительными челюстями. Я представляю себѣ, какъ приносятъ съ рынка это животное въ раковинѣ, съ клешнями, блестящими глазами и со склизкой кожей... Дети всё прячутся, а кухарка, брезгливо морщась, беретъ животное за клешню, кладетъ его на тарелку и несетъ въ столовую. Взрослые берутъ его и ѣдятъ... ѣдятъ живьемъ, съ глазами, съ зубами, съ лапками! А оно пицить и старается укусить за губу...

Я морщусь, но... но зачѣмъ же зубы мои начинаютъ жевать? Животное мерзко, отвратительно, страшно, но я ѣмъ его, ѣмъ съ жадностью, боясь разгадать его вкусъ и запахъ. Одно животное съѣдено, а я уже вижу блестящіе глаза другого, третьяго... Я ѣмъ и этихъ... Наконецъ, ѣмъ салфетку, тарелку, калоши отца, бѣлую вывѣску... Ымъ все, что только попадется мнѣ на глаза, потому что я чувствую, что только отъ ѣды пройдетъ моя болѣзнь. Устрицы страшно

глядят глазами и отвратительны, я дрожу отъ мысли о нихъ, но я хочу ѣсть! ѣсть!

— Дайте устриць! Дайте мнѣ устриць!—вырывается изъ моей груди крикъ, и я протягиваю впередъ руки.

— Помогите, господа!—слышу я въ это время глухой, придушенный голосъ отца.—Совѣстно просить, но — Боже мой!—силъ не хватаетъ!

— Дайте устриць!—кричу я, теребя отца за фалды.

— А ты развѣ ѣшь устриць? Такой маленькій!—слышу я возлѣ себя смѣхъ.

Передъ нами стоятъ два господина въ цилиндрахъ и со смѣхомъ глядятъ мнѣ въ лицо.

— Ты, мальчуганъ, ѣшь устриць? Въ самомъ дѣлѣ? Это интересно! Какъ же ты ихъ ѣшь?

Помню, чья-то сильная рука тащитъ меня къ освѣщенному трактиру. Черезъ минуту собирается вокругъ толпа и глядитъ на меня съ любопытствомъ и смѣхомъ. Я сижу за столомъ и ѣмъ что-то склизкое, соленое, отдающее сыростью и плѣсенью. Я ѣмъ съ жадностью, не жуя, не глядя и не освѣдомляясь, что я ѣмъ. Мнѣ кажется, что если я открою глаза, то непременно увижу блестящіе глаза, клешни и острые зубы...

Я вдругъ начинаю жевать что-то твердое. Слышится хрустѣнье.

— Ха-ха! Онъ раковины ѣсть!—смѣется толпа.—Дурачокъ, развѣ это можно ѣсть?

Засимъ я помню страшную жажду. Я лежу на своей постели и не могу уснуть отъ изжоги и страннаго вкуса, который я чувствую въ своемъ горячемъ рту. Отецъ мой ходитъ изъ угла въ уголъ и жестикулируетъ руками.

— Я, кажется, простудился, — бормочетъ онъ. — Что-то такое чувствую въ головѣ... Словно сидитъ въ ней кто-то... А можетъ-быть, это оттого, что я не... тово... не ѣлъ сегодня... Я, право, странный какой-то, глухой... Вижу, что эти господа платятъ за устриць десять рублей, отчего бы мнѣ не подойти и не попросить у нихъ нѣсколько... займы? Навѣрное бы дали.

Къ утру я засыпаю, и мнѣ снится лягушка съ клешнями, сидящая въ раковинѣ и играющая глазами. Въ полдень просыпаюсь отъ жажды и ищу глазами отца: онъ все еще ходитъ и жестикулируетъ...

ТОСКА.

Кому повѣлъ печаль мою?..

Вечернія сумерки. Крупный, мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только-что зажженныхъ фонарей и тонкимъ, мягкимъ пластомъ ложится на крыши, лошадиныя спины, плечи, шалки. Извозчикъ Иона Потаповъ весь бѣлъ, какъ привидѣніе. Онъ согнулся, насколько только возможно согнуться живому тѣлу, сидитъ на козлахъ и не шевельнется. Упади на него цѣлый сугробъ, то и тогда бы, кажется, онъ не нашелъ нужнымъ стряхивать съ себя снѣгъ... Его лошаденка тоже бѣла и неподвижна. Своею неподвижностью, угловатостью формъ и палкообразной прямизною ногъ она даже вблизи похожа на конечную пряничную лошадку. Она, по всей вѣроятности, погружена въ мысль. Кого оторвали отъ плуга, отъ привычныхъ, сѣрыхъ картинъ и бросили сюда въ этотъ омутъ, полный чудовищныхъ огней, неугомоннаго треска и бѣгущихъ людей, тому нельзя не думать...

Иона и его лошаденка не двигаются съ мѣста уже давно. Выѣхали они со двора еще до обѣда, а почина все нѣтъ и нѣтъ. Но вотъ на городъ спускается вечерняя мгла. Блѣдность фонарныхъ огней уступаетъ свое мѣсто живой краскѣ, и уличная суматоха становится шумнѣе.

— Извозчикъ, на Выборгскую! — слышитъ Иона. — Извозчикъ!

Иона вздрагиваетъ и сквозь рѣсницы, облѣпленные снѣгомъ, видитъ военнаго въ шинели съ кашошономъ.

— На Выборгскую!—повторяетъ военный.—Да ты спишь, что ли? На Выборгскую!

Въ знакъ согласія Іона дергаетъ вожжи, отчего со спины лошади и съ его плечъ сыплются пласты снѣга... Военный садится въ сани. Извозчикъ чмокаетъ губами, вытягиваетъ по-лебединому шею, приподнимается и больше по привычкѣ, чѣмъ по нуждѣ, машетъ кнутомъ. Лошаденка тоже вытягиваетъ шею, кривитъ свои палкообразныя ноги и нерѣшительно двигается съ мѣста...

— Куда прешь, лѣній!—на первыхъ же порахъ слышитъ Іона возгласы изъ темной, движущейся взадъ и впередъ массы.—Куда черти несутъ? Пррава держи!

— Ты ѣздить не умѣешь! Права держи! — сердится военный.

Бранится кучеръ съ кареты, злобно глядитъ и страхи-ваетъ съ рукава снѣгъ прохожій, переѣзжавшій дорогу и налетѣвшій плечомъ на морду лошаденки. Іона ерзаетъ на козлахъ, какъ на иголкахъ, тыкаетъ въ стороны локтями и водитъ глазами, какъ угорѣлый, словно не понимаетъ, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ здѣсь.

— Какіе всѣ поддцы!—остритъ военный.—Такъ и норовятъ столкнуться съ тобой, или подъ лошадь попасть. Это они сговорились.

Іона оглядывается на сѣдока и шевелитъ губами... Хочетъ онъ, повидимому, что-то сказать, но изъ горла не выходитъ ничего, кромѣ сопѣнья.

— Что?—спрашиваетъ военный.

Іона кривитъ улыбкой ротъ, напругаетъ свое горло и сипитъ:

— А у меня, баринъ, тово... сытъ на этой недѣлѣ померъ.

— Гм!.. Отчего же онъ умеръ?

Іона оборачивается всѣмъ туловищемъ къ сѣдоку и говоритъ:

— А кто жъ его знаетъ! Должно, отъ горячки... Три дня полежалъ въ больницѣ и померъ... Божья воля.

— Сворачивай, дьяволъ!—раздается въ потемкахъ.—Повылазило, что ли, старый песъ? Гляди глазами!

— Поѣзжай, поѣзжай...—говоритъ сѣдокъ.—Этакъ мы и до завтра не доѣдемъ. Подгони-ка!

Извозчикъ опять вытягиваетъ шею, приподнимается и

съ тяжелой граціей взмахиваетъ кнутомъ. Нѣсколько разъ потомъ оглядывается онъ на сѣдока, но тотъ закрылъ глаза и, повидимому, не расположенъ слушать. Высадивъ его на Выборгской, онъ останавливается у трактира, сгибается на козлахъ и опять не шевельнется... Мокрый снѣгъ опять красить набѣло его и лошаденку. Проходитъ часть, другой...

По тротуару, громко стуча калошами и перебраниваясь, проходятъ трое молодыхъ людей: двое изъ нихъ высоки и тонки, третій малъ и горбачъ.

— Извозчикъ, къ Полицейскому мосту!—кричитъ дребезжащимъ голосомъ горбачъ.—Троихъ... двугривенный!

Иона дергаетъ вожжами и чмокаетъ. Двугривенный цѣна не сходная, но ему не до цѣны... Что рубль, что пятакъ—для него теперь все равно, были бы только сѣдоки... Молодые люди, толкаясь и сквернословя, подходятъ къ санямъ и всѣ трое сразу лѣзутъ на сидѣнье. Начинается рѣшеніе вопроса: кому двумъ сидѣть, а кому третьему стоять? Послѣ долгой перебранки, капризничанья и попрековъ, приходятъ къ рѣшенію, что стоять долженъ горбачъ, какъ самый маленькій.

— Ну, погоняй!—дребезжитъ горбачъ, устанавливаясь и дыша въ затылокъ Ионы.—Луни! Да и шапка же у тебя, братецъ! Хуже во всемъ Петербургѣ не найти...

— Гы-ы... гы-ы...—хохочетъ Иона.—Какая есть...

— Ну, ты, какая есть, погоняй! Этакъ ты всю дорогу будешь ѣхать? Да? А по шеф?..

— Голова трещить...—говоритъ одинъ изъ длинныхъ.—Вчера у Дукмасовыхъ мы вдвоемъ съ Васькой четыре бутылки коньяку выпили.

— Не понимаю, зачѣмъ врать! — сердится другой длинный.—Вретъ, какъ скотина.

— Накажи меня Богъ, правда...

— Это такая же правда, какъ то, что вошь кашляетъ.

— Гы-ы!—ухмыляется Иона.—Ве-еселые господа!

— Тьфу, чтобъ тебя черти!.. — возмущается горбачъ.— Поѣдешь ты, старая холера, или нѣтъ? Развѣ такъ ѣздить?! Хлобысни-ка ее кнутомъ! Но, чертъ! Но! Хорошенько ее

Иона чувствуетъ за своей спиной вертящееся тѣло и голосовую дрожь горбача. Онъ слышитъ обращенную къ нему ругань, видитъ людей, и чувство одиночества начинается мало-по-малу отлегать отъ груди. Горбачъ бранится

до тѣхъ поръ, пока не давится вычурнымъ, шестиэтажнымъ ругательствомъ и не раздражается кашлемъ. Длинные начинаютъ говорить о какой-то Надеждѣ Петровнѣ. Она оглядывается на нихъ. Дождавшись короткой паузы, онъ оглядывается еще разъ и бормочетъ:

— А у меня на этой недѣлѣ... тово... сынъ номеръ!

— Всѣ померемъ... вздыхаетъ горбачъ, вытирая послѣ капли губы.—Ну, погоняй, погоняй! Господа, я рѣшительно не могу дальше такъ ѣхать! Когда онъ насъ довезетъ?

— А ты его легонечко подбодри... въ шею!

— Старая холера, слышишь? Вѣдь шею наkostenяю!.. Съ валнимъ братомъ церемониться, такъ пѣшкомъ ходить!.. Ты слышишь, Змѣй Горынычъ? Или тебѣ плевать на наши слова?

И Иона больше слышитъ, чѣмъ чувствуетъ, звуки подзатыльника.

— Гы-ы...—смѣется онъ.—Веселые господа... дай Богъ здоровья!

— Извозчикъ, ты женатъ?—спрашиваетъ длинный.

— Я-то? Гы-ы... ве-еселые господа! Талеря у меня одна жена—сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то-есть!.. Сынъ-то вотъ померъ, а я живъ... Чудное дѣло, смерть дверью обозналась... Замѣсто того, чтобъ ко мнѣ идтить, она къ сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, какъ умеръ его сынъ, но тутъ горбачъ легко вздыхаетъ и заявляетъ, что, слава Богу, они наконецъ пріѣхали. Получивъ двугривенный, Иона долго глядитъ вслѣдъ гулякамъ, исчезающимъ въ темномъ подъездѣ. Опять онъ одинокъ, и опять наступаетъ для него тишина... Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и расширяетъ грудь еще съ большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бѣгаютъ по толпамъ, спующимъ по обѣ стороны улицы: не найдется ли изъ этихъ тысячъ людей хоть одинъ, который выслушалъ бы его? Но толпы бѣгутъ, не замѣчая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границъ. Лопни грудь Ионы, и вылейся изъ нея тоска, такъ она бы, кажется, весь свѣтъ залила, но тѣмъ не менѣе ея не видно. Она сумѣла помѣститься въ такую ничтожную скорлупу, что ея не увидишь днемъ съ огнемъ...

Иона видитъ дворника съ кулькомъ и рѣшаетъ заговорить съ нимъ.

— Милый, который теперь часъ будетъ? — спрашиваетъ онъ.

— Десятый... Чего же стать здѣсь? Проѣзжай!

Иона отъѣзжаетъ на нѣсколько шаговъ, изгибается и отдается тоскѣ... Обращаться къ людямъ онъ считаетъ уже бесполезнымъ. Но не проходитъ и пяти минутъ, какъ онъ выпрямляется, встряхиваетъ головой, словно почувствовалъ острую боль, и дергаетъ вожжи... Ему невмоготу.

«Ко двору, — думаетъ онъ. — Ко двору!»

И лошаденка, точно понявъ его мысль, начинаетъ бѣжать рысцой. Спустя часа полтора, Иона сидитъ уже около большой, грязной печи. На печи, на полу, на скамьяхъ хранишь народъ. Въ воздухѣ «спираль» и духота... Иона глядитъ на спящихъ, почесывается и жалѣетъ, что такъ рано вернулся домой...

«И на овесъ не выѣздили, — думаетъ онъ. — Оттого-то вотъ и тоска. Человѣкъ, который знающій свое дѣло... который и самъ сытъ, и лошадь сыта, завсегда покоенъ...»

Въ одномъ изъ угловъ поднимается молодой извозчикъ, сонно крикаетъ и тянется къ ведру съ водой.

— Пить захотѣли? — спрашиваетъ Иона.

— Стало-быть, вити!

— Такъ... На здоровье... А у меня, братъ, сынъ померъ... Слыхалъ? на этой недѣлѣ въ больницѣ... Исторія!

Иона смотритъ, какой эффектъ произвели его слова, но не видитъ ничего. Молодой укрылся съ головой и уже спитъ. Старикъ вздыхаетъ и чешется... Какъ молодому хотѣлось жить, такъ ему хочется говорить. Скоро будетъ недѣля, какъ умеръ сынъ, а онъ еще путемъ не говорилъ ни съ кѣмъ... Нужно поговорить съ толкомъ, съ разстановкой... Надо рассказать, какъ заболѣлъ сынъ, какъ онъ мучился, что говорилъ передъ смертью, какъ умеръ... Нужно описать похороны и поѣздку въ больницу за одеждой покойника. Въ деревнѣ осталась дочка Анисья... И про нее нужно поговорить... Да мало ли о чемъ онъ можетъ теперь поговорить? Слушатель долженъ охатъ, вздыхать, причитывать... А съ бабами говорить еще лучше. Тѣ хоть и дуры, но режутъ отъ двухъ словъ.

«Пойти лошадь поглядѣть,—думаетъ Иона.—Спать всегда успѣешь... Небось, выспишься...»

Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ... Про сына, когда одинъ, думать онъ не можетъ... Поговорить съ кѣмъ-нибудь о немъ можно, но самому думать и рисовать себѣ его образъ невыносимо жутко...

— Жуешь? — спрашиваетъ Иона свою лошадь, видя ея блестящіе глаза.—Ну, жуй, жуй... Коли на овесъ не выѣздили, сѣно ѣсть будемъ... Да... Старь ужъ сталъ я ѣздить... Сыну бы ѣздить, а не мнѣ... То настоящій извозчикъ былъ... Жить бы только...

Иона молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ-то, братъ кобылочка... Нѣту Кузьмы Ионыча... Приказалъ долго жить... Взялъ и померъ зря... Таперя скажемъ, у тебя жеребеночекъ, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, этотъ самый жеребеночекъ приказалъ долго жить... Вѣдь жалко?

Лошаденка жуеть, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина...

Иона увлекается и рассказываетъ ей все...

ЕГЕРЬ.

Знойный и душный полдень. На небѣ ни облачка... Выжженная солнцемъ трава глядитъ уныло, безнадежно: хоть и будетъ дождь, но ужъ не зеленѣть ей... Лѣсъ стоитъ молча, неподвижно, словно всматривается куда-то своими верхушками или ждетъ чего-то.

По краю сѣчи лѣнливо, вразвалку плетется высокій, узкоплечій мужчина лѣтъ сорока, въ красной рубахѣ, латанныхъ, господскихъ штанахъ и въ большихъ сапогахъ. Плетется онъ по дорогѣ. Направо зеленѣетъ сѣча, налево, до самаго горизонта, тянется золотистое море поспѣвшей ржи... Онъ красенъ и вспотѣлъ. На его красивой, бѣлокурой головѣ ухарски сидитъ бѣлый картузикъ съ прямымъ, жокейскимъ козырькомъ, очевидно подарокъ какого-нибудь расщедрившагося барича. Черезъ плечо перекинута ягдташь, въ которомъ лежитъ скомканный пѣтухъ-тетеревъ. Мужчина держитъ въ рукахъ двухстволку со взведенными курками и щуритъ глаза на своего стараго, тощаго пса, который бѣжитъ впереди и обнюхиваетъ кустарникъ. Кругомъ тихо, ни звука... Все живое попряталось отъ зноя.

— Егоръ Власычъ! — слышитъ вдругъ охотникъ тихій голосъ.

Онъ вздрагиваетъ и, оглядѣвшись, хмуритъ брови. Возлѣ него, словно изъ земли выросши, стоитъ блѣднолицая баба лѣтъ тридцати, съ серпомъ въ рукѣ. Она старается заглянуть въ его лицо и застѣнчиво улыбается.

— А, это ты, Пелагея! — говоритъ охотникъ, останавли-

ваясь и медленно спуская курши. — Гм!.. Какъ же это ты сюда попала?

— Тутъ изъ нашей деревни бабы работаютъ, такъ вотъ и я съ ими... Въ работницахъ, Егоръ Власычъ.

— Такъ... — мычитъ Егоръ Власычъ и медленно идетъ дальше.

Пелагея за нимъ. Проходятъ молча шаговъ двадцать.

— Давно ужъ я васъ не видала, Егоръ Власычъ... — говоритъ Пелагея, нѣжно глядя на двигающіяся плечи и лопатки охотника. — Какъ заходили вы на Святой въ нашу избу воды напиться, такъ съ той поры васъ и не видали... На Святой на минутку зашли, да и то Богъ знаетъ какъ... въ пьяномъ видѣ... Побранили, побили и ушли... Ужъ я ждала, ждала... глаза всё проглядѣла, васъ поджидаючи... Эхъ, Егоръ Власычъ, Егоръ Власычъ! Хоть бы разочекъ зашли!

— Что жъ мнѣ у тебя дѣлать-то?

— Оно, конечно, дѣлать нечего, да такъ... все-таки жъ хозяйство... Поглядѣть, какъ и что... Вы хозяинъ... Ишь ты, тетерьку подстрѣлили, Егоръ Власычъ! Да вы бы сѣли, отдохнули...

Говоря все это, Пелагея смѣется, какъ дурочка, и глядитъ вверхъ на лицо Егора... Отъ лица ея такъ и дышитъ счастьемъ...

— Посидѣть? Пожалуй... — говоритъ равнодушнымъ тономъ Егоръ и выбираетъ мѣстечко между двумя растущими елками. — Что жъ ты стоишь? Садись и ты!

Пелагея садится поодаль на припекѣ и, стыдяся своей радости, закрываетъ рукой улыбающійся ротъ. Минуты двѣ проходятъ въ молчаніи.

— Хоть бы разочекъ зашли, — говоритъ тихо Пелагея.

— Зачѣмъ? — вздыхаетъ Егоръ, снимая свой картузикъ и вытирая рукавомъ красный лобъ. — Нѣтъ никакой надобности. Зайти на часъ-другой — канитель одна, только тебя взбаламутишь, а постоянно жить въ деревнѣ — душа не терпитъ... Сама знаешь, человекъ я балованный... Мнѣ чтобъ и кровать была, и чай хорошій, и разговоры деликатные... чтобъ всё степени мнѣ были, а у тебя тамъ на деревнѣ бѣдность, копотъ... Я и дня не выживу. Ежели бъ указъ такой, положимъ, вышелъ, чтобъ безпремѣнно мнѣ у тебя жить, такъ я бы или избу сжегъ, или руки бы на себя

наложилъ. Сызмалѣтства во мнѣ это баловство сидитъ, ничего не подѣлаешь.

— Теперь вы гдѣ живете?

— У барина, Дмитрія Иваныча, въ охотникахъ. Къ его столу дичь поставляю, а больше такъ... изъ-за удовольствія меня держитъ.

— Не степенное ваше дѣло, Егоръ Власычъ... Для людей это баловство, а у васъ оно, словно какъ бы и ремесло... занятіе настоящее...

— Не понимаешь ты, глупая,—говоритъ Егоръ, мечтательно глядя на небо.—Ты отродясь не понимала и вѣкъ тебѣ не понять, что я за человѣкъ... По-твоему, я шальной заблудящій человѣкъ, а который понимающій, для того я что ни на есть лучший стрѣлокъ во всемъ уѣздѣ. Господа это чувствуютъ и даже въ журналѣ про меня печатали. Ни одинъ человѣкъ не сравняется со мной по охотницкой части... А что я вашимъ деревенскимъ занятіемъ брезгаю, такъ это не изъ баловства, не изъ гордости. Съ самаго младенчества, знаешь, я окромя ружья и собакъ никакого занятія не зналъ. Ружье отнимаютъ, я за удочку, удочку отнимаютъ, я руками промыслюю. Ну, и по лошадиной части барышничалъ, по ярмаркамъ рыскалъ, когда деньги водились, а сама знаешь, что ежели который мужикъ записался въ охотники, или въ лошадники, то прощай соха. Разъ сядетъ въ человѣка вольный духъ, то ничѣмъ его не выковыришь. Тоже вотъ ежели который баринъ пойдетъ въ ахтеры или по другимъ какимъ художествамъ, то не быть ему ни въ чиновникахъ, ни въ помѣщикахъ. Ты баба, не понимаешь, а это понимать надо.

— Я понимаю, Егоръ Власычъ.

— Стало-быть, не понимаешь, коли плакать собираешься...

— Я... я не плачу...—говоритъ Пелагея, отворачиваясь.—Грѣхъ, Егоръ Власычъ! Хоть бы денекъ со мной, несчастной, пожили. Ужъ двѣнадцать лѣтъ, какъ я за васъ вышла, а... а промежъ насъ ни разу любви не было!.. Я... я не плачу...

— Любви...—бормочетъ Егоръ, почесывая руку.—Никакой любви не можетъ быть. Одно только званіе, что мы мужъ и жена, а нешто это такъ и есть? Я для тебя дикій человѣкъ есть, ты для меня простая баба, не понимающая. Нешто мы пара? Я вольный, балованный, гулящій, а ты

работница, лапотница, въ грязи живешь, спины не разгибаешь. О себѣ я такъ понимаю, что я по охотничьей части первый человекъ, а ты съ жалостью на меня глядишь... Гдѣ же тутъ пара?

— Да вѣдь вѣнчаны, Егоръ Власычъ! — всхлипываетъ Пелагея.

— Не волей вѣнчаны... Нешто забыла? Графа Сергѣя Павлыча благодари... и себя. Графъ изъ зависти, что я лучше его стрѣляю, мѣсяць цѣлый виномъ меня спаивалъ, а пьянаго не токмо что перевѣнчать, но и въ другую вѣру совратить можно. Взялъ и въ отместку пьянаго на тебѣ женилъ... Егеря на скотницѣ! Ты видала, что я пьяный, зачѣмъ выходила? Не крѣпостная вѣдь, могла супротивъ пойти! Оно, конечно, скотницѣ счастье за егеря выйти, да вѣдь надо разсужденіе имѣть. Ну, вотъ теперь и мучайся, плачь. Графу смѣшнѣе, а ты плачь... бейся объ стѣну...

Наступаетъ молчаніе. Надъ сѣчей пролетаютъ три дикія утки. Егоръ глядитъ на нихъ и провожаетъ ихъ глазами до тѣхъ поръ, пока онѣ, превратившись въ три едва видныя точки, не опускаются далеко за лѣсомъ.

— Чѣмъ живешь?—спрашиваетъ онъ, переводя глаза съ утокъ на Пелагею.

— Таперя на работу хожу, а зимой ребеночка изъ воспитательнаго дома беру, кормлю соской. Полтора рубля въ мѣсяць даютъ.

— Тѣкъ...

Опять молчаніе. Съ сжатой полосы несется тихая пѣсня, которая обрывается въ самомъ началѣ. Жарко пѣть...

— Сказываютъ, что вы Акулинѣ новую избу поставили,—говоритъ Пелагея.

Егоръ молчитъ.

— Стало-быть, она вамъ по-сердцу...

— Счастье ужъ твое такое, судьба!—говоритъ охотникъ, потягиваясь. — Терпи, сирота. Но одначе прощай, заболтался... Къ вечеру мнѣ въ Болтово поспѣть нужно.

Егоръ поднимается, потягивается и перекидываетъ ружье черезъ плечо. Пелагея встаетъ.

— А когда же въ деревню придете?—спрашиваетъ она тихо.

— Незачѣмъ. Тверезый никогда не приду, а отъ пьянаго тебѣ мало корысти. Злобюсь я пьяный... Прощай!

— Прощайте, Егоръ Власычъ...

Егоръ надѣваетъ картузь на затылокъ и, чмокнувъ собаку, продолжаетъ свой путь. Пелагея стоитъ на мѣстѣ и глядитъ ему вслѣдъ... Она видитъ его двигающіяся лопатки, молодецкій затылокъ, лѣнивую, небрежную поступь, и глаза ея наполняются грустью и нѣжной лаской... Взглядъ ея бѣгаетъ по тощей, высокой фигурѣ мужа и ласкаетъ, нѣжить его... Онъ, словно чувствуетъ этотъ взглядъ, останавливается и оглядывается... Молчитъ онъ, но по его лицу, по приподнятымъ плечамъ Пелагеѣ видно, что онъ хочетъ ей сказать что-то. Она робко подходитъ къ нему и глядитъ на него умоляющими глазами.

— На тебѣ!—говоритъ онъ, отворачиваясь.

Онъ подаетъ ей истрепанный рубль и быстро отходитъ.

— Прощайте, Егоръ Власычъ!—говоритъ она, машинально принимая рубль.

Онъ идетъ по длинной, прямой, какъ вытянутый ремень, дорогѣ... Она, блѣдная, неподвижная, какъ статуя, стоитъ и ловитъ взглядомъ каждый его шагъ. Но вотъ красный цвѣтъ его рубахи сливается съ темнымъ цвѣтомъ брюкъ, шаги не видимы, собаку не отличишь отъ сапогъ. Виденъ только одинъ картузикъ, но... вдругъ Егоръ круто поворачиваетъ направо въ сѣчу, и картузикъ исчезаетъ въ зелени.

— Прощайте, Егоръ Власычъ!—шепчетъ Пелагея и поднимается на цыпочки, чтобы хоть еще разъ увидать бѣлый картузикъ.

М Е Ч Т Ы .

Двое сотских—одинъ чернобородый, коренастый, на обыкновенно короткихъ ножкахъ, такъ что если взглянуть на него сзади, то кажется, что у него ноги начинаются гораздо ниже, чѣмъ у всѣхъ людей, другой длинный, худой и прямой, какъ палка, съ жидкой бороденкой темно-рыжаго цвѣта—конвоируютъ въ уѣздный городъ бродягу, не помнящаго родства. Первый идетъ вразвалку, глядитъ по сторонамъ, жуеть то соломинку, то свой рукавъ, хлопаетъ себя по бедрамъ и мурлычить, вообще имѣетъ видъ безнечный и легкомысленный; другой же, несмотря на свое тощее лицо и узкія плечи, выглядитъ солиднымъ, серьезнымъ и основательнымъ, складомъ и выраженіемъ всеі своей фигуры походить на старообрядческихъ поповъ, или тѣхъ воиновъ, какихъ пишутъ на старинныхъ образахъ; ему «за мудрость Богъ лба прибавилъ», т. е. онъ плѣшивъ, что еще больше увеличиваетъ помянутое сходство. Перваго зовутъ Андрей Птаха, второго—Никандръ Саножниковъ.

Человѣкъ, котораго они конвоируютъ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому представленію, какое имѣется у каждаго о бродягахъ. Это маленькій, тщедушный человѣкъ, слабосильный и болѣзненный, съ мелкими, безцвѣтными и крайне неопредѣленными чертами лица. Брови у него жиденькія, взглядъ покорный и кроткій, усы еле пробиваются, хотя бродяга уже перевалилъ за 30. Онъ шагаетъ несмѣло, согнувшись и засунувъ руки въ рукава. Воротникъ его не мужицкаго, драповаго, съ потертой ворсой пальтишка приподнять до самыхъ красвъ фуражки, такъ что только одинъ

красный носикъ осмѣливается глядѣть на свѣтъ Божій. Говорятъ онъ заискивающимъ теноркомъ, то и дѣло покашливаетъ. Трудно, очень трудно признать въ немъ бродягу, прячущаго свое родное имя. Скорѣе это обнищавшій, забытый Богомъ поповичъ-неудачникъ, прогнанный за пьянство писецъ, купеческій сынъ или племянникъ, попробовавшій свои жидкія силишки на актерскомъ поприщѣ и теперь идущій домой, чтобы разыграть послѣдній актъ изъ притчи о блудномъ сынѣ; быть-можетъ, судя по тому тупому терпѣнію, съ какимъ онъ борется съ осеннею невылазною грязью, это фанатикъ—монастырскій служка, шатающійся по русскимъ монастырямъ, упорно ищущій «житія мирна и безгрѣшна» и не находящій...

Путники давно уже идутъ, но никакъ не могутъ сойти съ небольшого клочка земли. Впереди нихъ сажень пять грязной, чернобурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стѣна бѣлаго тумана. Они идутъ, идутъ, но земля все та же, стѣна не ближе и клочокъ остается клочкомъ. Мелькнетъ бѣлый, угловатый булыжникъ, буеракъ, или охайка сѣна, оброненная проѣзжимъ, блеснетъ ненадолго большая мутная лужа, а то вдругъ неожиданно впереди покажется тѣнь съ неопредѣленными очертаніями; чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ она меньше и темнѣе, еще ближе—и передъ путниками вырастаетъ погнувшійся верстовой столбъ съ потертой цифрой, или же жалкая березка, мокрая, голая, какъ придорожный нищій. Березка пролечетъ что-то остатками своихъ желтыхъ листьевъ, одинъ листокъ сорвется и лѣтливо полетитъ къ землѣ... А тамъ опять туманъ, грязь, бурая трава по краямъ дороги. На травѣ виснутъ тусклыя, недобрыя слезы. Это не тѣ слезы тихой радости, какими плачетъ земля, встрѣчая и провожая лѣтнее солнце, и какими поитъ она на зарѣ перепеловъ, дергачей и стройныхъ, длинноносыхъ крошнелетовъ! Ноги путниковъ вязнутъ въ тяжелой, липкой грязи. Каждый шагъ стѣнитъ напряженія.

Андрей Птаха нѣсколько возбужденъ. Онъ оглядываетъ бродягу и силится понять, какъ это живой, трезвый человекъ можетъ не помнить своего имени.

- Да ты православный?—спрашиваетъ онъ.
- Православный,—кратко отвѣчаетъ бродяга.
- Гм!.. стало-быть, тебя крестили?

— А то какъ же? Я не турокъ. И въ церковь я хожу, и говѣю, и скоромнаго не кушаю, когда не велѣно. Деригию я исполняю въ точности...

— Ну, такъ какъ же тебя звать?

— А зови, какъ хочешь, парень.

Птаха пожимаетъ плечами и въ крайнемъ недоумѣннн хлопаетъ себя по бедрамъ. Другой же сотскій, Никандръ Сапожниковъ, солидно молчитъ. Онъ не такъ наивенъ, какъ Птаха, и, повидимому, отлично знаетъ причины, побуждающія православнаго человѣка скрывать отъ людей свое имя. Выразительное лицо его холодно и строго. Онъ шагаетъ особнякомъ, не снисходитъ до празднои болтовни съ товарищами и какъ бы старается показать всѣмъ, даже туману, свою степенность и разсудительность.

— Богъ тебя знаетъ, какъ объ тебѣ понимать надо, — продолжаетъ приставать Птаха. — Мужикъ — не мужикъ, баринъ — не баринъ, а такъ, словно середка какая... Намеднись въ прудѣ я рѣшета мылъ и поймалъ такую вотъ, съ палець, гадючку съ зебрами и хвостомъ. Спервоначалу думалъ, что оно рыба, потомъ гляжу — чтобъ ты издохла! — лапки есть. Не то она рыбина, не то гадюка, не то чортъ его разбереть, что оно такое... Такъ вотъ и ты... Какого ты званія?

— Я мужикъ, крестьянскаго рода, — вздыхаетъ бродяга. — Моя маменька изъ крѣпостныхъ дворовыхъ была. Съ виду я не похожъ на мужика, это точно, потому мнѣ такая судьба вышла, добрый человѣкъ. Моя маменька при господахъ въ нянюшкахъ жили и всякое удовольствіе получали, ну, а я плоть и кровь ихняя, при нихъ состоялъ въ господскомъ домѣ. Нѣжили онѣ меня, баловали и на ту точку били, чтобъ меня изъ простаго званія въ хорошіе люди вывести. Я на кровати спалъ, каждый день настоящій обѣдъ кушалъ, брюки и полусапожки носилъ на манеръ какого дворянчика. Что маменька сами кушали, тѣмъ и меня кормили; имъ господа на платье подарятъ, а онѣ меня одѣваютъ... Хорошо жилось! Сколько я конфетовъ и пряниковъ на своемъ ребячьемъ вѣку перекушалъ, такъ это ежели теперь продать, можно хорошую лошадь купить. Грамотѣ меня маменька обучили, страхъ Божій съ измальства внушили и такъ меня приспособили, что я теперь не могу никакого мужицкаго, неделикатнаго слова сказать. И воды,

парень, не пью, и одѣваюсь чисто, и могу въ хорошемъ обществѣ себя содержать въ приличномъ видѣ. Коли еще живы, то дай Богъ имъ здоровья, а ежели померли, то упокой, Господи, ихъ душечку въ царствіи Твоемъ, идѣже праведные упокоются!

Бродяга обнажаетъ голову съ торчащей на ней рѣдкой щетинкой, поднимаетъ кверху глаза и осѣняетъ себя дважды крестнымъ знаменіемъ.

— Пошли ей, Господи, мѣсто злочно, мѣсто покойно!— говоритъ онъ протяжнымъ, скорѣе старушечьимъ, чѣмъ мужскимъ голосомъ.— Научи ее, Господи, рабу Твою Ксенію, оправданіемъ Твоимъ! Ежели бѣ не маменька любезная, быть бы мнѣ въ простыхъ мужикахъ, безъ всякаго понятія Теперя, парень, о чемъ меня ни спроси, я все понимаю: и свѣтское писаніе, и божественное, и всякія молитвы, и катихизиць. И живу по писанію... Людей не забираю, плоть содержу въ чистотѣ и цѣломудріи, посты соблюдаю, кушаю во благовременіи. У другого какого человѣка только и есть удовольствія, что водка и горлобѣсіе, а я, коли время есть, сяду въ уголокъ и читаю книжечку. Читаю и все плачу, плачу...

— Чего жъ ты плачешь?

— Пишутъ жалостно! За иную книжечку пяточокъ дашь, а плачешь и стенаешь до чрезвычайности.

— Отець твой померъ?—спрашиваетъ Птаха.

— Не знаю, парень. Не знаю я своего родителя, нечего грѣха таить. Я такъ объ себѣ разсуждаю, что у маменьки я былъ незаконнорожденное дитѣ. Моя маменька весь свой вѣкъ при господахъ жили и не желали за простого мужика выйти...

— И на барина налетѣла,—усмѣхается Птаха.

— Не соблюли себя, это точно. Были онѣ благочестивыя, богобоязненныя, но дѣвства не сохранили. Оно, конечно, грѣхъ, великій грѣхъ, что и говорить, но зато, можетъ, во мнѣ дворянская кровь есть. Можетъ, только по званію я мужикъ, а въ естествѣ благородный господинъ.

Говорить все это «благородный господинъ» тихимъ, слащавымъ теноркомъ, морща свой узенькій лобикъ и издавая краснымъ, озябшимъ носикомъ скрипящіе звуки. Птаха слушаетъ, удивленно косится на него и не перестаетъ пожимать плечами.

Пройдя версть шесть, сотскіе и бродяга садятся на бугоркѣ отдохнуть.

— Собака и то свою кличку помнитъ,—бормочетъ Птаха.— Меня звать Андрюшка, его—Никандра, у каждаго человѣка свое святое имя есть, и никакъ это имя забыть нельзя! Никакъ!

— Кому какая надобность мое имя знать?—вздыхаетъ бродяга, подпирая кулачкомъ щеку.—И какая мнѣ отъ этого польза? Ежели бъ мнѣ дозволили идти, куда я хочу, а то вѣдь хуже теперешняго будетъ. Я, братцы православные, знаю законъ. Теперя я бродяга, непомнящій родства, и самое большее, ежели меня въ Восточную Сибирь присудятъ и 30 не то 40 плетей дадутъ, а ежели я имъ свое настоящее имя и званіе скажу, то опять они меня въ каторжную работу пошлютъ. Я знаю!

— А нешто ты былъ въ каторжной работѣ?

— Былъ, другъ милый. Четыре года съ бритой головой ходилъ и кандалы носилъ.

— За какое дѣло?

— За душегубство, добрый человѣкъ! Когда я еще мальчишкомъ былъ, этакъ годовъ восемнадцати, маменька моя по нечаянности барину, замѣсто соды и кислоты, мышьяку въ стаканъ всыпали. Коробокъ разныхъ въ кладовой много было, перепутать не трудно...

Бродяга вздыхаетъ, покачиваетъ головой и говоритъ:

— Онѣ благочестивыя были, но кто ихъ знаетъ, чужая душа—дремучій лѣсъ! Можетъ, по нечаянности, а можетъ, не могли въ дунѣ своей той обиды стерпѣть, что баринъ къ себѣ новую слугу приблизилъ... Можетъ, нарочно ему всыпали, Богъ знаетъ! Малъ я былъ тогда и не понималъ всего... Теперя я помню, что баринъ, дѣйствительно, взялъ себѣ другую наложницу и маменька сильно огорчались. Почитай, насъ потомъ года два судили... Маменьку осудили на каторгу на 20 лѣтъ, меня за мое малолѣтство только на 7.

— А тебя за что?

— Какъ пособника. Стаканъ-то барину я подавалъ. Всегда такъ было: маменька приготавливали соду, а я подавалъ. Только, братцы, все это я вамъ по-христіански говорю, какъ передъ Богомъ, вы никому не рассказывайте...

— Ну, насъ и спрашивать никто не станетъ, — гово-

рить Птаха. — Такъ ты, значить, бѣжалъ съ каторги, что ли?

— Бѣжалъ, другъ милый. Насъ человекѣкъ четырнадцать бѣжало. Дай Богъ здоровья, люди и сами бѣжали, и меня съ собой прихватили. Теперь ты разсуди, парень, по совѣсти, какой мнѣ резонъ званіе свое открывать? Вѣдь меня опять въ каторгу пошлютъ! А какой я каторжникъ? Я человекѣкъ нѣжный, болѣзненный, люблю въ чистотѣ и поспать, и покушать. Когда Богу молюсь, я люблю лампадочку, или свѣчку засвѣтить, и чтобъ кругомъ шуму не было. Когда земные поклоны кладу, чтобъ на полу насорено и наплевано не было. А я за маменьку сорокъ поклоновъ кладу утромъ и вечеромъ.

Бродяга снимаетъ фуражку и крестится.

— А въ Восточную Сибирь пушай ссылають,—говорить онъ:—я не боюсь!

— Нешто это лучше?

— Совсѣмъ другая статья! Въ каторгѣ ты все равно, что ракъ въ лукошкѣ: тѣснота, давка, толчея, духу перевести негдѣ—сущій адъ, такой адъ, что и не приведи Царица Небесная! Разбойникъ ты и разбойничья тебѣ честь, хуже собаки всякой. Ни покушать, ни поспать, ни Богу помолиться. А на поселеніи не то. На поселеніи перво-на-перво я къ обществу припишусь на манеръ прочихъ. По закону начальство обязано мнѣ пай дать... да-а! Земля тамъ, разсказываютъ, нипочемъ, все равно какъ снѣгъ: бери, сколько желаешь! Дадутъ мнѣ, парень, землю и подъ пашню, и подъ огородъ, и подъ жилье... Стану я, какъ люди, пахать, сѣять, скотъ заведу и всякое хозяйство, пчелокъ, овечекъ, собакъ... Кота сибирскаго, чтобъ мыши и крысы добра моего не ѣли... Поставлю срубъ, братцы, образовъ накоплю... Богъ дастъ, оженюсь, дѣточки у меня будутъ.

Бродяга бормочетъ и глядитъ не на слушателей, а куда-то въ сторону. Какъ ни наивны его мечтанія, но они высказываются такимъ искреннимъ, задушевнымъ тономъ, что трудно не вѣрить имъ. Маленькій ротикъ бродяги перекосило улыбкой, а все лицо, и глаза, и носикъ—застыли и оступѣли отъ блаженнаго предвкушенія далекаго счастья. Сотскіе слушаютъ и глядятъ на него серьезно, не безъ участія. Они тоже вѣрятъ.

— Не боюсь я Сибири,—продолжаетъ бормотать бродяга.—

Сибирь—такая же Россія, такой же Богъ и царь, что и тутъ, такъ же тамъ говорятъ по-православному, какъ и я съ тобой. Только тамъ приволья больше и люди богаче живутъ. Все тамъ лучше. Тамошнія рѣки, къ примѣру взять, куда лучше тутошнихъ! Рыбы, дичины этой самой—видимо-невидимо! А мнѣ, братцы, наипервѣйшее удовольствіе—рыбку ловить. Хлѣбомъ меня не корми, а только дай съ удочкой посидѣть. Ей-Богу. Ловлю я и на удочку, и на жерлицу, и верши ставлю, а когда ледъ идетъ—наметкой ловлю. Силы-то у меня нѣту, чтобъ наметкой ловить, такъ я мужика за пяточокъ нанимаю. И Господи, что оно такое за удовольствіе! Поймаешь налима, или головля какого-нибудь, такъ словно брата родного увидѣлъ. И, скажи пожалуйста, для всякой рыбы своя умственность есть: одну на живца ловишь, другую на выползка, третью на лягушку, или кузнечика. Все вѣдь это понимать надо! Къ примѣру сказать, налимъ. Налимъ рыба не деликатная, она и ерша хватить, щука — пескаря любитъ, шилиншеръ — бабочку. Головля ежели на быркомъ мѣстѣ ловить, то нѣтъ лучше и удовольствія. Пустишь леску саженой въ десять безъ грузила, съ бабочкой или съ жукомъ, чтобъ приманка поверху плавала, стоишь въ водѣ безъ штановъ и пускаешь по теченію, а головль—дергъ! Только тутъ такъ норовить надо, чтобъ онъ, проклятый, приманку не сорвалъ. Какъ только онъ джигнулъ тебѣ за леску, такъ и подсѣкай, нечего ждать. Страсть, сколько я на своемъ вѣку рыбы переловилъ! Когда вотъ въ бѣгахъ были, прочіе арестанты спятъ въ лѣсу, а мнѣ не спится, норовлю къ рѣкѣ. А рѣки тамъ широкія, быстрыя, берега крутые—страсть! По берегу все лѣса дремучіе. Деревья такія, что взглянешь на маковку и голова кружится. Ежели по тутошнимъ цѣнамъ, то за каждую сосну можно рублей десять дать.

Подъ безпорядочнымъ напоромъ грезъ, художественныхъ образовъ прошлаго и сладкаго предчувствія счастья, жалкій человѣкъ умолкаетъ и только шевелитъ губами, какъ бы шепчась съ самимъ собой. Тупая, блаженная улыбка не сходитъ съ его лица. Сотскіе молчатъ. Они задумались и поникли головами. Въ осеннюю тишину, когда холодный, суровый туманъ съ земли ложится на душу, когда онъ тюремной стѣною стоитъ передъ глазами и свидѣтельствуетъ человѣку объ ограниченности его воли, сладко бываетъ ду-

мать о широкихъ, быстрыхъ рѣкахъ съ привольными, крутыми берегами, о непроходимыхъ лѣсахъ, безграничныхъ степяхъ. Медленно и покойно рисуетъ воображеніе, какъ раннимъ утромъ, когда съ неба еще не сошелъ румянецъ зари, по безлюдному, крутому берегу маленькимъ пятномъ пробирается человѣкъ; вѣковыя мачтовыя сосны, громоздящіяся террасами по обѣ стороны потока, сурово глядятъ на вольнаго человѣка и угрюмо ворчатъ; корни, громадные камни и колючій кустарникъ заграждаютъ ему путь, но онъ силенъ плотью и бодръ духомъ, не боится ни сосенъ, ни камней, ни своего одиночества, ни раскатистаго эхо, повторяющаго каждый его шагъ.

Сотскіе рисуютъ себѣ картины вольной жизни, какую они никогда не жили; смутно ли припоминаютъ они образы давно слышаннаго, или же представленія о вольной жизни достались имъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ плотью и кровью отъ далекихъ вольныхъ предковъ, Богъ знаетъ!

Первый прерываетъ молчаніе Никандръ Сапожниковъ, который доселѣ не проронилъ еще ни одного слова. Позавидовалъ ли онъ призрачному счастью бродяги, или, можетъ-быть, въ душѣ почувствовалъ, что мечты о счастьи не вяжутся съ сѣрымъ туманомъ и черно-бурой грязью. но только онъ сурово глядитъ на бродягу и говорить:

— Такъ-то оно такъ, все оно хорошо, только, братъ, не доберешься ты до привольныхъ мѣстовъ. Гдѣ тебѣ? Верстъ триста пройдешь и Богу душу отдашь. Вишь ты какой дохлый! Шесть верстъ прошелъ только, а никакъ отдышаться не можешь!

Бродяга медленно поворачивается въ сторону Никандра, и блаженная улыбка исчезаетъ съ его лица. Онъ глядитъ испуганно и виновато на степенное лицо сотскаго, повидимому, припоминаетъ что-то и поникаетъ головой. Опять наступаетъ молчаніе... Всѣ трое думаютъ. Сотскіе напрягаютъ умъ, чтобы обнять воображеніемъ то, что можетъ вообразить себѣ развѣ одинъ только Богъ, а именно то страшное пространство, которое отдѣляетъ ихъ отъ вольнаго края. Въ головѣ же бродяги тѣснятся картины ясныя, отчетливыя и болѣе страшныя, чѣмъ пространство. Передъ нимъ живо вырастаютъ судебная волокита, пересыльные и каторжныя тюрьмы, арестантскіе бараки, томительныя остановки на пути, студенныя зимы, болѣзни, смерти товарищей...

Бродяга виновато моргаетъ глазами, вытираетъ рукавомъ лобъ, на которомъ выступаютъ мелкія капли, и отдувается, какъ будто только-что выскочилъ изъ жарко натопленной бани, потомъ вытираетъ лобъ другимъ рукавомъ и боязливо оглядывается.

— И впрямь тебѣ не дойтить!—соглашается Птаха.— Какой ты ходокъ? Погляди на себя: кожа да кости! Умрешь, братъ!

— Извѣстно, помреть! Гдѣ ему!—говоритъ Никандръ.— Его и сейчасъ въ госпиталь положуть... Вѣрно!

Непомнящій родства съ ужасомъ глядитъ на строгія, безстрастныя лица своихъ зловѣщихъ спутниковъ и, не снимая фуражки, выпучивъ глаза, быстро крестится... Онъ весь дрожитъ, трясетъ головой и всего его начинается корчить, какъ гусеницу, на которую наступили...

— Ну, пора идти.—говоритъ Никандръ, поднимаясь.— Отдохнули!

Черезъ минуту путники уже шагаютъ по грязной дорогѣ. Бродяга еще больше согнулся и глубже засунулъ руки въ рукава. Птаха молчитъ.

ПУСТОЙ СЛУЧАЙ.

Быль солнечный, августовскій полдень, когда я съ однимъ русскимъ захудалымъ князькомъ подѣхалъ къ громадному, такъ-называемому Шабельскому бору, гдѣ мы намѣревались поискать рябчиковъ. Мой князекъ, въ виду роли, которую онъ играетъ въ этомъ разказѣ, заслуживалъ бы подробнаго описанія. Это высокій, стройный брюнетъ, еще не старій, но уже достаточно помятый жизнью, съ длинными полицеймейстерскими усами, съ черными глазами навывкатъ и съ замашками отставного военнаго. Человѣкъ онъ недалекій, восточнаго пошиба, но честный и прямой, не бреттеръ, не фать и не кутила—достоинства, дающія въ глазахъ публики дипломъ на безцвѣтность и мизерность. Публикѣ онъ не нравился (въ уѣздѣ иначе не называли его, какъ «сіятельнымъ балбесомъ»), мнѣ же лично князекъ былъ до крайности симпатиченъ своими несчастьями и неудачами, изъ которыхъ безъ перерыва состояла вся его жизнь. Прежде всего, онъ былъ бѣденъ. Въ карты онъ не игралъ, не кутилъ, дѣломъ не занимался, никуда не совалъ своего носа и вѣчно молчалъ, но сумѣлъ какимъ-то образомъ растратить 30—40 тысячъ, оставшіяся ему послѣ отца. Одинъ Богъ знаетъ, куда дѣвались эти деньги; мнѣ извѣстно только, что много, за отсутствіемъ досмотра, было расхищено управляющими, приказчиками и даже лакеями, много прошло на займы, подачки и поручительства. Въ уѣздѣ рѣдкій помѣщикъ не состоялъ ему должнымъ. Всѣмъ просящимъ онъ давалъ и не столько изъ доброты или довѣрія къ людямъ, сколько изъ напускнаго джентльменства: возьми, моль, и чувствуй мою комильфотность! Я познакомился съ нимъ, когда ужъ онъ самъ залѣзъ въ долги, узналъ вкусъ во вторыхъ закладныхъ и запутался до не-

возможности выпутаться. Бывали дни, когда онъ не обѣдалъ и ходилъ съ пустымъ портсигаромъ, но всегда его видѣли чистенькимъ, одѣтымъ по модѣ, и всегда отъ него шель густой запахъ плантъ-планта.

Вторымъ несчастьемъ князя было его круглое одиночество. Женатъ онъ не былъ, родныхъ и друзей не имѣлъ. Молчаливый, скрытный характеръ и комильфотность, которая тѣмъ рѣзче выступала на первый планъ, чѣмъ сильнѣе хотѣлось скрыть бѣдность, мѣшали ему сближаться съ людьми. Для романовъ онъ былъ тяжелъ, вялъ и холоденъ, а потому рѣдко сходилъ съ женщинами...

Подѣхавъ къ лѣсу, я и этотъ князекъ выѣзли изъ брички и пошли по узкой лѣсной тропинкѣ, прятавшейся въ тѣни громадныхъ листьевъ папортника. Но не прошли мы и ста шаговъ, какъ изъ-за молодого, аршиннаго ельника, точно изъ земли выросши, поднялась высокая, жидкая фигура съ длиннымъ овальнымъ лицомъ, въ потертомъ пиджакѣ, въ соломенной шляпѣ и въ лакированныхъ ботфортахъ. Въ одной рукѣ незнакомца была корзинка съ грибами, другою онъ игриво теребилъ дешевенькую цѣпочку на жилеткѣ. Увидавъ насъ, онъ сконфузился, поправилъ жилетку, вѣжливо кашлянулъ и пріятно улыбнулся, точно радъ былъ видѣть такихъ хорошихъ людей, какъ мы. Потомъ, совершенно неожиданно для насъ, онъ, шаркая по травѣ длинными ногами, изгибаясь всѣмъ тѣломъ и не переставая пріятно улыбаться, подошелъ къ намъ, приподнял шляпу и произнесъ слащавымъ голосомъ, въ которомъ слышалась интонація воющей собаки:

— Э-э-э... господа, какъ мнѣ ни тяжело; но я долженъ предупредить васъ, что въ этомъ лѣсу охота воспрещается. Извините, что, не будучи знакомъ, осмѣливаюсь безпокоить васъ, но... позвольте представиться: я—Гронтовскій, главный конторщикъ при экономіи госпожи Кандуриной!

— Очень пріятно, но почему же нельзя охотиться?

— Такова воля владѣтельницы этого лѣса!

Я и князь переглянулись. Минута прошла въ молчаніи. Князь стоялъ и задумчиво глядѣлъ себѣ подъ ноги на большой мухоморъ, сбитый палкой. Гронтовскій продолжалъ пріятно улыбаться. Все лицо его моргало, медоточило, и казалось, даже цѣпочка на жилеткѣ улыбалась и старалась поразить насъ своею деликатностью. Въ воздухѣ на ма-

нерь тихаго ангела пролетѣль конфузъ; всѣмъ троимъ было неловко.

— Пустое!—сказаль я.—Не дальше, какъ на прошлой недѣлѣ я тутъ охотился!

— Очень можетъ быть!—захихикаль сквозь зубы Гронтовскій.—Фактически здѣсь всѣ охотятся, не глядя на запрещеніе, но разъ я съ вами встрѣтился, моя обязанность... священный долгъ предупредить васъ. Я человѣкъ зависимый. Если бы лѣсъ былъ мой, то, честное слово Гронтовскаго, я не противился бы вашему пріятному удовольствію. Но кто виновать, что Гронтовскій зависимъ?

Долговязый субъектъ вздохнулъ и пожалъ плечами. Я началъ спорить, кипятиться и доказывать, но чѣмъ громче и убѣдительнѣе я говорилъ, тѣмъ медовѣе и приторнѣе становилось лицо Гронтовскаго. Очевидно, сознание нѣкоторой власти надъ нами доставляло ему величайшее наслажденіе. Онъ наслаждался своимъ снисходительнымъ тономъ, любезностью, манерами и съ особеннымъ чувствомъ произносилъ свою звучную фамилію, которую онъ, вѣроятно, очень любилъ. Стоя передъ нами, онъ чувствовалъ себя больше чѣмъ въ своей тарелкѣ. Только судя по косымъ, конфузливымъ взглядамъ, которые онъ изрѣдка бросаль на свою корзинку, одно лишь портило его настроеніе—это грибы, бабья, мужицкая проза, оскорблявшая его величіе.

— Не ворочаться же намъ назадъ!—сказаль я.—Мы пятнадцать верстъ проѣхали!

— Что дѣлать!—вздохнулъ Гронтовскій.—Если бы вы изволили проѣхать не пятнадцать, а сто тысячъ верстъ, если бы даже король пріѣхаль сюда изъ Америки, или изъ другой какой-нибудь далекой страны, то и тогда бы я счелъ за долгъ... священную, такъ сказать, обязанность...

— Этотъ лѣсъ принадлежитъ Надеждѣ Львовнѣ?—спросилъ князь.

— Да-съ, Надеждѣ Львовнѣ...

— Она теперь дома?

— Да-съ... Вотъ что, вы съѣздите къ ней—полверсты отсюда, не больше—если она дастъ вамъ записочку, то я... понятно! Ха-ха... хи-хи-съ!..

— Пожалуй,—согласился я.—Съѣздить къ ней гораздо ближе, чѣмъ ворочаться... Съѣздите къ ней, Сергій Ивановичъ,—обратился я къ князю.—Вы съ ней знакомы.

Князь, глядѣвшій все время на сонтыи мухоморъ, под-
нял на меня глаза, подумалъ и сказалъ:

— Я когда-то былъ съ ней знакомъ, но... мнѣ не со-
всѣмъ ловко къ ней идти. И къ тому же я плохо одѣтъ...
Съѣздите вы, вы съ ней не знакомы... Вамъ удобнѣе.

Я согласился. Мы сѣли въ шарабанъ и, провожаемые
улыбками Гронтовскаго, покатили по краю лѣса къ барской
усадьбѣ. Съ Надеждой Львовной Кандуриной, урожденной
Шабельской, знакомъ я не былъ, никогда раньше вблизи
не видалъ ея и зналъ ее только по наслыжкѣ. Я зналъ,
что она была невылазно богата, какъ никто въ губерніи...
Послѣ смерти отца, помѣщика Шабельскаго, у котораго она
была единственной дочерью, осталось ей нѣсколько имѣній,
конскій заводъ и много денегъ. Слышалъ я, что она, не-
смотря на свои 25—26 лѣтъ, некрасива, безцвѣтна, ни-
чтожна, какъ всѣ, и выдѣляется изъ ряда обыкновенныхъ
уѣздныхъ барынь только своимъ громаднымъ состояніемъ.

Мнѣ всегда казалось, что богатство ощущается и что у
богачей должно быть свое особенное чувство, неизвѣстное
бѣднякамъ. Часто, проѣзжая мимо большого фруктоваго
сада Надежды Львовны, изъ котораго высился громадный,
тяжелый домъ съ всегда занавѣшанными окнами, я ду-
малъ: «Что чувствуетъ она въ данную минуту? есть ли
тамъ за шторами счастье?» и т. д. Разъ я видѣлъ изда-
лека, какъ она ѣхала откуда-то на хорошенькомъ легкомъ
кабриолетѣ и правила красивой бѣлой лошадыю и — грѣш-
ный человекъ—я не только позавидовалъ ей, но даже на-
шелъ, что въ ея посадкѣ, въ ея движеніяхъ есть что-то
особенное, чего нѣтъ у людей небогатыхъ, подобно тому,
какъ люди, по натурѣ раболѣпные, въ обыкновенной на-
ружности людей познатнѣ себя умудряются съ перваго
взгляда находить породу. Внутренняя жизнь Надежды
Львовны была извѣстна мнѣ только по слухамъ. Въ
уѣздѣ говорили, что лѣтъ пять-шесть тому назадъ, еще до
своего замужества, при жизни отца, она была страстно
влюблена въ князя Сергѣя Ивановича, который ѣхалъ те-
перь рядомъ со мной въ шарабанѣ. Князь любилъ ѣздить
къ старику и, бывало, цѣлые дни проводилъ у него въ
бильярдной, гдѣ неутомимо, до боли въ рукахъ и ногахъ,
игралъ въ пирамидку, за полгода же до смерти старика
онъ вдругъ пересталъ бывать у Шабельскихъ. Такую рѣз-

кую перемѣну въ отношеніяхъ уѣздная силетня, не имѣлъ положительныхъ данныхъ, объясняетъ всячески. Одни рассказываютъ, что князь, замѣтивъ будто бы чувство некрасивой Наденьки и не будучи въ состояніи отвѣчать взаимностью, почелъ долгомъ порядочнаго человѣка прекратить свои посѣщенія; другіе утверждаютъ, что старикъ Шабельскій, узнавъ, отчего чахнетъ его дочь, предложилъ небогатому князю жениться на ней, князь же, вообразивъ по своей недалекости, что его хотятъ купить вмѣстѣ съ титуломъ, возмутился, наговорилъ глупостей и разсорился. Что въ этомъ вздорѣ правда и что неправда,—трудно сказать, а что доля правды есть, видно изъ того, что князь всегда избѣгалъ разговоровъ о Надеждѣ Львовнѣ.

Мнѣ извѣстно, что вскорѣ послѣ смерти отца Надежда Львовна вышла замужъ за нѣкоего Кандурина, завѣзлаго кандидата правъ, человѣка небогатаго, но ловкаго. Вышла она не по любви, а тронутая любовью кандидата правъ, который, какъ говорятъ, прекрасно разыгрывалъ влюбленнаго. Въ описываемое мною время мужъ ея, Кандуринъ, жилъ для чего-то въ Каирѣ и писалъ оттуда своему пріятелю, уѣздному предводителю, «путевыя записки», а она, окруженная тунеядницами-приживалками, томилась за спущенными шторами и коротала свои скучные дни мелкой филантропіей.

На пути къ усадьбѣ князь разговорился.

— Ужъ три дня, какъ я не былъ у себя дома, — сказалъ онъ полушопотомъ, косясь на возницу. — Кажется, вотъ и великъ выросъ, не баба и безъ предразсудковъ, а не перевариваю судебныхъ приставовъ. Когда я вижу у себя въ домѣ судебного пристава, то блѣднѣю, дрожу и даже судороги въ икрахъ дѣлаются. Знаете, Рогожинъ протестовалъ мой вексель!

Князь вообще не любилъ жаловаться на плохія обстоятельства; гдѣ касалось бѣдности, тамъ онъ былъ скрытенъ, до крайности самолюбивъ и щенетилень, а потому это его заявленіе меня удивило. Онъ долго глядѣлъ на желтую сѣчу, согрѣваемую солнцемъ, проводилъ глазами длинную вереницу журавлей, плившихъ въ лазуревомъ поднебесьи, и повернулся лицомъ ко мнѣ.

— А къ шестому сентябрю нужно готовить деньги въ банкъ... проценты за имѣнье! — сказалъ онъ вслухъ, уже не

стѣсняясь присутвіемъ кучера. — А гдѣ ихъ взять? Вообще, батенька, круто приходится! Ухъ, какъ круто!

Князь оглядѣлъ курки своего ружья, для чего-то подулъ на нихъ и сталъ искать глазами потерянныхъ изъ виду журавлей.

— Сергѣй Ивановичъ,—спросилъ я послѣ минутнаго молчанія:—если, представьте, продадутъ вашу Шатиловку, то что вы будете дѣлать?

— Я? Не знаю! Шатиловкѣ не уцѣлѣть, это какъ дважды-два, но не могу я представить себѣ такой бѣды. Я не могу представить себя безъ готоваго куска хлѣба. Что я буду дѣлать? Образованія у меня почти никакого, работать я еще не пробовалъ, служить—начинать поздно... Да и гдѣ служить? Гдѣ бы я могъ стодиться? Допустимъ, не велика хитрость служить, хоть у насъ бы, напримѣръ, въ земствѣ, но у меня... чортъ его знаетъ, малодушіе какое-то, ни на грошъ смѣлости. Поступлю я на службу и все мнѣ будетъ казаться, что я не въ свои сани сѣлъ. Я не идеалистъ, не утопистъ, не принципистъ какой-нибудь особенный, а просто, должно-быть, глупъ и изъ-за угла мѣшикомъ прибить. Психопатъ и трусъ. Вообще не похожъ на людей. Всѣ люди, какъ люди, одинъ только я изображаю изъ себя что-то такое... этакое... Встрѣтилъ я въ среду Нарягина. Вы его знаете, пьянъ, неряшливъ... долговъ не платить, глуповатъ (князь поморщился и мотнулъ головой)... личность ужасная! Качается и говоритъ мнѣ: «Я въ мировые баллотируюсь!» Его, конечно, не выберутъ, но вѣдь онъ вѣритъ, что годится въ мировые, считаетъ это дѣло по плечу себѣ. И смѣлость есть, и самоувѣренность. Также заѣзжаю я къ нашему судебному слѣдователю. Человѣкъ получаетъ 250 въ мѣсяць, но дѣла почти никакого, только и знаетъ, что цѣлые дни въ одномъ нижнемъ бѣльѣ шагаетъ изъ угла въ уголь, но спросите его, онъ увѣренъ, что дѣло дѣлаетъ, честно исполняетъ долгъ. Я бы не могъ такъ! Мнѣ бы совѣстно было въ глаза казначею глядѣть.

Въ это время мимо насъ на рыжей лошадеѣ съ шикомъ проскакалъ Гронтовскій. Въ лѣвой рукѣ его на локтѣ болталась корзинка, въ которой прыгали бѣлые грибы. Поровнявшись съ нами, онъ оскалилъ зубы и сдѣлалъ ручкой, какъ давнишнимъ знакомымъ.

— Болванъ! — процѣдилъ князь сквозь зубы, глядя ему вслѣдъ. — Удивительно, какъ противно иногда бываетъ видѣть довольныя фізіономіи. Глупое, животное чувство и, должно-быть, съ голодухи... На чемъ я остановился? Ахъ, да, о службѣ... Жалованье получать мнѣ было бы стыдно, а въ сущности говоря, это глупо. Если взглянуть пошире, серьезно, то вѣдь и теперь я ѣмъ не свое. Не такъ ли? Но тутъ почему-то не стыдно... Привычка тутъ, что ли... или неумѣнье вдумываться въ свое настоящее положеніе... А положеніе это, вѣроятно, ужасно!

Я посмотрѣлъ: не рисуется ли князь? Но лицо его было кротко и глаза съ грустью слѣдили за движеніями убѣгавшей рыжей лошадки, точно вмѣстѣ съ нею убѣгло его счастье.

Повидимому, онъ находился въ томъ состояніи раздраженія и грусти, когда женщины тихо и безпричинно плачутъ, а у мужчинъ является потребность жаловаться на жизнь, на себя, на Бога..

У воротъ усадьбы, когда я выѣзжалъ изъ шарабана, князь говорилъ:

— Разъ одинъ человѣкъ, желая уязвить меня, сказалъ, что у меня шулерская фізіономія. Я и самъ замѣтилъ, что шулера чаще всего брюнеты. Мнѣ кажется, послушайте, что если бы я въ самомъ дѣлѣ родился шулеромъ, то до смерти бы остался порядочнымъ человѣкомъ, такъ какъ у меня не хватило бы смѣлости дѣлать зло. Скажу вамъ откровенно, я имѣлъ въ жизни случай разбогатѣть. Солги я разъ въ жизни, солги только передъ самимъ собой и одной... и однимъ человѣкомъ, который, я знаю, простилъ бы мнѣ мою ложь, я положилъ бы къ себѣ въ карманъ чистоганомъ милліонъ. Но не смогъ! Духу не хватило!

Отъ воротъ къ дому нужно было идти рощей по длинной, ровной, какъ линейка, дорогѣ, усаженной по обѣ стороны густой, стриженной сиренью. Домъ представлялъ изъ себя нѣчто тяжелое, безвкусное, похожее фасадомъ на театръ. Онъ неуклюже выскочилъ изъ массы зелени и рѣзалъ глаза, какъ большой булыжникъ, брошенный на бархатную траву. У параднаго входа встрѣтилъ меня тучный старикъ-лакей въ зеленомъ фракѣ и большихъ серебряныхъ очкахъ; безъ всякаго доклада, а только брезгливо

оглядѣвъ мою запыленную фигуру, онъ проводилъ меня въ покой. Когда я шелъ вверхъ по мягкой лѣстницѣ, то почему-то сильно пахло каучукомъ, наверху же въ передней меня охватила атмосфера, присущая только архивамъ, барскимъ хоромамъ и стариннымъ купеческимъ домамъ: кажется, что пахнетъ чѣмъ-то давно прошедшимъ, что когда-то жило и умерло, оставивъ въ комнатахъ свою душу. Отъ передней до гостиной я прошелъ комнаты три-четыре. Помнятся мнѣ ярко-желтые, блестящіе полы, люстры, окутанныя въ марлю, узкіе, полосатые ковры, которые тянулись не прямо отъ двери до двери, какъ обыкновенно, а вдоль стѣнъ, такъ что мнѣ, не рискнувшему касаться своими грубыми, болотными сапогами яркаго пола, въ каждой комнатѣ приходилось описывать четырехугольникъ. Въ гостиной, гдѣ оставилъ меня лакей, стояла окутанная сумерками старинная дѣдовская мебель въ обѣлыхъ чахлахъ. Глядѣла она сурово, по-стариковски, и, словно изъ уваженія къ ея покою, не слышно было ни одного звука.

Даже часы молчали... Княжна Тараканова, казалось, уснула въ золотой рамѣ, а вода и крысы замерли по волѣ волшебства. Дневной свѣтъ, боясь нарушить общій покой, едва пробивался сквозь спущенныя шторы и блѣдными, дремлющими полосами ложился на мягкіе ковры.

Прошло три минуты и въ гостиную безшумно вошла большая старуха въ черномъ и съ повязанной щечкой. Она поклонилась мнѣ и подняла шторы. Тотчасъ же, охваченная яркимъ свѣтомъ, ожили на картинѣ крысы и вода, проснулась Тараканова, зажмурились мрачные старики-кресла.

— Онѣ сію минуту-съ...—вздыхнула старуха, тоже жмурясь.

Еще нѣсколько минутъ ожиданія, и я увидѣлъ Надежду Львовну. Что прежде всего мнѣ бросилось въ глаза, такъ это то, что она, дѣйствительно, была некрасива: мала ростомъ, тоща, сутуловата. Волосы ея, густые, каштановые, были роскошны, лицо, чистое и интеллигентное, дышало молодостью, глаза глядѣли умно и ясно, но вся предѣсть головы пропала, благодаря большимъ, жирнымъ губамъ и слишкомъ острому, лицевому углу.

Я назвалъ себя и сообщилъ о цѣли своего прихода.

— Право, не знаю, какъ мнѣ быть! — сказала она въ раздумьи, опуская глаза и улыбаясь. — Не хотѣлось бы отказывать и въ то же время...

— Пожалуйста! — попросилъ я.

Надежда Львовна поглядѣла на меня и засмѣялась. Я тоже засмѣялся. Ее забавляло, вѣроятно, то, чѣмъ наслаждался Гронтовскій, т. е. право разрѣшать и запрещать; мнѣ же мой визитъ сталъ вдругъ казаться курьезнымъ и страннымъ.

— Не хотѣлось бы мнѣ нарушать давно заведенный порядокъ, — сказала Кандурина. — Уже шесть лѣтъ, какъ на нашей землѣ запрещена охота. Нѣтъ! — рѣшительно мотнула она головой. — Извините, я должна отказать вамъ. Если разрѣшить вамъ, то придется разрѣшать и другимъ. Я не люблю несправедливости. Или всѣмъ, или никому.

— Жаль! — вздохнулъ я. — Грустно тѣмъ болѣе, что мы проѣхали пятнадцать верстъ. Я не одинъ здѣсь, — прибавилъ я. — Со мной князь Сергѣй Иваичъ.

Имя князя произнесъ я безъ всякой задней мысли, не побуждаемый никакими особенными соображеніями и цѣлями, а сболтнулъ его, не разсуждая, по простотѣ. Услыхавъ знакомое имя, Кандурина вздрогнула и остановила на мнѣ долгій взглядъ. Я замѣтилъ, какъ у нея поблѣднѣлъ носъ.

— Это все равно... — сказала она, опуская глаза.

Разговаривая съ нею, я стоялъ у окна, выходившаго въ рощу. Мнѣ видна была вся роща съ аллеями, съ прудами и дорогою, по которой я только-что шелъ. Въ концѣ дороги за воротами чернѣлъ задокъ нашего шарабана. Около воротъ, спиною къ дому и разставивъ ноги, стоялъ князь и бесѣдовалъ съ долговязымъ Гронтовскимъ.

Кандурина все время находилась у другого окна. Она прѣдка поглядывала на рощу, а когда я произнесъ имя князя, она уже не отворачивалась отъ окна.

— Извините меня, — сказала она, щуря глаза на дорогу и на ворота: — но было бы несправедливо разрѣшить охоту только вамъ... И къ тому же, что за удовольствіе убивать птицъ? За что? Развѣ онѣ вамъ мѣшаютъ?

Жизнь одинокая, замуравленная въ четырехъ стѣнахъ, съ ея комнатными сумерками и тяжелымъ запахомъ гнющей мебели, располагаетъ къ сентиментальности. Мысль,

оброненная Кандуриной, была почтенна, но я не удержался, чтобы не сказать:

— Если такъ разсуждать, то слѣдуетъ ходить босикомъ. Сапоги шьются изъ кожи убитыхъ животныхъ.

— Нужно отличать необходимость отъ прихоти, — глухо отвѣтила Кандуринна.

Она уже узнала князя и не отрывала глазъ отъ его фигуры. Трудно описать восторгъ и страданіе, какими свѣтилось ея некрасивое лицо! Ея глаза улыбались и блестѣли, губы дрожали и смѣялись, а лицо тянулось ближе къ стекламъ. Держась обѣими руками за цвѣточный горшокъ, немного приподнявъ одну ногу и притаивъ дыханіе, она напоминала собаку, которая дѣлаетъ стойку и съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ «пиль!»

Я поглядѣлъ на нее, на князя, не сумѣвшего солгать разъ въ жизни, и мнѣ стало досадно, горько на правду и ложь, играющихъ такую стихійную роль въ личномъ счастьи людей.

Князь вдругъ встрепенулся, прицѣлился и выстрѣлил. Ястребъ, летѣвшій надъ нимъ, взмахнулъ крыльями и стрѣлой понесся далеко въ сторону.

— Высоко взялъ! — сказалъ я. — Итакъ, Надежда Львовна, — вздохнулъ я, отходя отъ окна: — вы не разрѣшаете...

Кандуринна молчала.

— Честь имѣю кланяться, — сказалъ я: — и прошу извинить за беспокойство...

Кандуринна хотѣла-было повернуться ко мнѣ лицомъ и уже сдѣлала четверть оборота, но тотчасъ же спрятала лицо за драпировку, какъ будто почувствовала на глазахъ слезы, которыя хотѣла скрыть...

— Прощайте... Извините... — тихо сказала она.

Я поклонился ея спинѣ и, уже не разбирая ковровъ, зашагалъ по ярко-желтымъ полямъ. Мнѣ пріятно было уходить изъ этого маленькаго царства позолоченной скуки и скорби, и я спѣшилъ, точно желая встрепенуться отъ тяжелаго, фантастическаго сна съ его сумерками, Таракановой, люстрами...

У выхода догнала меня горничная и вручила мнѣ записку. «Подателямъ сего охота дозволяется. Н. К.» — прочель я...

НЕ ДОБРОЕ ДѢЛО.

Кто идетъ?

Отвѣта нѣтъ. Сторожъ не видитъ ничего, но сквозь шумъ вѣтра и деревьевъ ясно слышитъ, что кто-то идетъ впереди него по аллеѣ. Мартовская ночь, облачная и туманная, окутала землю, и сторожу кажется, что земля, небо и онъ самъ со своими мыслями слились во что-то одно громадное, непроницаемо-черное. Идти можно только ощупью.

— Кто идетъ?—повторяетъ сторожъ, и ему начинаетъ казаться, что онъ слышитъ и шопотъ, и сдержанный смѣхъ. — Кто тутъ?

— Я, батюшка... — отвѣчаетъ старческій голосъ.

— Да кто ты?

— Я... прохожій.

— Какой такой прохожій? — сердито кричитъ сторожъ, желая замаскировать крикомъ свой страхъ. — Носить тебя здѣсь нелегкая! Таскаешься, лѣшій, ночью по кладбищу!

— Нешто тутъ кладбище?

— А то что же? Стало-быть, кладбище! Не видишь?

— О-хо-хо-ххъ... Царица Небесная!—слышится старческій вздохъ.—Ничего не вижу, батюшка, ничего... Ишь, темень-то какая, темень. Зги не видать, темень-то, батюшка! О-хо-хо-хххъ...

— Да ты кто такой?

— Я — странникъ, батюшка, странный человѣкъ.

— Черти этакіе, полуночники... Странники тоже! Пьяницы... — бормочетъ сторожъ, успокоенный тономъ и вздохами прохожаго.—Согрѣбиши съ вами! День-деньской пьютъ, а ночью носить ихъ нелегкая. А словно какъ будто я слыхаль, что тутъ ты не одинъ, а словно васъ двое-трое.

— Одинъ, батюшка, одинъ. Какъ есть одинъ... О-хо-хо-хъ, грѣхи наши...

Сторожъ натывается на человѣка и останавливается.

— Какъ же ты сюда попалъ? — спрашиваетъ онъ.

— Заблудился, человѣкъ хорошій. Шелъ на Митріевскую мельницу и заблудился.

— Эва! Нешто тутъ дорога на Митріевскую мельницу? Голова ты баранья! На Митріевскую мельницу надо идтить много лѣвѣй, прямо изъ города по казенной дорогѣ. Ты спяна-то лишнихъ версты три сдѣлать. Надо-быть, нализался въ городѣ?

— Былъ грѣхъ, батюшка, былъ... Истинно, былъ, не стану грѣха таить. А какъ же мнѣ теперь-то идтить?

— А иди все прямо и прямо по этой аллеѣ, пока въ ту-пикъ не упруешься, а тамъ сейчасъ бери влѣво и иди покада все кладбище пройдеши, до самой калитки. Тамъ калитка будетъ... Отопри и ступай съ Богомъ. Гляди, въ ровъ не упади. А тамъ за кладбищемъ иди все полемъ, полемъ, полемъ, пока не выйдешь на казенную дорогу.

— Дай Богъ здоровья, батюшка. Спаси, Царица Небесная, и помилуй. А то проводилъ бы, добрый человѣкъ! Будь милостивъ, проводи до калитки!

— Ну, есть мнѣ время! Иди самъ!

— Будь милостивъ, заставь Бога молить. Не вижу ничего, не видать зги, ни синь-пороха, батюшка... Темень-то, темень! Проводи, сударикъ!

— Да, есть мнѣ время провожаться! Ежели съ каждымъ нянчиться, то этакъ не напровожаешься.

— Христа-ради проводи. И не вижу, и боюсь одинъ кладбищемъ идтить. Жутко, батюшка, жутко, боюсь, жутко, добрый человѣкъ.

— Навязался ты на мою голову, — вздыхаетъ сторожъ. — Ну, ладно, пойдемъ!

Сторожъ и прохожій трогаются съ мѣста. Они идутъ рядомъ, плечо-о-плечо и молчатъ. Сырой, пронзительный вѣтеръ бьетъ имъ прямо въ лица, и невидимыя деревья, шумя и потрескивая, сыплютъ на нихъ крупныя брызги... Аллея почти вплосную покрыта лужамп.

— Одно мнѣ невдомекъ, — говоритъ сторожъ послѣ долгаго молчанія: — какъ ты сюда попалъ? Вѣдь ворота на замокъ заперты. Черезъ ограду перелѣзъ, что ли? Ежели черезъ ограду, то старому человѣку этакое занятіе — послѣднее дѣло!

— Не знаю, батюшка, не знаю. Какъ сюда попалъ, и самъ не знаю. Навожденіе. Наказалъ Господь. Истинно, навожденіе, лукавій попуталъ. А ты, батюшка, стало-быть, тутъ въ сторожахъ?

— Въ сторожахъ.

— Одинъ на все кладбище?

Напоръ вѣтра такъ силенъ, что оба на минуту останавливаются. Сторожъ, выждавъ, когда ослабѣетъ порывъ вѣтра, отвѣчаетъ:

— Насъ тутъ трое, да одинъ въ горячкѣ лежитъ, а другой спитъ. Мы съ нимъ чередуемся.

— Такъ, такъ, батюшка, такъ. Вѣтеръ-то, вѣтеръ какой! Чай, покойники слышать! Гудѣтъ, словно звѣрь лютой... О-хо-хо-х...

— А ты самъ откуда?

— Издалече, батюшка. Вологодскій я, дальній. По святымъ мѣстамъ хожу и за добрыхъ людей молюсь. Спаси и помилуй, Господи.

Сторожъ ненадолго останавливается, чтобы закурить трубку. Онъ присѣдаетъ за спиной прохожаго и сожигаетъ нѣсколько спичекъ. Свѣтъ первой спички, мелькнувъ, освѣщаетъ на одно мгновеніе кусокъ аллеи справа, бѣлый памятникъ съ ангеломъ и темный крестъ; свѣтъ второй спички, сильно вспыхнувшей, и потухшей отъ вѣтра, скользитъ, какъ молнія, по лѣвой сторонѣ и изъ потемокъ выдѣляется только угловая часть какой-то рѣшетки; третья спичка освѣщаетъ и справа, и слѣва бѣлый памятникъ, темный крестъ и рѣшетку вокругъ дѣтской могилки.

— Спать покойнички, спать родимые! — бормочетъ прохожій, громко вздыхая. — Спать и богатые, и бѣдные, и мудрые, и глупые, и добрые, и лютые. Всѣмъ имъ одна цѣна. И будутъ спать до гласа трубнаго. Царство имъ небесное, вѣчный покой.

— Теперь вотъ идемъ, а будетъ время, когда и сами лежать будемъ, — говоритъ сторожъ.

— Такъ, такъ. Всѣ, всѣ будемъ. Нѣтъ того человѣка, который не помретъ. О-хо-хо-хъ. Дѣла наши лютыя, помышленія лукавыя! Грѣхи, грѣхи! Душа моя окаянная, ненасытная, утроба чревоугодная! Прогнѣвалъ Господа и не будетъ мнѣ спасенія ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Завязъ въ грѣхи, какъ червякъ въ землю.

— Да, а умирать надо.

— То-то что надо.

— Страннику, чай, легче помирать, чѣмъ нашему брату... — говорить сторожъ.

— Странники разные бываютъ. Есть и настоящие, которые богоугодные, блюдутъ свою душу, а есть и такіе, что по кладбищу ночью пугаются, чертей тѣнать... да-а! Иной, который странникъ, ежели пожелаетъ, хватить тебя по башкѣ топорницемъ, а изъ тебя и духъ вонь.

— Зачѣмъ ты такія слова?

— А такъ... Ну, вотъ, кажись, и калитка. Она и есть. Отвори-ка, любезный!

Сторожъ ощупью отворяетъ калитку, выводитъ странника за рукавъ и говорить:

— Тутъ и конецъ кладбищу. Теперь иди все полевъ и полевъ, покада не упруешься въ казенную дорогу. Только сейчасъ тутъ межевой ровъ будетъ, не упади... А выйдешь на дорогу, возьми вправо и такъ до самой мельницы...

— О-хо-хо-хх... — вздыхаетъ странникъ, помолчавъ. — А я теперь такъ разсуждаю, что мнѣ незачѣмъ на Митріевскую мельницу идтить... За какимъ лѣшимъ я туда пойду? Я лучше, сударикъ, здѣсь съ тобой постою...

— Зачѣмъ тебѣ со мной стоять?

— А такъ... съ тобой веселѣй...

— Тоже, нашелъ себѣ весельщика! Странникъ, ты, я вижу, любишь шутки шутить...

— Извѣстно, люблю! — говоритъ прохожій, сило хихикая. — Ахъ ты, милый мой, любезный! Чай, долго теперь будешь вспоминать странника!

— Зачѣмъ мнѣ тебя вспоминать?

— Да такъ, обошелъ я тебя ловко... Нешто я странникъ? Я вовсе не странникъ.

— Кто же ты?

— Покойникъ... Изъ гроба только-что всталъ... Помнишь слесаря Губарева, что на масленой завѣсился? Такъ вотъ я самый и есть Губаревъ...

— Ври больше!

Сторожъ не вѣритъ, но чувствуетъ во всемъ тѣлѣ такой тяжелый и холодный страхъ, что срывается съ мѣста и начинаетъ быстро нащупывать калитку.

— Пстой, куда ты? — говоритъ прохожій, хватая его

за руку. — Э-э-э... ишь ты какой! На кого же ты меня покидаешь?

— Пусти! — кричит сторожъ, стараясь вырвать руку.

— Сто-ой! Велю стоять и стой... Не рвись, песь поганый! Хочешь въ живыхъ быть, такъ стой и молчи, покуда велю... Не хочется только кровь проливать, а то давно бы ты у меня издохъ, паршивый... Стой!

У сторожа подгибаются колѣна. Онъ въ страхѣ закрываетъ глаза и, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижимается къ оградѣ. Онъ хотѣлъ бы закричать, но знаетъ, что его крикъ не долетитъ до жилья... Возлѣ стоитъ прохожій и держитъ его за руку... Минуты три проходитъ въ молчаніи.

— Одинъ въ горячкѣ, другой спитъ, а третій странниковъ провожаетъ, — бормочетъ прохожій. — Хорошіе сторожа, можно жалованье платить! Нѣ-ѣтъ, братъ, воры завсегда проворнѣй сторожовъ были! Стой, стой, не шевелись...

Проходитъ въ молчаніи пять, десять минутъ. Вдругъ вѣтеръ доноситъ свистъ.

— Ну, теперь ступай, — говоритъ прохожій, отпуская руку. — Иди и Бога моли, что живъ остался.

Прохожій тоже свиститъ, отбѣгаетъ отъ калитки, и слышно, какъ онъ прыгаетъ черезъ ровъ. Предчувствуя что-то очень недоброе и все еще дрожа отъ страха, сторожъ нерѣшительно отворяетъ калитку и, закрывъ глаза, бѣжитъ назадъ. У поворота на большую аллею онъ слышитъ чьи-то торопливые шаги, и кто-то спрашиваетъ его шипящимъ голосомъ:

— Это ты, Тимошей? А гдѣ Митька?

А пробѣжавъ всю большую аллею, онъ замѣчаетъ въ потемкахъ маленькій тусклый огонекъ. Чѣмъ ближе къ огоньку, тѣмъ страшнѣе дѣлается и тѣмъ сильнѣе предчувствіе чего-то недобраго.

«Огонь, кажись, въ церкви, — думаетъ онъ. — Откуда ему быть тамъ? Спаси и помилуй, Владычица! Такъ оно и есть!»

Минуту сторожъ стоитъ передъ выбитымъ окномъ и съ ужасомъ глядитъ въ алтарь... Маленькая восковая свѣчка, которую забыли потушить воры, мелькаетъ отъ врывающагося въ окно вѣтра и бросаетъ тускляя, красныя пятна на разбросанныя ризы, поваленный шкапчикъ, на многочисленные слѣды ногъ около престола и жертвенника...

Проходитъ еще немного времени, и воюющій вѣтеръ разноситъ по кладбищу торопливые, неровные звуки набата...

Д О М А.

— Приходили отъ Григорьевыхъ за какой-то книгой, но я сказала, что васъ нѣтъ дома. Почтальонъ принесъ газеты и два письма. Кстати, Евгений Петровичъ, я просила бы васъ обратить ваше вниманіе на Сережу. Сегодня и третьяго дня я замѣтила, что онъ курить. Когда я стала его усовѣщивать, то онъ, по обыкновенію, заткнулъ уши и громко запѣлъ, чтобы заглушить мой голосъ.

Евгений Петровичъ Быковскій, прокуроръ окружнаго суда, только-что вернувшійся изъ засѣданія и снимавшій у себя въ кабинетѣ перчатки, поглядѣлъ на докладывавшую ему гувернантку и засмѣялся.

— Сережа курить... — пожалъ онъ плечами. — Воображаю себѣ этого карапуза съ папирсой! Да ему сколько лѣтъ?

— Семь лѣтъ. Вамъ кажется это не серьезнымъ, но въ его годы куреніе составляетъ вредную и дурную привычку, а дурныя привычки слѣдуетъ искоренять въ самомъ началѣ.

— Совершенно вѣрно. А гдѣ онъ беретъ табакъ?

— У васъ въ столѣ.

— Да? Въ такомъ случаѣ пришлите его ко мнѣ.

По уходѣ гувернантки, Быковскій сѣлъ въ кресло передъ письменнымъ столомъ, закрылъ глаза и сталъ думать. Онъ рисовалъ въ воображеніи своего Сережу почему-то съ громадной, аршинной папирской, въ облакахъ табачнаго дыма, и эта карикатура заставляла его улыбаться; въ то же время серьезное, озабоченное лицо гувернантки вызвало въ немъ воспоминанія о давно прошедшемъ, на половину

забытомъ времени, когда куреніе въ школѣ и въ дѣтской внушало педагогамъ и родителямъ странный, не совсѣмъ понятный ужасъ. То былъ именно ужасъ. Ребятъ безжалостно пороли, исключали изъ гимназіи, коверкали имъ жизни, хотя ни одинъ изъ педагоговъ и отцовъ не зналъ, въ чемъ именно заключается вредъ и преступность куренія. Даже очень умные люди не затруднились воевать съ порокомъ, котораго не понимали. Евгеній Петровичъ вспомнилъ своего директора гимназіи, очень образованнаго и добродушнаго старика, который такъ пугался, когда заставлялъ гимназиста съ папироской, что блѣднѣлъ, немедленно собиралъ экстренный педагогическій совѣтъ и приговаривалъ виновнаго къ исключенію. Ужъ таковъ, вѣроятно, законъ общежитія: чѣмъ непонятнѣе зло, тѣмъ ожесточеннѣе и грубѣе борются съ нимъ.

Вспомнилъ прокуроръ двухъ-трехъ исключенныхъ, ихъ послѣдующую жизнь и не могъ не подумать о томъ, что наказаніе очень часто приноситъ гораздо больше зла, чѣмъ само преступленіе. Живой организмъ обладаетъ способностью быстро приспособляться, привыкать и принимать къ какой угодно атмосферѣ, иначе человекъ долженъ былъ бы каждую минуту чувствовать, какую неразумную подкладку нерѣдко имѣетъ его разумная дѣятельность и какъ еще мало осмысленной правды и увѣренности даже въ такихъ отвѣтственныхъ, страшныхъ по результатамъ дѣятельностяхъ, какъ педагогическая, юридическая, литературная...

И подобныя мысли, легкія и расплывчатыя, какія приходятъ только въ утомленный, отдыхающій мозгъ, стали бродить въ головѣ Евгенія Петровича; являются онѣ неизвѣстно откуда и зачѣмъ, недолго остаются въ головѣ и, кажется, ползаютъ по поверхности мозга, не заходя далеко вглубь. Для людей, обязанныхъ по цѣлымъ часамъ и даже днямъ думать казенно, въ одномъ направленіи, такія вольныя, домашнія мысли составляютъ своего рода комфортъ, пріятное удобство.

Быль девятый часъ вечера. Наверху, за потолкомъ, во второмъ этажѣ кто-то ходилъ изъ угла въ уголъ, а еще выше на третьемъ этажѣ, четыре руки играли гаммы. Шаганье человека, который, судя по нервной походкѣ, о чемъ-то мучительно думалъ, или же страдалъ зубною болью,

и монотонныя гаммы придавали тишинѣ вечера что-то дремотное, располагающее къ лѣнивымъ думамъ. Черезъ двѣ комнаты въ дѣтской разговаривали гувернантка и Сережа.

— Па-па пріѣхалъ! — зашѣлъ мальчикъ. — Папа прі-ѣ-халъ! Па! па! па!

— Votre père vous appelle, allez vite! — крикнула гувернантка, пискнувъ, какъ испуганная птица. — Вамъ говорятъ!

«Что же я ему, однако, скажу?» — подумалъ Евгеній Петровичъ.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ надумать что-либо, въ кабинетъ уже входилъ его сынъ Сережа, мальчикъ семи лѣтъ. Это былъ человекъ, въ которомъ только по одеждѣ и можно было угадать его полъ: тщедушный, бѣлолицый, хрупкій... Онъ былъ вялъ тѣломъ, какъ парниковый овощъ, и все у него казалось необыкновенно иѣжнымъ и мягкимъ: движенія, кудрявые волосы, взглядъ, бархатная куртка.

— Здравствуй, папа! — сказалъ онъ мягкимъ голосомъ, полѣзая къ отцу на колѣни и быстро иѣлуя его въ шею. — Ты меня звалъ?

— Позвольте, позвольте, Сергѣй Евгеньичъ, — отвѣтилъ прокуроръ, отстраняя его отъ себя. — Прежде, чѣмъ цѣловаться, намъ нужно поговорить, и поговорить серьезно... Я на тебя сердитъ и больше тебя не люблю. Такъ и знай, братецъ: я тебя не люблю, и ты мнѣ не сынъ... Да.

Сережа пристально поглядѣлъ на отца, потомъ перевелъ взглядъ на столъ и пожалъ плечами.

— Что же я тебѣ сдѣлалъ? — спросилъ онъ въ недоумѣніи, моргая глазами. — Я сегодня у тебя въ кабинетѣ ни разу не былъ и ничего не трогалъ.

— Сейчасъ Наталья Семеновна жаловалась мнѣ, что ты куришь... Это правда? Ты куришь?

— Да, я разъ курилъ... Это вѣрно!..

— Вотъ видишь, ты еще и лжешь вдобавокъ, — сказалъ прокуроръ, хмурясь и тѣмъ маскируя свою улыбку. — Наталья Семеновна два раза видѣла, какъ ты куришь. Значитъ, ты уличенъ въ трехъ нехорошихъ поступкахъ: куришь, берешь изъ стола чужой табакъ и лжешь. Три вины!

— Ахъ, да-а! — вспомнилъ Сережа, и глаза его улыбнулись. — Это вѣрно, вѣрно! Я два раза курилъ: сегодня и прежде.

— Вотъ видишь, значить не разъ, а два раза... Я очень, очень тобой недоволенъ! Прежде ты былъ хорошимъ мальчикомъ, но теперь, я вижу, испортился и сталъ плохимъ.

Евгеній Петровичъ поправилъ на Сережѣ воротничокъ и подумалъ:

«Что же еще сказать ему?».

— Да, не хорошо,—продолжалъ онъ.— Я отъ тебя не ожидалъ этого. Во-первыхъ, ты не имѣешь права брать табакъ, который тебѣ не принадлежитъ. Каждый человѣкъ имѣетъ право пользоваться только своимъ собственнымъ добромъ, ежели же онъ беретъ чужое, то... онъ нехорошій человѣкъ! (Не то я ему говорю!—подумалъ Евгеній Петровичъ).— Напримѣръ, у Натальи Семеновны есть сундукъ съ платьями. Это ея сундукъ, и мы, то-есть ни я, ни ты, не смѣемъ трогать его, такъ какъ онъ не нашъ. Вѣдь правда? У тебя есть лошадки и картинки... Вѣдь я ихъ не беру? Можетъ-быть, я и хотѣлъ бы ихъ взять, но... вѣдь онѣ не мои, а твои!

— Возьми, если хочешь!—сказалъ Сережа, поднявъ брови.— Ты, пожалуйста, папа, не стѣсняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столѣ, моя, но вѣдь я ничего... Пусть себѣ стоитъ!

— Ты меня не понимаешь,—сказалъ Быковскій.— Собачку ты мнѣ подарилъ, она теперь моя, и я могу дѣлать съ ней все, что хочу; но вѣдь табаку я не дарилъ тебѣ! Табакъ мой! (Не такъ я ему объясняю!—подумалъ прокуроръ.— Не то! Совсѣмъ не то!) Если мнѣ хочется курить чужой табакъ, то я, прежде всего, долженъ попросить позволенія...

Лѣнливо цѣпляя фразу къ фразѣ и поддѣлываясь подъ дѣтскій языкъ, Быковскій сталъ объяснять сыну, что значитъ собственность. Сережа глядѣлъ ему въ грудь и внимательно слушалъ (онъ любилъ по вечерамъ бесѣдовать съ отцомъ), потомъ облокотился о край стола и началъ щурить свои близорукіе глаза на бумагу и чернильницу. Взглядъ его поблуждалъ по столу и остановился на флаконѣ съ гумми-арабикомъ.

— Папа, изъ чего дѣлается клей?—вдругъ спросилъ онъ, поднося флаконъ къ глазамъ.

Быковскій взялъ изъ его рукъ флаконъ, поставилъ на мѣсто и продолжалъ:

— Во-вторыхъ, ты куришь... Это очень не хорошо! Если я курю, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что курить можно. Я курю и знаю, что это не умно, браню и не люблю себя за это... (Хитрый я педагогъ!—подумалъ прокуроръ).—Табакъ сильно вредитъ здоровью, и тотъ, кто куритъ, умираетъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Особенно же вредно курить такимъ маленькимъ, какъ ты. У тебя грудь слабая, ты еще не окрѣпъ, а у слабыхъ людей табачный дымъ производитъ чахотку и другія болѣзни. Вотъ дядя Игнатій умеръ отъ чахотки. Если бы онъ не курилъ, то, быть-можетъ, жилъ бы до-сегодня.

• Сережа задумчиво поглядѣлъ на лампу, потрогалъ пальцемъ абажуръ и вздохнулъ.

— Дядя Игнатій хорошо игралъ на скрипкѣ!—сказалъ онъ.—Его скрипка теперь у Григорьевыхъ!

Сережа опять облокотился о край стола и задумался. На блѣдномъ лицѣ его застыло такое выраженіе, какъ будто онъ прислушивался, или же слѣдилъ за развитіемъ собственныхъ мыслей; печаль и что-то похожее на испугъ показались въ его большихъ, не мигающихъ глазахъ. Вѣроятно, онъ думалъ теперь о смерти, которая такъ недавно взяла къ себѣ его мать и дядю Игнатія. Смерть уноситъ на тотъ свѣтъ матерей и дядей, а ихъ дѣти и скрипки остаются на землѣ. Покойники живутъ на небѣ гдѣ-то около звѣздъ и глядятъ оттуда на землю. Выносятъ ли они разлуку?

«Что я ему скажу?—думалъ Евгеній Петровичъ.—Онъ меня не слушаетъ. Очевидно, онъ не считаетъ важными ни своихъ проступковъ, ни моихъ доводовъ. Какъ втолковать ему?»

Прокуроръ поднялся и заходилъ по кабинету.

«Прежде, въ мое время, эти вопросы рѣшались замѣчательно просто,—размышлялъ онъ.—Всякаго мальчугу, уличеннаго въ куреніи, сбѣкли. Малодушные и трусы, дѣйствительно, бросали курить, кто же похрабрѣе и умнѣе, тотъ послѣ порки начиналъ табакъ носить въ голенищѣ, а курить въ сараѣ. Когда его ловили въ сараѣ и опять поролы, онъ уходилъ курить на рѣку... и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока малый не вырасталъ. Моя мать, чтобы я не курилъ, задаривала меня деньгами и конфектами. Теперь же эти средства представляются ничтожными и безнравственными.

Становясь на почву логики, современный педагог старается, чтобы ребенок воспринимал добрые начала не из страха, не из желанія отличиться или получить награду, а сознательно».

Пока онъ ходилъ и думалъ, Сережа взобрался съ ногами на стулъ сбоку стола и началъ рисовать. Чтобы онъ не пачкалъ дѣловыхъ бумагъ и не трогалъ чернилъ, на столѣ лежала пачка четвертухъ, нарѣзанныхъ нарочно для него, и синій карандашъ.

— Сегодня кухарка шинковала капусту и обрѣзала себѣ палець,—сказалъ онъ, рисуя домикъ и двигая бровями.— Она такъ крикнула, что мы всѣ перепугались и побѣжали въ кухню. Такая глупая! Наталья Семеновна велитъ ей мочить палець въ холодную воду, а она его сосетъ... И какъ она можетъ грязный палець брать въ ротъ! Папа, вѣдь это неприлично!

Дальше онъ разсказалъ, что во время обѣда во дворъ заходилъ шарманщикъ съ дѣвочкой, которая пѣла и плясала подъ музыку.

«У него свое теченіе мыслей! — думалъ прокуроръ.— У него въ головѣ свой мірокъ, и онъ по-своему знаетъ, что важно и не важно. Чтобы овладѣть его вниманіемъ и сознаниемъ, недостаточно подтасовываться подъ его языкъ, но нужно также умѣть и мыслить на его манеръ. Онъ отлично бы понялъ меня, если бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ было жаль табаку, если бы я обидѣлся, заплакалъ... Потому-то матери незамѣнимы при воспитаніи, что онѣ умѣютъ заодно съ ребятами чувствовать, плакать, хохотать... Логикой же и моралью ничего не подѣлаешь. Ну, что я ему еще скажу? Что?»

И Евгению Петровичу казалось страннымъ и смѣшнымъ, что онъ, опытный правовѣдъ, полжизни упражнявшійся во всякаго рода пресѣченіяхъ, предупрежденіяхъ и наказаніяхъ, рѣшительно терялся и не зналъ, что сказать мальчику.

— Послушай, дай мнѣ честное слово, что ты больше не будешь курить,—сказалъ онъ.

— Че-естное слово!—запѣлъ Сережа, сильно надавливая карандашъ и нагибаясь къ рисунку.— Че-естное сло-во! Во! во!

«А знаетъ ли онъ, что значитъ честное слово? — спросилъ себя Быковскій.— Нѣтъ, плохой я наставникъ! Если бы

кто-нибудь из педагоговъ, или изъ нашихъ судебныхъ заглянулъ сейчасъ ко мнѣ въ голову, то назвалъ бы меня тряпкой и, пожалуй, заподозрилъ бы въ излишнемъ мудрованіи... Но вѣдь въ школѣ и въ судѣ всѣ эти канальскіе вопросы рѣшаются гораздо проще, чѣмъ дома: тутъ имѣешь дѣло съ людьми, которыхъ безъ ума любишь, а любовь требовательна и осложняетъ вопросъ. Если бы этотъ мальчишка былъ не сыномъ, а моимъ ученикомъ, или подсудимымъ, я не трусилъ бы такъ, и мои мысли не разбѣгались бы!..»

Евгеній Петровичъ сѣлъ за столъ и потянулъ къ себѣ одинъ изъ рисунковъ Сережи. На этомъ рисункѣ былъ изображенъ домъ съ кривой крышей и съ дымомъ, который, какъ молнія, зигзагами шелъ изъ трубъ до самаго края четвертухи; возлѣ дома стоялъ солдатъ съ точками вмѣсто глазъ и со штыкомъ, похожимъ на цифру 4.

— Человѣкъ не можетъ быть выше дома,—сказалъ прокуроръ. — Погляди: у тебя крыша приходится по плечо солдату.

Сережа полѣзъ на его колѣни и долго двигался, чтобы усѣсться поудобнѣй.

— Нѣтъ, папа!—сказалъ онъ, посмотрѣвъ на свой рисунокъ.—Если ты нарисуешь солдата маленькимъ, то у него не будетъ видно глазъ.

Нужно ли было оспаривать его? Изъ ежедневныхъ наблюдений надъ сыномъ прокуроръ убѣдился, что у дѣтей, какъ у дикарей, свои художественныя воззрѣнія и требованія своеобразныя, недоступныя пониманію взрослыхъ. При внимательномъ наблюденіи взрослому Сережа могъ показаться ненормальнымъ. Онъ находилъ возможнымъ и разумнымъ рисовать людей выше домовъ, передавать карандашомъ, кромѣ предметовъ, и свои ощущенія. Такъ, звуки оркестра онъ изображалъ въ видѣ сферическиххъ, дымчатыхъ пятенъ, свистъ — въ видѣ спиральной нити... Въ его понятіи звукъ тѣсно соприкасался съ формой и цвѣтомъ, такъ что, раскрашивая буквы, онъ всякій разъ неизмѣнно звукъ Л красилъ въ желтый цвѣтъ, М—въ красный, А—въ черный и т. д.

Бросивъ рисунокъ, Сережа еще разъ подвигался, принявъ удобную позу и занялся отцовской бородой. Сначала

онъ старательно разгладилъ ее, потомъ раздвоилъ и сталь зачесывать ее въ видѣ бакеновъ.

— Теперь ты похожъ на Ивана Степановича,—бормоталъ онъ: — а вотъ сейчасъ будешь похожъ... на нашего швейцара. Папа, зачѣмъ это швейцары стоятъ около дверей? Чтобъ воровъ не пускать?

Прокуроръ чувствовалъ на лицѣ его дыханіе, то и дѣло касался щекой его волосъ, и на душѣ у него становилось тепло и мягко, такъ мягко, какъ будто не однѣ руки, а вся душа его лежала на бархатѣ Сережиной куртки. Онъ заглядывалъ въ большіе темные глаза мальчика, и ему казалось, что изъ широкихъ зрачковъ глядѣли на него и мать, и жена, и все, что онъ любилъ когда-либо.

«Вотъ тутъ и пори его... — думалъ онъ. — Вотъ тутъ и изволь измышлять наказанія! Нѣтъ, куда ужъ намъ въ воспитатели лѣзть. Прежде люди просты были, меньше думали, потому и вопросы рѣшали храбро. А мы думаемъ слишкомъ много, логика насъ загла... Чѣмъ развитѣе чело-вѣкъ, чѣмъ больше онъ размышляетъ и вдается въ тонкости, тѣмъ онъ нерѣшительнѣе, мнительнѣе и тѣмъ съ большею робостью приступаетъ къ дѣлу. Въ самомъ дѣлѣ, если поглубже вдуматься, сколько надо имѣть храбрости и вѣры въ себя, чтобы браться учить, судить, сочинять толстую книгу...»

Пробило десять часовъ.

— Ну, мальчикъ, спать пора, — сказалъ прокуроръ. — Прощайся и иди.

— Нѣтъ, папа, — поморщился Сережа: — я еще посижу. Расскажи мнѣ что-нибудь! Расскажи сказку.

— Изволь, только послѣ сказки—сейчасъ же спать.

Въ свободные вечера Евгенийъ Петровичъ имѣлъ обыкновеніе рассказывать Сережѣ сказки. Какъ и большинство дѣловыхъ людей, онъ не зналъ наизусть ни одного стихотворенія и не помнилъ ни одной сказки, такъ что всякій разъ ему приходилось импровизировать. Обыкновенно онъ начиналъ съ шаблона. «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ», далѣе громоздилъ всякій невинный вздоръ и, рассказывая начало, совсѣмъ не зналъ, каковы будутъ середина и конецъ. Картины, лица и положенія брались наудачу, экспромтомъ, а фабула и мораль вытекали какъ-то сами собой, помимо воли рассказчика. Сережа очень

любилъ такіа импровизаціи, и прокуроръ замѣчалъ, что чѣмъ скромнѣе и незатѣйливѣе выходила фабула, тѣмъ сильнѣе она дѣйствовала на мальчика.

— Слушай,—началъ онъ, поднимая глаза къ потолку.— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ себѣ старый, престарѣлый царь съ длинной, сѣдой бородой и... и съ этакими усищами. Ну-съ, жилъ онъ въ стеклянномъ дворцѣ, который сверкалъ и сіялъ на солнцѣ, какъ большой кусокъ чистаго льда. Дворецъ же, братецъ ты мой, стоялъ въ громадномъ саду, гдѣ, знаешь, росли апельсины... бергамоты, черешни... цвѣли тюльпаны, розы, ландыши, пѣли разноцвѣтныя птицы... Да... На деревьяхъ висѣли стеклянные колокольчики, которые, когда дулъ вѣтеръ, звучали такъ нѣжно, что можно было заслушаться. Стекло даетъ болѣе мягкій и нѣжный звукъ, чѣмъ металлъ... Ну-съ, что же еще? Въ саду били фонтаны... Помнишь, ты видѣлъ на дачѣ у тети Сони фонтанъ? Вотъ точно такіе же фонтаны стояли въ царскомъ саду, но только въ гораздо большихъ размѣрахъ и струя воды достигала верхушки самага высокаго тополя.

Евгеній Петровичъ подумалъ и продолжалъ:

— У стараго царя былъ единственный сынъ и наследникъ царства—мальчикъ, такой же маленькій, какъ ты. Это былъ хорошій мальчикъ. Онъ никогда не капризничалъ, рано ложился спать, ничего не трогалъ на столѣ и... и вообще былъ умница. Одинъ только былъ у него недостатокъ—онъ курилъ...

Сережа напряженно слушалъ и, не мигая, глядѣлъ отцу въ глаза. Прокуроръ продолжалъ и думалъ: «Что же дальше?» Онъ долго, какъ говорится, размазывалъ да жевалъ, и кончилъ такъ:

— Отъ куренія царевичъ заболѣлъ чахоткой и умеръ, когда ему было 20 лѣтъ. Дряхлый и болѣзненный старикъ остался безъ всякой помощи. Некому было управлять государствомъ и защищать дворецъ. Пришли непріатели, убили старика, разрушили дворецъ и ужъ въ саду теперь нѣтъ ни черешень, ни птицъ, ни колокольчиковъ... Такъ-то, братецъ...

Такой конецъ самому Евгению Петровичу казался смѣшнымъ и наивнымъ, но на Сережу вся сказка произвела сильное впечатлѣніе. Опять его глаза подернулись печалью

и чѣмъ-то похожимъ на испугъ; минуту онъ глядѣлъ задумчиво на темное окно, вздрогнулъ и сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Не буду я больше курить...

Когда онъ простился и ушелъ спать, его отецъ тихо ходилъ изъ угла въ уголь и улыбался.

«Скажутъ, что тутъ подѣйствовала красота, художественная форма,—размышлялъ онъ:—пусть такъ, но это не утѣшительно. Все-таки это не настоящее средство... Почему мораль и истина должны подноситься не въ сыромъ видѣ, а съ примѣсями, непременно въ обсахаренномъ и позолоченномъ видѣ, какъ пилюли? Это не нормально... Фальсификація, обманъ... фокусы...»

Вспомнилъ онъ присяжныхъ засѣдателей, которымъ непременно нужно говорить «рѣчь», публику, усваивающую исторію только по былинамъ и историческимъ романамъ, себя самого, почерпавшаго житейскій смыслъ не изъ проповѣдей и законовъ, а изъ басенъ, романовъ, стиховъ...

«Лѣкарство должно быть сладкое, истина красивая... И эту блажь напустилъ на себя человекъ со временъ Адама... Впрочемъ... быть-можетъ, все это естественно, и такъ и быть должно... Мало ли въ природѣ цѣлесообразныхъ обмановъ, иллюзій...»

Онъ принялся работать, а лѣнныя, домашнія мысли долго еще бродили въ его головѣ. За потолокомъ не слышались уже гаммы, но обитатель второго этажа все еще шагаль изъ угла въ уголь...

ВѢДЬМА.

Время шло къ ночи. Дьячокъ Савелій Гыкинъ лежалъ у себя въ церковной сторожкѣ на громадной постели и не спалъ, хотя всегда имѣлъ обыкновеніе засыпать въ одно время съ курами. Изъ одного края засаленнаго, сшитаго изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутьевъ одѣяла глядѣли его рыжіе, жесткіе волосы, изъ-подъ другого торчали большія, давно не мытыя ноги. Онъ слушалъ... Его сторожка врѣзывалась въ ограду, и единственное окно ея выходило въ поле. А въ полѣ была сущая война. Трудно было понять, кто кого сживалъ со свѣта и ради чьей погибели заварилась въ природѣ каша, но судя по неумолкаемому, злобному гулу, кому-то приходилось очень круто. Какая-то побѣдительная сила гонялась за кѣмъ-то по полю, бушевала въ лѣсу и на церковной крышѣ, злобно стучала кулаками по окну, метала и рвала, а что-то побѣжденное выло и плакало... Жалобный плачь слышался то за окномъ, то надъ крышей, то въ печкѣ. Въ немъ звучалъ не призывъ на помощь, а тоска, сознание, что уже поздно, нѣтъ спасенія. Снѣжные сугробы подернулись тонкой льдяной корой; на нихъ и на деревьяхъ дрожали слезы, по дорогамъ и тропинкамъ разливалась темная жижица изъ грязи и таявшаго снѣга. Однимъ словомъ, на землѣ была оттепель, но небо, сквозь темную ночь, не видѣло этого и что есть силы сыпало на таящую землю хлопья новаго снѣга. А вѣтеръ

гулять, какъ пьяный... Онъ не давалъ этому снѣгу ложиться на землю и кружилъ его въ потемкахъ, какъ хотѣлъ.

Гыкинъ прислушивался къ этой музыкѣ и хмурился. Дѣло въ томъ, что онъ зналъ, или, по крайней мѣрѣ, догадывался, къ чему клонилась вся эта возня за окномъ и чихъ рукъ было это дѣло.

— Я зна-аю!—бормоталъ онъ, грозя кому-то подь одѣяломъ пальцемъ.—Я все знаю!

У окна, на табуретѣ сидѣла дьячиха Ранса Нилевна. Жестяная лампочка, стоявшая на другомъ табуретѣ, словно робѣя и не вѣря въ свои силы, лила жиденькій, мелькающій свѣтъ на ея широкія плечи, красивые, аппетитные рельефы тѣла, на толстую косу, которая касалась земли. Дьячиха шила изъ грубаго рядна мѣшки. Руки ея быстро двигались, все же тѣло, выраженіе глазъ, брови, жирныя губы, бѣлая шея замерли, погруженныя въ однообразную, механическую работу, и, казалось, спали. Изрѣдка только она поднимала голову, чтобы дать отдохнуть своей утомившейся шеѣ, взглядывала мелькомъ на окно, за которымъ бушевала метель, и опять сгибалась надъ рядномъ. Ни желаній, ни грусти, ни радости—ничего не выражало ея красивое лицо съ вздернутымъ носомъ и ямками на щекахъ. Такъ ничего не выражаетъ красивый фонтанъ, когда онъ не бьетъ.

Но вотъ она кончила одинъ мѣшокъ, бросила его въ сторону и, сладко потянувшись, остановила свой тусклый, неподвижный взглядъ на окнѣ... На стеклахъ плавали слезы и бѣжали недолговѣчныя снѣжинки. Снѣжинка упадетъ на стекло, взглянетъ на дьячиху и растаетъ...

— Поди ложись!—проворчалъ дьячокъ.

Дьячиха молчала. Но вдругъ рѣсницы ея шевельнулись и въ глазахъ блеснуло вниманіе. Савелій, все время наблюдавшій изъ-подъ одѣяла выраженіе ея лица, высунулъ голову и спросилъ:

— Что?

— Ничего... Кажись, кто-то ѣдетъ... — тихо отвѣтила дьячиха.

Дьячокъ соросилъ съ себя руками и ногами одѣяло, сталъ въ постели на колѣни и тупо поглядѣлъ на жену. Робкій свѣтъ лампочки освѣтилъ его волосатое, рябое лицо и скользнулъ по включенной, жесткой головѣ.

— Слышишь?—спросила жена.

Сквозь однообразный вой метели разслышалъ онъ едва уловимый слухомъ, тонкій, звенящій стонъ, похожій на зудѣнье комара, когда онъ хочетъ сѣсть на щеку и сердится, что ему мѣшаютъ.

— Это почта...—проворчалъ Савелій, садясь на пятки.

Въ трехъ верстахъ отъ церкви лежалъ почтовый трактъ. Во время вѣтра, когда дуло съ большой дороги на церковь, обитателямъ сторожки слышались звонки.

— Господи, приходитъ же охота ѣздить въ такую погоду!—вздыхнула дьячиха.

— Дѣло казенное. Хочешь—не хочешь, побѣзжай...

Стонъ подержался въ воздухѣ и замеръ.

— Проѣхала!—сказалъ Савелій, ложась.

Но не успѣлъ онъ укрыться одѣяломъ, какъ до его слуха донесся явственный звукъ колокольчика. Дьячокъ тревожно взглянулъ на жену, спрыгнулъ съ постели и, переваливаясь съ боку на бокъ, заходилъ вдоль печки. Колокольчикъ прозвучалъ немного и опять замеръ, словно оборвался.

— Не слышать...—пробормоталъ дьячокъ, останавливаясь и щури на жену глаза.

Но въ это самое время вѣтеръ стукнулъ по окну и донесъ тонкій, звенящій стонъ... Савелій поблѣднѣлъ, крикнулъ и опять зашлепалъ по полу босыми ногами.

— Почту кружить!—прохрипѣлъ онъ, злобно косясь на жену.—Слышишь ты? Почту кружить!.. Я... я знаю! Нешто я не... не понимаю?—забормоталъ онъ.—Я все знаю, чтобъ ты пропала!

— Что ты знаешь?—тихо спросила дьячиха, не отрывая глазъ отъ окна.

— А то знаю, что все это твой дѣла, чертиха! Твой дѣла, чтобъ ты пропала! И метель это, и почту кружить... все это ты надѣлала! Ты!

— Бѣсишься, глупый...—покойно замѣтила дьячиха.

— Я за тобой давно ужъ это замѣчаю! Какъ пожелнися, въ первый же день примѣтилъ, что въ тебѣ сучья крови!

— Тѣфу! — удивилась Раиса, пожимая плечами и крестясь.—Да ты перекрестись, дурень!

— Вѣдьма и есть вѣдьма,—продолжалъ Савелій глухимъ,

плачущимъ голосомъ, торопливо сморкаясь въ подолъ рубахи.—Хоть ты и жена мнѣ, хоть и духовнаго званія, но я о тебѣ и на духу такъ скажу, какая ты есть... Да какъ же? Заступи, Господи, и помилуй! Въ прошломъ годѣ подѣ пророка Даніила и трехъ отроковъ была метель и—что же? мастеръ грѣться заѣхалъ. Потомъ на Алексѣя—Божьяго челоуѣка рѣку взломало, и урядника принесло... Всю ночь тутъ съ тобой, проклятый, калякалъ, а какъ на утро вышелъ, да какъ взглянулъ я на него, такъ у него подѣ глазами круги и всѣ щеки втянулъ! А? Въ Спасовку два раза гроза была, и въ оба разы охо никъ ночевать приходилъ. Я все видѣлъ, чтобъ ему пропасть! Все! О, краснѣй рака стала! Ага!

— Ничего ты не видѣлъ...

— Ну, да! А этой зимой передѣ Рождествомъ на десять мучениковъ въ Критѣ, когда метель день и ночь стояла... помнишь?—писарь предводителя сбился съ дороги и сюда, собака, попалъ... И на что польстилась! Тьфу, на писаря! Стоплю изъ-за него Божью погоду мутить! Чертяка, сморкунъ, изъ земли не видно, вся морда въ угряхъ и шея кривая... Добро бы, красивый былъ, а то—тьфу!—сатана!

Дьячокъ перевелъ духъ, утеръ губы и прислушался. Колокольчика не было слышно, но рванулъ надѣ крышей вѣтеръ, и въ потемкахъ за окномъ опять зазвякало.

— И теперъ тоже!—продолжалъ Савелій.—Недаромъ это почту кружить! Наплюй мнѣ въ глаза, ежели почта не тебя ищеть! О, бѣсъ знаетъ свое дѣло, хорошій помощникъ! Покружить, покружить и сюда доведеть. Зна-аю! Ви-ижу! Не скроешь, бѣсова балаболка, похоть идольская! Какъ метель началась, я сразу понялъ твои мысли.

— Вотъ дурень!—усмѣхнулась дьячиха.—Что жъ, по твоему, по дурацкому уму, я ненастье дѣлаю?

— Гм... Усмѣхайся! Ты, или не ты, а только я замѣчаю: какъ въ тебѣ кровь начинаетъ играть, такъ и непогода, а какъ только непогода, такъ и несетъ сюда какого ни на есть безумца. Каждый разъ такъ приходится! Стало-быть, ты!

Дьячокъ для большей убѣдительности приложилъ палецъ ко лбу, закрылъ лѣвый глазъ и проговорилъ пѣвучимъ голосомъ:

— О, безуміе! О, іудино окаянство! Коли ты въ самомъ дѣлѣ человѣкъ есть, а не вѣдьма, то подумала бы въ головѣ своей: а что, если то были не мастеръ, не охотникъ, не писарь, а бѣсъ въ ихъ образѣ! А? Ты бы подумала!

— Да и глупый же ты, Савелій! — вздохнула дьячиха, съ жалостью глядя на мужа. — Когда паленька живы были и тутъ жили, то много разнаго народа ходило къ нимъ отъ трясуцки лѣчиться: и изъ деревни, и изъ выселковъ, и изъ армянскихъ хуторовъ. Почитай, каждый день ходили, и никто ихъ бѣсами не обзывалъ. А къ намъ ежели кто разъ въ годъ въ ненастье заѣдетъ погрѣться, такъ ужъ тебѣ, глупому, и диво, сейчасъ у тебя и мысли разныя.

Логика жены тронула Савелія. Онъ разставилъ босыя ноги, нагнулъ голову и задумался. Онъ не былъ еще крѣпко убѣжденъ въ своихъ догадкахъ, а искренній, равнодушный тонъ дьячихи совсѣмъ сбиль его съ толку, но тѣмъ не менѣе, подумавъ немного, онъ мотнулъ головой и сказалъ:

— Не то, чтобы старики, или косолапыя какіе, а все молодые ночевать просятся... Почему такое? И пушай бы только грѣлись, а то вѣдь чорта тѣшатъ. Нѣтъ, баба, хитрѣй вашего бабьяго рода на этомъ свѣтѣ и твари нѣтъ! Настоящаго ума въ васъ — ни Боже мой, меньше, чѣмъ у скворца, за то хитрости бѣсовской — у-у-у! — спаси, Царица Небесная! Вонъ, звонитъ почта! Метель еще только началась, а ужъ я всѣ твои мысли зналъ! Навѣдьмачила, паучиха!

— Да что ты присталъ ко мнѣ, окаянный? — вышла изъ герпѣнія дьячиха. — Что ты присталъ ко мнѣ, смола?

— А то присталъ, что ежели нынче ночью, не дай Богъ, случится что... ты слушай!.. ежели случится что, то завтра же чуть-свѣтъ пойду въ Дьяково къ отцу Никодиму и все объясню. Такъ и такъ, скажу, отецъ Никодимъ, извините великодушно, но она вѣдьма. Почему? Гм... желаете знать почему? Извольте... Такъ и такъ. И горе тебѣ, баба! Не токмо на страшномъ судилищѣ, но и въ земной жизни наказана будешь! Недаромъ насчетъ вашего брата въ требникѣ молитвы написаны!

Вдругъ въ окнѣ раздался стукъ, такой громкій и необычайный, что Савелій поблѣднѣлъ и присѣлъ отъ испуга. Дьячиха вскочила и тоже поблѣднѣла.

— Ради Бога, пустите погрѣться! — послышался дрожащій, густой басъ. — Кто тутъ есть? Сдѣлайте милость! Съ дороги сбились!

— А кто вы? — спросила дьячиха, боясь взглянуть на окно.

— Почта! — отвѣтилъ другой голосъ.

— Недаромъ дьяволила! — махнулъ рукой Савелій. — Такъ и есть! Моя правда... Ну, гляди же ты мнѣ!

Дьячокъ подпрыгнулъ два раза передъ постелью, повалился на перину и, сердито сопя, повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Скоро въ его спину пахнуло холодомъ. Дверь скрипнула, и на порогѣ показалась высокая человѣческая фигура, съ головы до ногъ облѣпленная снѣгомъ. За нею мелькнула другая, такая же бѣлая...

— И тюки вносить? — спросила вторая хриплымъ басомъ.

— Не тамъ же ихъ оставлять!

Сказавши это, первый началъ развязывать себѣ башлыкъ и, не дожидаясь, когда онъ развяжется, сорвалъ его съ головы вмѣстѣ съ фуражкой и со злобой швырнулъ къ печкѣ. Затѣмъ, стащивъ съ себя пальто, онъ бросилъ его туда же и, не здороваясь, зашагалъ по сторожкѣ.

Это былъ молодой, бѣлокурый почтальонъ въ истасканномъ, форменномъ сюртучишкѣ и въ рыжихъ грязныхъ сапогахъ. Согрѣвши себя ходьбой, онъ сѣлъ за столъ, протянулъ грязныя ноги къ мѣшкамъ и подперъ кулакомъ голову. Его блѣдное, съ красными пятнами лицо носило еще слѣды только-что пережитыхъ боли и страха. Искривленное злобой, со свѣжими слѣдами недавнихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, съ тающимъ снѣгомъ на бровяхъ, усахъ и круглой бородкѣ, оно было красиво.

— Собачья жизнь! — проворчалъ почтальонъ, вода глазами по стѣнамъ и словно не вѣря, что онъ въ теплѣ. — Чуть не пропали! Коли бъ не вашъ огонь, такъ не знаю, что бы и было... И чума его знаетъ, когда все это кончится! Конца краю нѣтъ этой собачьей жизни! Куда мы заѣхали? — спросилъ онъ, понизивъ голосъ и вскидывая глазами на дьячиху.

— На Гуляевскій бугоръ, въ имѣніе генерала Калиновскаго, — отвѣтила дьячиха, встрепенувшись и краснѣя.

— Слышь, Степанъ?— повернулся почтальонъ къ ямщику, застрявшему въ дверяхъ съ большимъ кожанымъ тюкомъ на спинѣ. — Мы на Гуляевскій бугоръ попали!

— Да... далече!

Произнеся это слово въ формѣ хриплаго, прерывистаго вздоха, ямщикъ вышелъ и, немного погодя, внесъ другой тюкъ поменьше, затѣмъ еще разъ вышелъ и на этотъ разъ внесъ почтальонную саблю на широкомъ ремнѣ, похожую фасомъ на тотъ длинный плоскій мечъ, съ какимъ рисуется на лубочныхъ картинкахъ Юдиѣ у ложа Олоферна. Сложивъ тюки вдоль стѣны, онъ вышелъ въ стѣны, сѣлъ тамъ и закурилъ трубку.

— Можетъ, съ дороги чаю покушаете? — спросила дьячиха.

— Куда тутъ чай распивать!— нахмурился почтальонъ.— Надо вотъ скорѣе грѣться да ѣхать, а то къ почтовому поѣзду опоздаемъ. Минуть десять посидимъ и поѣдемъ. Только вы, сдѣлайте милость, дорогу намъ покажите...

— Наказалъ Богъ погодой! — вздохнула дьячиха.

— М-да... Вы же сами кто тутъ будете?

— Мы? Тутешніе, при церкви... Мы изъ духовнаго званія... Вонъ, мой мужъ лежитъ! Савелій, встань же, иди поздоровайся! Тутъ прежде приходъ былъ, а года полтора назадъ его упразднили. Оно, конечно, когда господа тутъ жили, то и люди были, стоило приходъ держать, а теперь безъ господъ, сами судите, чѣмъ духовенству жить, ежели самая близкая деревня здѣсь Марковка, да и та за пять верстъ! Теперь Савелій заштатный и... замѣсто сторожа. Ему споручено за церковью глядѣть...

И почтальонъ тутъ же узналъ, что если бы Савелій поѣхалъ къ генеральшѣ и выпросилъ у нея записку къ пресвященному, то ему дали бы хорошее мѣсто; не идетъ же онъ къ генеральшѣ потому, что лѣнивъ и боится людей.

— Все-таки мы духовнаго званія... — добавила дьячиха.

— Чѣмъ же вы живете? — спросилъ почтальонъ.

— При церкви есть сѣнокосъ и огороды. Только прѣмъ отъ этого мало приходится... — вздохнула дьячиха.— Дядькинскій отецъ Николдмъ, завидующіе глаза, служить тутъ

на Николу лѣтняго, да на Николу зимняго и за это почти все себѣ беретъ. Заступиться некому!

— Врешь! — прохрипѣлъ Савелій. — Отецъ Никодимъ святая душа, свѣтильникъ церкви, а ежели беретъ, то по уставу!

— Какой онъ у тебя сердитый! — усмѣхнулся почтальонъ. — А давно ты замужемъ?

— Съ прощенного воскресенья четвертый годъ пошелъ. Тутъ прежде въ дьячкахъ мой папенька были, а потомъ, какъ пришло имъ время помирать, они, чтобъ мѣсто за мной осталось, поѣхали въ консисторію и попросили, чтобъ мнѣ какого-нибудь неженатаго дьячка въ женихи прислали. Я и вышла.

— Ага, стало-быть, ты одной хлопущкой двухъ мухъ убилъ! — сказалъ почтальонъ, глядя на спину Савелія. — И мѣсто получилъ, и жену взялъ.

Савелій нетерпѣливо дрыгнулъ ногой и ближе придвинулся къ стѣнкѣ. Почтальонъ вышелъ изъ-за стола, потянулся и сѣлъ на почтовый тюкъ. Немного подумавъ, онъ помялъ руками тюки, переложилъ саблю на другое мѣсто и растянулся, свѣсивъ на полъ одну ногу.

— Собачья жизнь... — пробормоталъ онъ, кладя руки подъ голову и закрывая глаза. — И лихому татарину такой жизни не пожелаю.

Скоро наступила тишина. Слышно было только, какъ согнѣлъ Савелій, да какъ уснувшій почтальонъ, мѣрно и медленно дыша, при всякомъ выдыханіи испускалъ густое, протяжное «к-х-х-х...» Изрѣдка въ его горлѣ поскрипывало какое-то колесико, да шуршала по тюку вздрагивавшая нога.

Савелій заворочался подъ одѣяломъ и медленно оглянулся. Дьячиха сидѣла на табуретѣ и, сдвинувъ щеки ладонями, глядѣла въ лицо почтальона. Взглядъ ея былъ неподвижный, какъ у удивленнаго, испуганнаго человѣка.

— Ну, чего воззрилась? — сердито прошепталъ Савелій.

— А тебѣ что? Лежи! — отвѣтила дьячиха, не отрывая глазъ отъ бѣлокурой головы.

Савелій сердито выдохнулъ изъ груди весь воздухъ и рѣзко повернулся къ стѣнкѣ. Минуты черезъ три онъ опять безпокойно заворочался, сталъ въ постели на колѣни и, упершись руками о подушку, покосился на жену. Та все

еще не двигалась и глядѣла на гостя. Щеки ея поблѣднѣли, и взглядъ загорѣлся какимъ-то страннымъ огнемъ. Дьячокъ крикнулъ, сползъ на животъ съ постели и, подойдя къ почтальону, прикрылъ его лицо платкомъ.

— Зачѣмъ ты это? — спросила дьячиха.

— Чтобъ огонь ему въ глаза не билъ.

— А ты огонь совсѣмъ потуши!

Савелій недоувѣрчиво поглядѣлъ на жену, потянулся губами къ лампочкѣ, но тотчасъ же спохватился и всплеснулъ руками.

— Ну, не хитрость ли бѣсовская? — воскликнулъ онъ. — А? Ну, есть ли какая тварь хитрѣ бабьяго роду?

— А, сатана длиннополая! — прошипѣла дьячиха, поморщившись отъ досады. — погоди же!

И поудобнѣе усѣвшись, она опять уставилась на почтальона.

Ничего, что лицо было закрыто. Ее не столько занимало лицо, какъ общій видъ, новизна этого человѣка. Грудь у него была широкая, могучая, руки красивыя, тонкія, а мускулистыя, стройныя ноги были гораздо красивѣе и мужественнѣе, чѣмъ двѣ «кулдышки» Савелія. Даже сравнить было невозможно.

— Хоть я и длиннополый нечистый духъ, — проговорилъ, немного постоявъ, Савелій: — а тутъ имъ нечего спать... Да... Дѣло у нихъ казенное, мы же отвѣчать будемъ, зачѣмъ ихъ тутъ держали. Коли везешь почту, такъ вези, а спать нечего... Эй, ты! — крикнулъ Савелій въ сѣни. — Ты ямщикъ... какъ тебя? Проводить васъ, что ли? Вставай, нечего съ почтой спать!

И расходившійся Савелій подскочилъ къ почтальону и дернулъ его за рукавъ.

— Эй, ваше благородіе! Ъхать, такъ ѣхать, а коли не ѣхать, такъ и не тово... Спать не годится.

Почтальонъ вскочилъ, сѣлъ, обвелъ мутнымъ взглядомъ сторожку и опять легъ.

— А ѣхать же когда? — забарабанилъ языкомъ Савелій, дергая его за рукавъ. — На то вѣдь она и почта, чтобъ во благовременіи послѣвать, слымишь? Я провожу.

Почтальонъ открылъ глаза. Согрѣтый и изнеможенный сладкимъ первымъ сномъ, еще не совсѣмъ проснувшійся,

онъ увидѣлъ, какъ въ туманѣ, бѣлую шею и неподвижный, масляный взглядъ дьячихи, закрылъ глаза и улыбнулся, точно ему все это снилось.

— Ну, куда въ такую погоду ѣхать! — услышалъ онъ мягкій женскій голосъ. — Спали бы себѣ да спали на доброе здоровье!

— А почта? — встревожился Савелій. — Кто же почту-то повезетъ? Нешто ты повезешь? Ты?

Почтальонъ снова открылъ глаза, взглянулъ на двигающіяся ямки на лицѣ дьячихи, вспомнилъ, гдѣ онъ, понялъ Савелія. Мысль, что ему предстоитъ ѣхать въ холодныхъ потемкахъ, побѣжала изъ головы по всему тѣлу холодными мурашками, и онъ поежился.

— Пять минутокъ еще бы можно поспать... — зѣвнулъ онъ. — Все равно опоздали...

— А можетъ, какъ разъ во-время приѣдемъ! — послышался голосъ изъ сѣней. — Гляди, неровень часъ и самъ поѣздъ на наше счастье опоздаетъ.

Почтальонъ поднялся и, сладко потягиваясь, сталъ надѣвать пальто.

Савелій, видя, что гости собираются уѣзжать, даже заржалъ отъ удовольствія.

— Помогите, что ль! — крикнулъ ему ямщикъ, поднимая съ пола тюкъ.

Дьячокъ подскочилъ къ нему и вмѣстѣ съ нимъ потащилъ на дворъ почтовую клажу. Почтальонъ сталъ распутывать узелъ на башлыкѣ. А дьячиха заглядывала ему въ глаза и словно собиралась залѣзть ему въ душу.

— Чаю бы попили... — сказала она.

— Я бы ничего... да вотъ они собрались! — соглашался онъ. — Все равно опоздали.

— А вы останьтесь! — шепнула она, опустивъ глаза и трогая его за рукавъ.

Почтальонъ развязалъ, наконецъ, узелъ и въ нерѣшимости перекинулъ башлыкъ черезъ локоть. Ему было тепло стоять около дьячихи.

— Какая у тебя... шея...

И онъ коснулся двумя пальцами ея шеи. Видя, что ему не сопротивляются, онъ погладилъ рукой шею, плечо...

— Фу, какая...

— Остались бы... чаю попили бы.

— Куда кладешь? Ты, кутья съ патокой! — слышался со двора голос ямщика. — Поперекъ клади.

— Остались бы... Ишь, какъ воетъ погода!

И не совсѣмъ еще проснувшимся, не успѣвшимъ стряхнуть съ себя обаяніе молодого томительнаго сна почтальономъ вдругъ овладѣло желаніе, ради котораго забываются тюки, почтовые поѣзда... все на свѣтѣ. Испуганно, словно желая бѣжать, или спрятаться, онъ взглянулъ на дверь, схватилъ за талию дьячиху и ужъ нагнулся надъ лампочкой, чтобы потушить огонь, какъ въ сѣняхъ застучали сапоги и на порогѣ показался ямщикъ... Изъ-за его плеча выглядывалъ Савелій. Почтальонъ быстро опустил руки и остановился словно въ раздумьи.

— Все готово! — сказала ямщикъ.

Почтальонъ постоялъ немного, рѣзко мотнулъ головой, какъ окончательно проснувшійся, и пошелъ за ямщикомъ. Дьячиха осталась одна.

— Что же садись, показывай дорогу! — услышала она.

Лѣниво зазвучалъ одичъ колокольчикъ, затѣмъ другой, и звенящіе звуки мелкой, длинной цѣпочкой понеслись отъ сторожки.

Когда они мало-по-малу затихли, дьячиха рванулась съ мѣста и нервно заходила изъ угла въ уголь. Сначала она была блѣдна, потомъ же вся раскраснѣлась. Лицо ея исказилось ненавистью, дыханіе задрожало, глаза заблестѣли дикой, свирѣпой злобой и, шагая какъ въ клѣткѣ, она походила на тигрицу, которую пугаютъ раскаленнымъ желѣзомъ. На минуту остановилась она и взглянула на свое жильѣ. Чуть ли не полкомнаты занимала постель, тянувшаяся вдоль всей стѣны и состоявшая изъ грязной перины, сѣрыхъ жесткихъ подушекъ, одѣяла и разнаго безымяннаго тряпья. Эта постель представляла собой безформенный, некрасивый комъ, почти такой же, какой торчалъ на головѣ Савелія всегда, когда тому приходила охота маслить свои волосы. Отъ постели до двери, выходившей въ холодныя сѣни, тянулась темная печка съ горшками и висящими тряпками. Все, не исключая и только-что вышедшаго Савелія, было до-нельзя грязно, засалено, закопчено, такъ что было странно видѣть среди такой обстановки бѣ-

лую шею и тонкую, нежную кожу женщины. Дьячиха подбѣжала къ постели, протянула руки, какъ бы желая раскидать, растоптать и изорвать въ пыль все это, но потомъ, словно испугавшись прикосновенія къ грязи, она отскочила назадъ и опять зашагала...

Когда часа черезъ два вернулся облѣпленный снѣгомъ и замученный Савелій, она уже лежала раздѣтая въ постели. Глаза у нея были закрыты, но по мелкимъ судорогамъ, которыя бѣгали по ея лицу, онъ догадался, что она не спитъ. Возвращаясь домой, онъ далъ себѣ слово до завтра молчать и не трогать ея, но тутъ не вытерпѣлъ, чтобы не уязвить.

— Даромъ только ворожила: уфхаль!—сказалъ онъ, злобно ухмыльнувшись.

Дьячиха молчала, только подбородокъ ея дрогнулъ. Савелій медленно раздѣлся, перелѣзъ черезъ жену и легъ къ стѣнкѣ.

— А вотъ завтра я объясню отцу Никодиму, какая ты жена!—пробормоталъ онъ, съеживаясь калачикомъ.

Дьячиха быстро повернулась къ нему лицомъ и сверкнула на него глазами.

— Будетъ съ тебя и мѣста,—сказала она:—а жену поипи себѣ въ лѣсу! Какая я тебѣ жена? Да чтобъ ты треснулъ! Вотъ еще навязался на мою голову телепень, лежебока, прости Господи!

— Ну, ну... Спи!

— Несчастная я!—зарыдала дьячиха.—Коли бъ не ты, я, можетъ, за кушца бы вышла, или за благороднаго какого! Коли бъ не ты, я бы теперь мужа любила! Не замело тебя снѣгомъ, не замерзъ ты тамъ на большой дорогѣ, прудъ!

Долго плакала дьячиха. Въ концѣ концовъ она глубоко вздохнула и утихла. За окномъ все еще злилась вьюга. Въ печкѣ, въ трубѣ, за всѣми стѣнами что-то плакало, а Савелію казалось, что это у него внутри и въ ушахъ плачетъ. Сегодняшнимъ вечеромъ онъ окончательно убѣдился въ своихъ предположеніяхъ относительно жены. Что жена его при помощи нечистой силы распорядилась вѣтрами и почтовыми тройками, въ этомъ ужъ онъ болѣе не сомнѣвался. Но, къ сугубому горю его, эта таинственность, эта сверхъестественная, дикая сила придавали лежавшей около него женщинѣ особую непонятную прелесть, какой онъ и

не замѣчалъ ранѣ. Оттого, что онъ по глуности, самъ того не замѣчая, опоэтизировалъ ее, она стала какъ будто бѣлѣе, глаже, непреступнѣе...

— Вѣдьма!—негодовалъ онъ.—Тьфу, противная!

А между тѣмъ, дождавшись, когда она утихла и стала ровно дышать, онъ коснулся пальцемъ ея затылка... подержалъ въ рукѣ ея толстую косу. Она не слышала... Тогда онъ сталъ смѣлѣе и погладилъ ее по шеѣ.

— Отстань!—крикнула она и такъ стукнула его локтемъ въ переносицу, что изъ глазъ его посыпались искры.

Боль въ переносицѣ скоро прошла, но пытка все еще продолжалась.

ВЪРОЧКА.

Иванъ Алексѣевичъ Огневъ помнить, какъ въ тотъ августовскій вечеръ онъ со звономъ отворилъ стеклянную дверь и вышелъ на террасу. На немъ была тогда легкая крылатка и широкополая соломенная шляпа, та самая, которая вмѣстѣ съ ботфортами валяется теперь въ пыли подъ кроватью. Въ одной рукѣ онъ держалъ большую вязку книгъ и тетрадей, въ другой — толстую, суковатую палку.

За дверью, освѣщая ему путь лампой, стоялъ хозяинъ дома Кузнецовъ, лысый старикъ съ длинной, сѣдой бородой и въ обломъ, какъ снѣгъ, пикейномъ пиджакѣ. Старикъ благодушно улыбался и кивалъ головой.

— Прощайте, старче! — крикнулъ ему Огневъ.

Кузнецовъ поставилъ лампу на столикъ и вышелъ на террасу. Двѣ длинныя, узкія тѣни шагнули черезъ ступени къ цвѣточнымъ клумбамъ, закачались и уперлись головами въ стволы липъ.

— Прощайте, и еще разъ спасибо, голубчикъ! — сказала Иванъ Алексѣичъ. — Спасибо вамъ за ваше радушіе, за ваши ласки, за вашу любовь... Никогда, во вѣки вѣковъ не забуду вашего гостепріимства. И вы хорошій ч дочка ваша хорошая, и всѣ у васъ тутъ добрые, веселые, радужные... Такая великолѣпная публика, что и сказать не умѣю!

Отъ избытка чувствъ и подъ вліяніемъ только-что выпитой наливки, Огневъ говорилъ пѣвучимъ семинарскимъ голосомъ и былъ такъ растроганъ, что выражалъ свои чувства не столько словами, сколько морганьемъ глазъ и подергиваньемъ плечъ. Кузнецовъ, тоже подвыпившій и ра-

троганый, потянулся къ молодому человѣку и поцѣловался съ нимъ.

— Привыкъ, я къ вамъ, какъ лягавый! — продолжалъ Огневъ.— Почти каждый день къ вамъ шлялся, разъ десять почеваль, а наливки выпилъ столько, что теперь вспоминать страшно. А главное, за что спасибо, Гаврилъ Петровичъ, такъ это за ваше содѣйствіе и помощь. Безъ васъ я со своей статистикой до октября бы тутъ возился. Такъ и напишу въ предисловіи: «Считаю долгомъ выразить мою благодарность предсѣдателю N-ской уѣздной земской управы Кузнецову за его любезное содѣйствіе». У статистики блестящая будущность! Вѣрѣ Гавриловичъ нижайшій поклонъ, а докторамъ, обоимъ слѣдователямъ и вашему секретарю передайте, что никогда не забуду ихъ помощи! А теперь, старче, обьемемъ другъ друга и сотворимъ послѣднее лобзаніе.

Раскисшій Огневъ еще разъ поцѣловался со старикомъ и сталъ спускаться внизъ. На послѣдней ступени онъ оглянулся и спросилъ:

— Увидимся еще когда-нибудь?

— Богъ знаетъ!—отвѣтилъ старикъ.—Вѣроятно, никогда!

— Да, правда! Въ Питеръ васъ и калачомъ не заманишь, а я едва ли еще понаду когда-нибудь въ этотъ уѣздъ. Ну, прощайте!

— Вы бы книги тутъ оставили!—крикнулъ ему вслѣдъ Кузнецовъ. — Что вамъ за охота тащить такую тяжесть? Я вамъ завтра ихъ съ человѣкомъ прислалъ бы.

Но Огневъ уже не слушалъ и быстро удалялся отъ дома. На душѣ его, подогрѣтой виномъ, было и весело, и тепло, и грустно... Онъ шелъ и думалъ о томъ, какъ часто приходится въ жизни встрѣчаться съ хорошими людьми и какъ жаль, что отъ этихъ встрѣчъ не остается ничего больше, кромѣ воспоминаній. Бываетъ такъ, что на горизонтѣ мелькнутъ журавли, слабый вѣтеръ донесетъ ихъ жалобно-восторженный крикъ, а черезъ минуту, съ какою жадностью ни вглядывайся въ синюю даль, не увидишь ни точки, не услышишь ни звука—такъ точно люди съ ихъ лицами и рѣчами мелькаютъ въ жизни и утопаютъ въ нашемъ прошломъ, не оставляя ничего больше, кромѣ ничтожныхъ слѣдовъ памяти. Живя съ самой весны въ N—скомъ уѣздѣ и бывая почти каждый день у радушныхъ Кузнецовыхъ,

Иванъ Алексѣвичъ привыкъ, какъ къ роднымъ, къ старику, къ его дочери, къ прислугѣ, изучилъ до тонкостей весь домъ, уютную террасу, изгибы аллей, силуэты деревьевъ надъ кухней и баней; но выйдетъ онъ сейчасъ за калитку, и все это обратится въ воспоминаніе и утерять для него навсегда свое реальное значеніе, а пройдетъ годъ—два, и всѣ эти милые образы потускнѣютъ въ сознаніи наравнѣ съ вымыслами и плодами фантазій.

«Въ жизни ничего нѣтъ дороже людей!—думалъ растроганный Огневъ, шагая по аллеѣ къ калиткѣ.—Ничего!»

Въ саду было тихо и тепло. Пахло резедой, табакомъ и гелиотропомъ, которые еще не успѣли отцвѣсти на клумбахъ. Промежутки между кустами и стволами деревьевъ были полны тумана, не густого, нѣжнаго, пропитаннаго насквозь луннымъ свѣтомъ, и, что надолго осталось въ памяти Огнева, ключья тумана, похожіе на привидѣнія, тихо, но замѣтно для глаза, ходили другъ за дружкой поперекъ аллей. Луна стояла высоко надъ садомъ, а ниже ея куда-то на востокъ неслись прозрачныя туманныя пятна. Весь міръ, казалось, состоялъ только изъ черныхъ силуэтовъ и бродившихъ бѣлыхъ тѣней, а Огневъ, наблюдавшій туманъ въ лунный августовскій вечеръ чуть ли не первый разъ въ жизни, думалъ, что онъ видитъ не природу, а декорацию, гдѣ неумѣлые пиротехники, желая освѣтить садъ бѣлымъ бенгальскимъ огнемъ, засѣли подъ кусты и вмѣстѣ со свѣтомъ напустили въ воздухъ и бѣлаго дыма.

Когда Огневъ подходилъ къ садовой калиткѣ, отъ невысокаго палисадника отдѣлилась темная тѣнь и пошла къ нему навстрѣчу.

— Вѣра Гавриловна!—обрадовался онъ.— Вы тутъ? А я искалъ-искалъ, хотѣлъ проститься... Прощайте, я ухожу!

— Такъ рано? Вѣдь еще одиннадцать часовъ.

— Нѣтъ, пора! Идти пять верстъ, да еще укладываться нужно. Завтра рано вставать...

Передъ Огневимъ стояла дочь Кузнецова Вѣра, дѣвушка 21 года, по обыкновенію грустная, небрежно одѣтая и интересная. Дѣвушки, которыя много мечтаютъ и по цѣлымъ днямъ читаютъ лежа и лѣниво все, что попадетъ имъ подъ руки, которыя скучаютъ и грустятъ, одѣваются вообще небрежно. Тѣмъ изъ нихъ, которыхъ природа одарила вкусомъ и инстинктомъ красоты, эта легкая небреж-

ность въ одеждѣ придаетъ особую прелесть. По крайней мѣрѣ Огневъ, вспоминая впоследствии о хорошенькой Вѣрочкѣ, не могъ себѣ представить ее безъ просторной кофточки, которая мялась у талии въ глубокія складки и все-таки не касалась стана, безъ локона, выбившагося на лобъ изъ высокой прически, безъ того краснаго вязанаго платка съ мохнатыми шариками по краямъ, который вечерами, какъ флагъ въ тихую погоду, уныло виснулъ на плечѣ Вѣрочки, а днемъ валялся скомканный въ передней, около мужскихъ шапокъ, или же въ столовой на сундукѣ, гдѣ безцеремонно спала на немъ старая кошка. Отъ этого платка и отъ складокъ кофточки такъ и вѣяло свободною лѣнью, домосѣдствомъ, благодушіемъ. Быть-можетъ, оттого, что Вѣра правилась Огневу, онъ въ каждой пуговкѣ и оборочкѣ умѣлъ читать что-то теплое, уютное, плавное, что-то такое хорошее и поэтичное, чего именно не хватаетъ у женщинъ неискреннихъ, лишенныхъ чувства красоты и холодныхъ.

Вѣрочка была хорошо сложена, имѣла правильный профиль и красивые вьющіеся волосы. Огневу, который на своемъ вѣку мало видѣлъ женщинъ, она казалась красавицей.

— Уѣзжаю!—говорилъ онъ, прощаясь съ нею около калитки.—Не поминайте лихомъ! Спасибо за все!

Тѣмъ же пѣвучимъ семинарскимъ голосомъ, какимъ онъ бесѣдовалъ со старикомъ, такъ же моргая и подергивая плечами, сталъ онъ благодарить Вѣру за гостепрѣимство, ласки и радушіе.

— О васъ писалъ я матери въ каждомъ письмѣ,—говорилъ онъ.—Если бы всѣ такіе были, какъ вы да вашъ батя, то не житье было бы на свѣтѣ, а масляная. У васъ вся публика великолѣпная! Народъ все простой, сердечный, искренній.

— Вы теперь куда ѣдете?—спросила Вѣра.

— Теперь ѣду къ матери въ Орель, побуду у нея недѣльки двѣ, а тамъ—въ Питеръ на работу.

— А потомъ?

— Потомъ? Всю зиму проработаю, а весной опять куда-нибудь въ уѣздъ матеріалы собирать. Ну, будьте счастливы, живите сто лѣтъ... не поминайте лихомъ. Больше не увидимся.

Огневъ нагнулся и поцѣловалъ Вѣрочкину руку. Затѣмъ въ молчаливомъ волненіи онъ поправилъ на себѣ крылатку, взялъ поудобнѣе вязку книгъ, помолчалъ и сказалъ:

— Туману-то сколько навалило!

— Да. Вы у насъ ничего не забыли?

— Что же? Кажется, ничего...

Нѣсколько секундъ Огневъ постоялъ молча, потомъ неуклюже повернулся къ калиткѣ и вышелъ изъ сада.

— Пойдите, я васъ до нашего лѣса провожу,—сказала Вѣра, выходя за нимъ.

Они пошли по дорогѣ. Теперь ужъ деревья не заслоняли простора, и можно было видѣть небо и даль. Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку, сквозь которую весело смотрѣла ея красота; туманъ, что погуще и поблѣе, неравномѣрно ложился около копенъ и кустовъ, или ключьями бродилъ черезъ дорогу, жался къ землѣ и какъ будто старался не заслонять собой простора. Сквозь дымку видна была вся дорога до лѣса съ темными канавами по бокамъ и съ мелкими кустами, которые росли въ канавахъ и мѣшали бродить туманнымъ ключьямъ. Въ полуверстѣ отъ калитки темнѣла полоса кузнецовскаго лѣса.

«Зачѣмъ она со мной пошла? Вѣдь ее придется провожать назадъ!»—подумалъ Огневъ, но, поглядѣвъ на профиль Вѣры, онъ ласково улыбнулся и сказалъ:

— Не хочется уѣзжать въ такую хорошую погоду! Вечеръ настоящій романическій, съ луной, съ тишиной и со всѣми онерами. Знаете что, Вѣра Гавриловна? Живу я на свѣтѣ 29 лѣтъ, но у меня въ жизни ни разу романа не было. Во всю жизнь ни одной романической исторіи, такъ что съ рандеву, съ аллеями вздоховъ и поцѣлуями я знакомъ только по наслышкѣ. Ненормально! Въ городѣ, когда сидишь у себя въ номерѣ, не замѣчаешь этого пробѣла, но тутъ, на свѣжемъ воздухѣ, онъ сильно чувствуется... Какъ-то обидно дѣлается!

— Отчего же вы такъ?

— Не знаю. Вѣроятно, всю жизнь некогда было, а можетъ-быть, просто встрѣчаться не приходилось съ такими женщинами, которыя... Вообще у меня мало знакомыхъ, и я нигдѣ не бываю.

Шаговъ триста молодые люди прошли молча. Огневъ по-

глядывалъ на открытую голову и платокъ Вѣрочки, и въ душѣ его одинъ за другимъ воскресали весенніе и лѣтніе дни; то было время, когда вдали отъ своего сѣраго петербургскаго номера, наслаждаясь ласками хорошихъ людей, природой и любимымъ трудомъ, не успѣвалъ онъ замѣчать, какъ утреннія зори смѣнялись вечерними и какъ одинъ за другимъ, пророча конецъ лѣта, переставали пѣть сначала соловей, потомъ перепелъ, а немного позже коростель... Время летѣло незамѣтно, значитъ, жилось хорошо и легко... Сталъ онъ припоминать вслухъ о томъ, съ какою неохотою онъ, небогатый, непривычный къ движеніямъ и людямъ, въ концѣ апрѣля ѣхалъ сюда въ N—скій уѣздъ, гдѣ ожидалъ встрѣтить скуку, одиночество и равнодушіе къ статистикѣ, которая, по его мнѣнію, среди наукъ занимаетъ теперь самое видное мѣсто. Пріѣхавъ апрѣльскимъ утромъ въ уѣздный городишко N, онъ остановился на постояломъ дворѣ старовѣра Рябухина, гдѣ за двугривенный въ сутки ему дали свѣтлую и чистую комнату съ условіемъ, что курить онъ будетъ на улицѣ. Отдохнувъ и справившись, кто въ уѣздѣ состоитъ предсѣдателемъ земской управы, онъ не медля пошелъ пѣшкомъ къ Гавріилу Петровичу. Пришлось идти четыре версты роскошными лугами и молодыми рощами. Подъ облаками, заливая воздухъ серебряными звуками, дрожали жаворонки, а надъ зеленѣющими пашнями, солидно и чинно взмахивая крыльями, носились грачи.

— Господи, — удивлялся тогда Огневъ: — неужели тутъ всегда дышать такимъ воздухомъ, или это такъ пахнетъ только сегодня, ради моего пріѣзда?

Ожидая сухого дѣлового пріема, къ Кузнецовымъ вошелъ онъ не смѣло, глядя исподлобья и застѣнчиво теребя свою бородку. Старикъ сначала морщилъ лобъ и не понималъ, зачѣмъ это молодому человѣку и его статистикѣ могла понадобиться земская управа, но когда тотъ пространно объяснилъ ему, что такое статистическій матеріалъ и гдѣ онъ собирается, Гавріилъ Петровичъ оживился, заулыбался и съ ребяческимъ любопытствомъ сталъ заглядывать въ его тетрадки... Вечеромъ того же дня Иванъ Алексѣичъ уже сидѣлъ у Кузнецовыхъ за ужиномъ, быстро хмелѣлъ отъ крѣпкой наливки и, глядя на покойныя лица и лѣнныя движенія своихъ новыхъ знакомыхъ, чувствовалъ во всемъ своемъ тѣлѣ сладкую, дремотную лѣнь, когда хочется спать,

потягиваться, улыбаться. А новые знакомые благодушно оглядывали его и спрашивали, живы ли у него отецъ и мать, сколько онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ, часто ли бываетъ въ театрахъ...

Припомнилъ Огневъ свои разъѣзды по волостямъ, пивники, рыбныя ловли, поѣздку всѣмъ обществомъ въ дѣвичій монастырь къ игуменьѣ Марѣѣ, которая каждому изъ гостей подарила по бисерному кошельку, припомнилъ горячіе, нескончаемые, чисто-русскіе споры, когда спорщики, брызжа и стуча кулаками по столу, не понимаютъ и перебиваютъ другъ друга, сами того не замѣчая, противорѣчатъ себѣ въ каждой фразѣ, то и дѣло мѣняютъ тему и, поспоривъ часа два-три, смѣются:

— Чортъ знаетъ, изъ-за чего мы споръ подняли! Начали о здравіи, а кончили за упокой!

— А помните, какъ я, вы и докторъ ѣздили верхомъ въ Шестово?—говорилъ Иванъ Алексѣичъ Вѣрѣ, подходя съ нею къ лѣсу.—Тогда еще намъ юродивый встрѣтился. Я далъ ему пятакъ, а онъ три раза перекрестился и бросилъ мой пятакъ въ рожь. Господи, сколько я увожу съ собою впечатлѣній, что если бы можно было собрать ихъ въ компактную массу, то получился бы хорошій слитокъ золота! Не понимаю, зачѣмъ это умные и чувствующие люди тѣсняются въ столицахъ и не идутъ сюда? Развѣ на Невскомъ и въ большихъ сырыхъ домахъ больше простора и правды, чѣмъ здѣсь? Право, мнѣ мои меблированныя комнаты, сверху до низу начиненныя художниками, учеными и журналистами, всегда казались предразсудкомъ.

Въ двадцати шагахъ отъ лѣса черезъ дорогу лежалъ небольшой узкій мостикъ со столбиками по угламъ, который всегда во время вечернихъ прогулокъ служилъ Кузнецовымъ и ихъ гостямъ маленькой станціей. Отсюда желающіе могли дразнить лѣсное эхо, и видно было, какъ дорога исчезала въ черной просѣкѣ.

— Ну, вотъ я мостикъ!—сказалъ Огневъ.—Тутъ вамъ поворачивать назадъ...

Вѣра остановилась и перевела духъ.

— Давайте посидимъ.—сказала она, садясь на одинъ изъ столбиковъ.—Передъ отъѣздомъ, когда прощаются, обыкновенно всѣ садятся.

Огневъ примостился возлѣ нея на своей вязкѣ книгъ и

продолжалъ говорить. Она тяжело дышала отъ ходьбы и глядѣла не на Ивана Алексѣича, а куда-то въ сторону, такъ что ему не видно было ея лица.

— И вдругъ лѣтъ черезъ десять мы встрѣтимся,—говорилъ онъ.—Какіе мы тогда будемъ? Вы будете уже почтенною матерью семейства, а я авторомъ какого-нибудь почтеннаго, никому ненужнаго статистическаго сборника, толстаго, какъ сорокъ тысячъ сборниковъ. Встрѣтимся и вспомняемъ старину... Теперь мы чувствуемъ настоящее, оно насъ наполняетъ и волнуетъ, а тогда, при встрѣчѣ, мы ужъ не будемъ помнить ни числа, ни мѣсяца, ни даже года, когда видѣлись въ послѣдній разъ на этомъ мостикѣ. Вы, пожалуй, измѣнитесь... Послушайте, вы измѣнитесь?

Вѣра вздрогнула и повернулась къ нему лицомъ.

— Что?—спросила она.

— Я васъ спрашивалъ сейчасъ...

— Простите, я не слышала, что вы говорили.

Тутъ только Огневъ замѣтилъ въ Вѣрѣ перемѣну. Она была блѣдна, задышалась и дрожь ея дыханія сообщалась и рукамъ, и губамъ, и головѣ, и изъ прически выбивался на лобъ не одинъ локонъ, какъ всегда, а два... Видимо, она избѣгала глядѣть прямо въ глаза и, стараясь замаскировать волненіе, то поправляла воротничокъ, который какъ будто рѣзалъ ей шею, то перетаскивала свой красный платокъ съ одного плеча на другое...

— Вамъ, кажется, холодно,—сказалъ Огневъ.—Сидѣть въ туманѣ не совсѣмъ-то здорово. Давайте-ка я провожу васъ нахъ-гаузъ.

Вѣра молчала.

— Что съ вами? — улыбнулся Иванъ Алексѣичъ. — Вы молчите и не отвѣчаете на вопросы. Нездоровы вы, или сердитесь? А?

Вѣра крѣпко прижала ладонь къ щекѣ, обращенной въ сторону Огнева, и тотчасъ же рѣзко отдернула ее.

— Ужасное положеніе...—прошептала она съ выраженіемъ сильной боли на лицѣ.—Ужасное!

— Чѣмъ же оно ужасное?—спросилъ Огневъ, пожимая плечами и не скрывая своего удивленія.—Въ чемъ дѣло?

Все еще тяжело дыша и вздрагивая плечами, Вѣра повернулась къ нему спиной, полминуты глядѣла на небо и сказала:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, Иванъ Алексѣичъ...

— Я слушаю.

— Вамъ, можетъ-быть, покажется страннымъ... вы удивитесь, но мнѣ все равно...

Огневъ еще разъ пожалъ плечами и приготовился слушать.

— Вотъ что...—начала Вѣрочка, наклоня голову и теребя пальцами шарикъ платка. — Видите ли, я вамъ вотъ что... хотѣла сказать... Вамъ покажется страннымъ и... глупымъ, а я... я больше не могу.

Рѣчь Вѣры перешла въ неясное бормотанье и вдругъ оборвалась плачемъ. Дѣвушка закрыла лицо платкомъ, еще ниже нагнулась и горько заплакала. Иванъ Алексѣичъ смущенно крикнулъ и, изумляясь, не зная, что говорить и дѣлать, безнадежно поглядѣлъ вокругъ себя. Отъ непривычки къ плачу и слезамъ у него у самого зачесались глаза.

— Ну, вотъ еще!—забормоталъ онъ растерянно.—Вѣра Гаврилевна, ну къ чему это, спрашивается? Голубушка, вы... вы больны? Или васъ кто обидѣлъ? Вы скажите, быть-можетъ, я того... сумѣю помочь...

Когда онъ, пытаясь утѣшить ее, позволилъ себѣ осторожно отнять отъ ея лица руки, она улыбнулась ему сквозь слезы и проговорила:

— Я... я люблю васъ!

Эти слова, простые и обыкновенныя, были сказаны простымъ человѣческимъ языкомъ, но Огневъ въ сильномъ смущеніи отвернулся отъ Вѣры, поднялся и вслѣдъ за смущеніемъ почувствовалъ испугъ.

Грусть, теплота и сентиментальное настроеніе, навѣянные на него прощаніемъ и наливкой, вдругъ исчезли, уступивъ мѣсто рѣзкому, непріятному чувству неловкости. Точно перевернулась въ немъ душа, онъ косился на Вѣру, и теперь она, послѣ того какъ, объяснившись ему въ любви, сбросила съ себя неприступность, которая такъ краситъ женщину, казалась ему какъ будто ниже ростомъ, проще, темнѣе.

«Что же это такое?—ужаснулся онъ про себя.—Но вѣдь я же ее... люблю, или нѣтъ? Вотъ задача-то!»

А она, когда самое главное и тяжелое, наконецъ, было сказано, дышала уже легко и свободно. Она тоже поднялась и, глядя прямо въ лицо Ивана Алексѣича, стала говорить быстро, неудержимо, горячо.

Какъ человекъ, внезапно испуганный, не можетъ потомъ вспомнить порядка, съ какимъ чередовались звуки ошеломившей его катастрофы, такъ и Огневъ не помнитъ словъ и фразъ Вѣры. Ему памяты только содержаніе ея рѣчи, она сама и то ощущеніе, которое производила въ немъ ея рѣчь. Онъ помнитъ, какъ будто придушенный, нѣсколько сиплый отъ волненія голосъ и необыкновенную музыку и страстность въ интонаціи. Плача, смѣясь, сверкая слезинками на рѣсницахъ, она говорила ему, что съ первыхъ же дней знакомства онъ поразилъ ее своею оригинальностью, умомъ, добрыми, умными глазами, своими задачами и цѣлями жизни, что она полюбила его страстно, безумно и глубоко; что когда, бывало, лѣтомъ она входила изъ сада въ домъ и видѣла въ передней его крылатку, или слышала издали его голосъ, то сердце ея обливалось холодкомъ, предчувствіемъ счастья; его даже пустыя шутки заставляли ее хохотать, въ каждой цифрѣ его тетрадокъ она видѣла что-то необыкновенно разумное и грандіозное, его суковатая палка представлялась ей прекраснѣйшій деревьевъ.

И лѣсъ, и туманные ключья, и черныя канавы по бокамъ дороги, казалось, притихли, слушая ее, а въ душѣ Огнева происходило что-то нехорошее и странное... Объясняясь въ любви, Вѣра была плѣнительно хороша, говорила красиво и страстно, но онъ испытывалъ не наслажденіе, не жизненную радость, какъ бы хотѣлъ, а только чувство состраданія къ Вѣрѣ, боль и сожалѣніе, что изъ-за него страдаетъ хорошій человекъ. Богъ его знаетъ, заговорилъ ли въ немъ книжный разумъ, или сказалась неодолимая привычка къ объективности, которая такъ часто мѣшаетъ людямъ жить, но только восторги и страданіе Вѣры казались ему приторными, не серьезными, и въ то же время чувство возмущалось въ немъ и шептало, что все, что онъ видитъ и слышитъ теперь, съ точки зрѣнія природы и личнаго счастья, серьезнѣе всякихъ статистикъ, книгъ, истинъ... И онъ злился и винилъ себя, хотя и не понималъ, въ чемъ именно заключается вина его.

Въ довершеніе неловкости онъ рѣшительно не зналъ, что ему говорить, а говорить было необходимо. Сказать прямо: «я васъ не люблю» ему было не подъ силу, а сказать «да» онъ не могъ, потому что, какъ ни рылся, не находилъ въ своей душѣ даже искорки...

Онъ молчалъ, а она между тѣмъ говорила, что для нея нѣтъ выше счастья, какъ видѣть его, идти за нимъ, хоть сейчасъ, куда онъ хочетъ, быть его женой и помощницей, что если онъ увидеть отъ нея, то она умретъ съ тоски...

— Я не могу здѣсь оставаться! — сказала она, ломая руки. — Миѣ опостылѣли и домъ, и этотъ лѣсъ, и воздухъ. Я не выношу постоянного покоя и безцѣльной жизни, не выношу нашихъ безцвѣтныхъ и блѣдныхъ людей, которые все похожи одинъ на другого, какъ капли воды! Все они сердечны и добродушны, потому что сыты, не страдаютъ, не борются... А я хочу именно въ большіе, сырые дома, гдѣ страдаютъ, ожесточены трудомъ и нуждой...

И это казалось Огневу приторнымъ и не серьезнымъ. Когда Вѣра кончила, онъ все еще не зналъ, что говорить, но молчать нельзя было, и онъ забормоталъ:

— Я, Вѣра Гавриловна, очень благодаренъ вамъ, хотя чувствую, что ничѣмъ не заслужилъ такого.. съ вашей стороны.. чувства. Во-вторыхъ, какъ честный человекъ, я долженъ сказать, что... счастье основано на равновѣсін, то-есть когда обѣ стороны... одинаково любятъ...

Но тотчасъ же Огневъ устыдился своего бормотанія и замолчалъ. Онъ чувствовалъ, что въ это время лицо у него было глупо, виновато, плоско, что оно было напряжено и натянуто... Вѣра, должно-быть, сумѣла прочесть на его лицѣ правду, потому что стала вдругъ серьезной, поблѣднѣла и поникла головой.

— Вы извините меня,—пробормоталъ Огневъ, не вынося молчанія.—Я васъ настолько уважаю, что... мнѣ больно!

Вѣра рѣзко повернулась и быстро пошла назадъ къ усадьбѣ. Огневъ послѣдовалъ за ней.

— Нѣтъ, не надо! — сказала Вѣра, махнувъ ему кистью руки.— Не идите, я сама дойду...

— Нѣтъ, все-таки... нельзя не проводить...

Что ни говорилъ Огневъ, все до послѣдняго слова казалось ему отвратительнымъ и плоскимъ. Чувство вины росло въ немъ съ каждымъ шагомъ. Онъ злился, сжималъ кулаки и проклиналъ свою холодность и неумѣіе держать себя съ женщинами. Стараясь возбудить себя, онъ глядѣлъ на красивый станъ Вѣрочки, на ея косу и слѣды, которые оставляли на пыльной дорогѣ ея маленькія ножки, припоминалъ

ея слова и слезы, но все это только умиляло, но не раздражало его души.

«Ахъ, да нельзя же насильно полюбить!—убѣждалъ онъ себя и въ то же время думалъ:—когда же я полюблю не насильно? Вѣдь мнѣ уже подъ 30! Лучше Вѣры я никогда не встрѣчалъ женщинъ и никогда не встрѣчу... О, собачья старость! Старость въ 30 лѣтъ!»

Вѣра шла впереди него все быстрѣе и быстрѣе, не оглядываясь и поникнувъ головой. Ему казалось, что съ горя она осунулась, сузилась въ плечахъ...

«Воображаю, что творится теперь у нея на душѣ!—думалъ онъ, глядя ей въ спину.—Небось и стыдно, и больно до того, что умирать хочется! Господи, сколько во всемъ этомъ жизни, поэзіи, смысла, что камень бы тронулся, а я... я глупъ и нелѣпъ!»

У калитки Вѣра мелькомъ взглянула на него и, согнувшись, кутаясь въ платокъ, быстро пошла по аллеѣ.

Иванъ Алексѣичъ остался одинъ. Возвращаясь назадъ къ лѣсу, онъ шелъ медленно, то и дѣло останавливался и оглядывался на калитку съ такимъ выраженіемъ во всей своей фигурѣ, какъ будто не вѣрилъ себѣ. Онъ искалъ глазами по дорогѣ слѣдовъ Вѣрочкиныхъ ногъ и не вѣрилъ, что дѣвушка, которая такъ нравилась ему, только-что объяснилась ему въ любви и что онъ такъ неуклюже и топорно «отказалъ» ей! Первый разъ въ жизни ему приходилось убѣдиться на опытъ, какъ мало зависитъ человѣкъ отъ своей доброй воли, и испытать на себѣ самомъ положеніе порядочнаго и сердечнаго человѣка, противъ воли причиняющаго своему ближнему жестокия, незаслуженныя страданія.

У него болѣла совѣсть, а когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему. Онъ чувствовалъ, что съ Вѣрой ускользнула отъ него часть его молодости, и что минуты, которыя онъ такъ бесплодно пережилъ, уже болѣе не повторятся.

Дойдя до мостика, онъ остановился и задумался. Ему хотѣлось найти причину своей странной холодности. Что она лежала не внѣ, а въ немъ самомъ, для него было ясно. Искренно сознался онъ передъ собой, что это не разсудочная холодность, которую такъ часто хвастаютъ умные

люди, не холодность себялюбиваго глупца, а просто безси-
ліе души, неспособность воспринимать глубоко красоту,
ранняя старость, приобрѣтенная путемъ воспитанія, беспор-
ядочной борьбы изъ-за куска хлѣба, померной безсемейной
жизни.

Съ мостика онъ медленно, словно нехотя, пошелъ въ
лѣсъ. Здѣсь, гдѣ на черныхъ, густыхъ потемкахъ тамъ и
сямъ обозначались рѣзкими пятнами проблески луннаго
свѣта, гдѣ онъ ничего не ощущалъ, кромѣ своихъ мыслей,
ему страстно захотѣлось вернуть потерянное.

И помнитъ Иванъ Алексѣичъ, что онъ опять вернулся.
Подзадоривая себя воспоминаціями, рисуя насильно въ
своемъ воображеніи Вѣру, онъ быстро шагаль къ саду. По
дорогѣ и въ саду тумана уже не было, и ясная луна гля-
дѣла съ неба, какъ умытая, только лишь востокъ туман-
ился и хмурился... Помнитъ Огневъ свои осторожные
шаги, темныя окна, густой запахъ геліотропа и резеды.
Знакомый Каро, дружелюбно помахивая хвостомъ, подо-
шелъ къ нему и понюхалъ его руку... Это было единствен-
ное живое существо, видѣвшее, какъ онъ два про-
шелся вокругъ дома, постоялъ у темнаго окна Вѣры и,
махнувъ рукой, съ глубокимъ вздохомъ пошелъ изъ сада.

Черезъ часъ уже онъ былъ въ городкѣ и, утомленный,
разбитый, прислонившись туловищемъ и горячимъ лицомъ
къ воротамъ постоялаго двора, стучалъ скобкой. Гдѣ-то въ
городкѣ спросонокъ лаяла собака и точно въ отвѣтъ на его
стукъ около церкви зазвонили въ чугунную доску...

— Шляешься по ночамъ...—ворчалъ хозяинъ-старовѣръ
въ длинной, словно женской сорочкѣ, отворяя ему ворота.—
Чѣмъ шляться-то, лучше бы Богу молился.

Войдя къ себѣ въ комнату, Иванъ Алексѣичъ опустился
на постель и долго-долго глядѣлъ на огонь, потомъ встрях-
нулъ головой и сталъ укладываться...

ВЪ СУДѢ.

Въ уѣздномъ городѣ N—скѣ, въ казенномъ коричневомъ домѣ, гдѣ чередуясь, засѣдаютъ земская управа, мировой съѣздъ, крестьянское, питейное, воинское и многія другія присутствія, въ одинъ изъ пасмурныхъ, осеннихъ дней разбирало наѣздомъ свои дѣла отдѣленіе окружнаго суда. Про названный коричневый домъ одинъ мѣстный администраторъ сострилъ:

— Тутъ и юстиція, тутъ и полиція, тутъ и милиція — совсѣмъ институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Но, вѣроятно, по пословицѣ, что у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глаза, этотъ домъ поражаетъ и гнететъ свѣжаго, нечиновнаго человѣка своимъ унылымъ, казарменнымъ видомъ, ветхостью и полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было комфорта, какъ снаружи, такъ и внутри. Даже въ самые яркіе, весенніе дни онъ кажется покрытымъ густою тѣнью, а въ свѣтлыя, лунныя ночи, когда деревья и обывательскіе домишки, слившись въ одну сплошную тѣнь, погружены въ тихій сонъ, онъ одинъ какъ-то нелѣпо и некстати давящимъ камнемъ высится надъ скромнымъ пейзажемъ, портитъ общую гармонію и не спитъ, точно не можетъ отдѣлаться отъ тяжелыхъ воспоминаній о прошлыхъ, не прощенныхъ грѣхахъ. Внутри все сарайно и крайне непривлекательно. Странно бываетъ видѣть, какъ всѣ эти

пзящныя прокуроры, члены, предводители, дѣлающіе у себя дома сцены изъ-за легкаго чада или пятнышка на полу, легко мирятся здѣсь съ жужжащими вентиляціями, противнымъ запахомъ курительныхъ свѣчекъ и съ грязными, вѣчно потными стѣнами.

Засѣданіе окружнаго суда началось въ десятомъ часу. Къ разбирательству было приступлено немедленно, съ замѣтной спѣшкой. Дѣла замелькали одно за другимъ и кончались быстро, какъ обѣдня безъ пѣвчихъ, такъ что никакой умъ не смогъ бы составить себѣ цѣльнаго, картиннаго впечатлѣнія отъ всей этой пестрой, бѣгущей, какъ полая вода, массы лицъ, движеній, рѣчей, несчастій, правды, лжи... Къ двумъ часамъ было сдѣлано много: двоихъ присудили къ арестантскимъ ротамъ, одного привилегированнаго лишили правъ и приговорили къ тюрьмѣ, одного оправдали, одно дѣло отложили...

Ровно въ два часа предсѣдательствующій объявилъ къ слушанію дѣло «по обвиненію крестьянина Николая Харламова въ убійствѣ своей жены». Составъ суда остался тотъ же, что былъ и на предыдущемъ дѣлѣ, только мѣсто защитника заняла новая личность — молодой, безбородый кандидатъ на судебныя должности въ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами.

— Введите подсудимаго! — распорядился предсѣдатель.

Но подсудимый, заранѣе приготовленный, уже шелъ къ своей скамьѣ. Это былъ высокій, плотный мужикъ лѣтъ 55, совершенно лысый, съ апатичнымъ, волосатымъ лицомъ и съ большой рыжей бородой. За нимъ слѣдовалъ маленькій, тщедушный солдатикъ съ ружьемъ.

Почти у самой скамьи съ конвойнымъ произошла маленькая непріятность. Онъ вдругъ споткнулся и выронилъ изъ рукъ ружье, но тотчасъ же поймалъ его на лету, причемъ сильно ударился колѣномъ о прикладъ. Въ публикѣ послышался легкій смѣхъ. Отъ боли, или, быть-можетъ, отъ стыда за свою неловкость солдатъ густо покраснѣлъ.

Послѣ обычнаго опроса подсудимаго, перетасовки присяжныхъ, переклички и присяги свидѣтелей, началось чтеніе обвинительнаго акта. Узкогрудый, блѣднолицый секретарь, сильно похудѣвшій для своего мундира и съ пластыремъ на щекѣ, читалъ негромкимъ, густымъ басомъ, быстро, по-

дьячковски, не повышая и не понижая голоса, какъ бы боясь натрудить свою грудь; ему вторила вентиляція, неугомонно жужжавшая за судейскимъ столомъ, и въ общемъ получался звукъ, придававшій зальной тишинѣ усыпляющій, наркотическій характеръ.

Предсѣдатель, не старыи челоѡкъ, съ до крайности утомленнымъ лицомъ и близорукой, сидѣлъ въ своемъ креслѣ, не шевелясь и держа ладонь около лба, какъ бы заслоня глаза отъ солнца. Подъ жужжанье вентиляціи и секретаря онъ о чемъ-то думалъ. Когда секретарь сдѣлалъ маленькую передышку, чтобы начать съ новой страницы, онъ вдругъ встрепенулся и оглядѣлъ посовѣлыми глазами публику, потомъ нагнулся къ уху своего сосѣда-члена и спросилъ со вздохомъ:

— Вы, Матвѣй Петровичъ, остановились у Демьянова?

— Да-съ, у Демьянова,—отвѣтилъ членъ, тоже встрепенувшись.

— Въ слѣдующій разъ, вѣроятно, и я у него остановлюсь. Помилуйте, у Типякова совсѣмъ нельзя останавливаться! Шумъ, гвалтъ всю ночь! Стучать, кашляютъ, дѣтшки плачутъ... Невозможно!

Товарищъ прокурора, полный, упитанный брюнетъ, въ золотыхъ очкахъ и съ красивой, выхоленной бородой, сидѣлъ неподвижно, какъ статуя, и, подперевъ щеку кулакомъ, читалъ Байроновскаго «Каина». Его глаза были полны жаднаго вниманія и брови удивленно приподнимались все выше и выше... Изрѣдка онъ откидывался на спинку кресла, минуту безучастно глядѣлъ впередь себя и затѣмъ опять погружался въ чтеніе. Защитникъ водилъ по столу тунымъ концомъ карандаша и, склонивъ голову на бокъ, думалъ... Его молодое лицо не выражало ничего, кромѣ неподвижной, холодной скуки, какая бываетъ на лицахъ школьниковъ и людей служащихъ, изо дня въ день обязанныхъ сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, видѣть все тѣ же лица, тѣ же стѣны. Предстоящая рѣчь его нисколько не волновала. Да и что такое эта рѣчь? По приказанію начальства, по давно заведенному шаблону, чувствуя, что она безцвѣтна и скучна, безъ страсти и огня выпалить онъ ее передъ присяжными, а тамъ дальше — скакать по

грязи и подь дождемъ на станцію, оттуда въ городъ, чтобы вскорѣ получить приказъ опять ѣхать куда-нибудь въ уѣздъ, читать новую рѣчь... скучно!

Подсудимый сначала нервно покашливалъ въ рукавъ и блѣднѣлъ, но скоро тишина, общая монотонность и скука сообщились и ему. Онъ тупо-почтительно глядѣлъ на судейскіе мундиры, на утомленныя лица присяжныхъ и покойно мигалъ глазами. Судебная обстановка и процедура, ожиданіе которыхъ такъ томилло его душу, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, теперь подѣйствовали на него самымъ успокаивающимъ образомъ. Онъ встрѣтилъ здѣсь совсѣмъ не то, что могъ ожидать. Надъ нимъ тяготѣло обвиненіе въ убійствѣ, а между тѣмъ онъ не встрѣтилъ здѣсь ни грозныхъ лицъ, ни негодующихъ взоровъ, ни громкихъ фразъ о возмездіи, ни участія къ своей необыкновенной судьбѣ: ни одинъ изъ судящихъ не остановилъ на немъ долгаго, любопытнаго взгляда... Пасмурныя окна, стѣны, голосъ секретаря, поза прокурора—все это было пропитано канцелярскимъ равнодушіемъ и дышало холодомъ, точно убійца составлялъ простую канцелярскую принадлежность, или судили его не живые люди, а какая-то невидимая, Богъ знаетъ кѣмъ заведенная машинка...

Успокоившійся мужикъ не понималъ, что къ житейскимъ драмамъ и трагедіямъ здѣсь такъ же привыкли и присмотрѣлись, какъ въ больницѣ къ смертямъ, и что именно въ этомъ-то машинномъ безстрастіи и кроется весь ужасъ и вся безвыходность его положенія. Кажется, не сиди онъ смирно, а встань и начни умолять, взывать со слезами къ милосердію, горько каяться, умри онъ съ отчаянія и—все это разобьется о притупленные нервы и привычку, какъ волна о камень.

Когда секретарь кончилъ, председатель для чего-то погладилъ передъ собою столъ, долго шурилъ глаза на подсудимаго и потомъ ужъ спросилъ, лѣнливо двигая языкомъ:

— Подсудимый, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ, что въ вечеръ 9-го іюня убили вашу жену?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ подсудимый, поднимаясь и придерживая на груди халатъ.

Вслѣдъ за этимъ судъ торопливо приступилъ къ допросу

свидѣтелей. Были допрошены двѣ бабы, пять мужиковъ и урядникъ, производившій дознаніе. Всѣ они, обрызганные грязью, утомленные пѣшнымъ хожденіемъ и ожиданіемъ въ свидѣтельской комнатѣ, унылые и пасмурные, показали одно и то же. Они показали, что Харламовъ жилъ со своею старухой «хорошо», какъ всѣ: былъ ее только тогда, когда напивался. 9-го іюня, когда сѣло солнце, старуха была найдена въ сѣняхъ съ пробитымъ черепомъ; около нея въ лужѣ крови валялся топоръ. Когда хватились Николая, чтобы сообщить ему о несчастіи, его не было ни въ избѣ, ни на улицѣ. Стали бѣгать по селу и искать, избѣгали всѣ кабаки и избы, но его не нашли. Онъ исчезъ и дня черезъ два самъ явился въ контору, блѣдный, оборванный, съ дрожью во всемъ тѣлѣ. Его связали и посадили въ холодную.

— Подсудимый, — обратился предсѣдатель къ Харламову: — не можете ли вы объяснить суду, гдѣ вы находились въ эти два дня послѣ убійства?

— По полю ходилъ... Не ѣвши, не пивши...

— Зачѣмъ же вы скрылись, если не вы убивали?

— Испужался... Боллся, чтобъ не засудили...

— Ага... Хорошо, садитесь!

Послѣднимъ былъ допрошенъ уѣздный врачъ, вскрывавшій покойную старуху. Онъ сообщилъ суду все, что помнилъ изъ своего протокола вскрытія и что успѣлъ придумать, идя утромъ въ судъ. Предсѣдатель щурилъ глаза на его новую, лоснящуюся черную пару, на щегольской галстукъ, на двигавшіяся губы, слушалъ, и въ его головѣ какъ-то сама-собою шевелилась лѣнивая мысль: «Теперь всѣ ходятъ въ короткихъ сюртукахъ, зачѣмъ же онъ сшилъ себѣ длинныи? Почему именно длинныи, а не короткій?»

Сзади предсѣдателя послышался осторожный скрипъ сапогъ. Это товарищъ прокурора подошелъ къ столу, чтобы взять какую-то бумагу.

— Михаилъ Владиміровичъ, — нагнулся прокуроръ къ уху предсѣдателя: — удивительно неряшливо этотъ Корейскій вель слѣдствіе. Родной братъ не допрошенъ, староста не допрошенъ, изъ описанія избы ничего не поймешь...

— Что дѣлать... что дѣлать! — вздохнулъ предсѣдатель, откидываясь на спинку кресла. — Развалина... песочные часы!

— Кстати, — продолжалъ шептать товарищъ прокурора: — обратите ваше вниманіе — въ публикѣ, на передней лавкѣ, третій справа... актерская физіономія... Это мѣстный денежный тузъ. Имѣетъ около пятисотъ тысячъ наличнаго капитала.

— Да? По фигурѣ незамѣтно... Что, голубушка, не сдѣлать ли намъ перерывъ?

— Кончимъ слѣдствіе, тогда ужъ.

— Какъ знаете... Ну-съ? — поднялъ предсѣдатель глаза на врача. — Такъ вы находите, что смерть была моментальная?

— Да, вслѣдствіе значительнаго поврежденія мозгового вещества...

Когда врачъ кончилъ, предсѣдатель поглядѣлъ въ пространство между прокуроромъ и защитникомъ и предложилъ:

— Не имѣете ли что спросить?

Товарищъ, не отрывая глазъ отъ «Каина», отрицательно мотнулъ головой; защитникъ же неожиданно зашевелился и, откашлявшись, спросилъ:

— Скажите, докторъ, по размѣрамъ раны можно ли бываетъ судить о... о душевномъ состояніи преступника? То-есть я хочу спросить, размѣръ поврежденія даетъ ли право думать, что подсудимый находился въ состояніи аффекта?

Предсѣдатель поднялъ свои сонные, равнодушные глаза на защитника. Прокуроръ оторвался отъ «Каина» и поглядѣлъ на предсѣдателя. Только поглядѣли, но ни улыбки, ни удивленія, ни недоумѣнія — ничего не выражали ихъ лица.

— Пожалуй, — замялся врачъ: — если принимать въ расчетъ силу, съ какой... э-э-э... преступникъ наноситъ ударъ... Впрочемъ... извините, я не совѣмъ понялъ вашъ вопросъ...

Защитникъ не получилъ отвѣта на свой вопросъ, да и не чувствовалъ въ немъ надобности. Для него самого ясно было, что этотъ вопросъ забрелъ въ его голову и сообразяетъ

съ языка только подѣ вліяніемъ тишины, скуки, жужжащей вентиляціи.

Отпустивъ врача, судѣ занялся осмотромъ вещественныхъ доказательствъ. Первымъ былъ осмотрѣнъ кафтанъ, на рукавѣ котораго темнѣло бурое кровавое пятно. О происхожденіи этого пятна спрошенный Харламовъ показалъ:

— Дня за три до смерти старухи Пеньковъ своей лошади кровь бросалъ... Я тамъ былъ, ну, извѣстно, помогавши, и... и умазался...

— Однако, Пеньковъ показалъ сейчасъ, что онъ не помнитъ, чтобы вы присутствовали при кровопусканіи...

— Не могу знать.

— Садитесь!

Приступили къ осмотру топора, которымъ была убитъ старуха.

— Это не мой топоръ,—заявилъ подсудимый.

— Чей же?

— Не могу знать... У меня не было топора...

— Крестьянинъ одного дня не можетъ обойтись безъ топора. И вашъ сосѣдъ, Иванъ Тимоосичъ, съ которымъ вы починали сани, показалъ, что это именно вашъ топоръ...

— Не могу знать, а только я, какъ передъ Богомъ (Харламовъ протянулъ впередъ себя руку и растопырилъ пальцы)... какъ передъ истиннымъ Создателемъ. И время того не помню, чтобы у меня свой топоръ былъ. Былъ у меня такой же, словно какъ будто поменьше, да сынъ потерялъ, Прохоръ. Года за два передъ тѣмъ, какъ ему на службу идтить, поѣхалъ за дровами, загулялъ съ ребятами и потерялъ...

— Хорошо, садитесь!

Это систематическое недовѣріе и нежеланіе слушать, вѣроятно, раздражили и обидѣли Харламова. Онъ замигалъ глазами и на скулахъ его выступили красныя пятна.

— Какъ передъ Богомъ! — продолжалъ онъ, вытягивал шею.—Ежели не вѣрите, то извольте сына Прохора спросить. Пропшка, гдѣ топоръ?—вдругъ спросилъ онъ грубымъ голосомъ, рѣзко повернувшись къ конвойному.—Гдѣ?

Это было тяжелое мгновеніе! Всѣ какъ будто присѣли, или стали ниже... Во всѣхъ головахъ, сколько ихъ было въ судѣ, молніей блеснула одна и та же страшная, невозмож-

ная мысль, мысль о могущей быть роковой случайности, и ни одинъ человекъ не рискнулъ и не посмѣлъ взглянуть на лицо солдата. Всякій хотѣлъ не вѣрить своей мысли и думалъ, что онъ ослышался.

— Подсудимый, говорить со стражей не дозволяется...—
поспѣшишь сказать предсѣдатель.

Никто не видалъ лица конвойнаго, и ужасъ пролетѣлъ по залѣ невидимкой, какъ бы въ маскѣ. Судебный приставъ тихо поднялся съ мѣста и на цыпочкахъ, балансируя рукой, вышелъ изъ залы. Черезъ полминуты послышались глухіе шаги и звуки, какіе бывають при смѣнѣ часовыхъ.

Всѣ подняли головы и, стараясь глядѣть такъ, какъ будто бы ничего и не было, продолжали свое дѣло...

БЕЗПОКОЙНЫЙ ГОСТЬ.

Въ низкой покривившейся избушкѣ лѣсника Артема, подъ большимъ темнымъ образомъ сидѣли два человѣка: самъ Артемъ, малорослый и тощій мужичонко, съ старческимъ помятымъ лицомъ и съ бородкой, растущей изъ шеи, и проходной охотникъ, молодой, рослый парень въ новой кумачовой рубахѣ и въ большихъ болотныхъ сапогахъ. Сидѣли они на скамьѣ за маленькимъ треногимъ столикомъ, на которомъ, воткнутая въ бутылку, лѣниво горѣла сальная свѣчка.

За окномъ въ ночныхъ потемкахъ шумѣла буря, какою обыкновенно природа раздражается передъ грозой. Злобно вылъ вѣтеръ и болѣзненно стонали гнувшіяся деревья. Одно стекло въ окнѣ было заклеено бумагой, и слышно было, какъ срывавшіеся листья стучали по этой бумагѣ.

— Я тебѣ вотъ что скажу, православный... — говорилъ Артемъ силымъ, тепорковымъ полушопотомъ, глядя немигающими, словно испуганными глазами на охотника. — Не боюсь я ни волковъ, ни вѣдмедей, ни звѣрей разныхъ, а боюсь человѣка. Отъ звѣрей ты ружьемъ, или другимъ какимъ орудіемъ спасешься, а отъ злого человѣка нѣтъ тебѣ никакого спасенія.

— Извѣстно! Въ звѣря выстрѣлить можно, а выстрѣли ты въ разбойника, самъ же отвѣчать будешь, въ Сибирь пойдешь.

— Служу я, братецъ ты мой, тутъ въ лѣсникахъ безъ малаго тридцать лѣтъ, и сколько я горя отъ злыхъ людей натерпѣлся, рассказать невозможно. Перебывало у меня

туть ихъ видимо-невидимо. Изба на просѣлкѣ, дорога проѣзжая,—ну, и несеть ихъ, чертей. Ввалится какой ни на есть злодѣй и, шапки не снимавши, лба не перекрестивши, прямо на тебя лѣзетъ: «Давай, такой-сякой, хлѣба!» А гдѣ я тебѣ хлѣба возьму? По какому полному праву? Нешто я миллионщикъ, чтобъ каждаго прохожаго пьяницу кормить? Онъ, извѣстно, злобой глаза запорошило... креста на нихъ, на чертяхъ, нѣтъ... недолго думавши, трахъ тебя по уху: «Давай хлѣба!» Ну, и даешь... Не станешь же съ ними, съ идолами, драться! У иного въ плечахъ косовая сажень, кулачище, что твой сапогъ, а у меня—самъ видишь, какая комплекция. Меня мизинцемъ залибить можно... Ну, дашь ему хлѣба, а онъ нажрется, развалится поперекъ избы и никакой тебѣ благодарности. А то бываютъ такіе, что деньги спрашиваютъ: «Отвѣчай, гдѣ деньги?» А какія у меня деньги? Откуда имъ быть?

— У лѣсника, да чтобъ денегъ не было! — усмѣхнулся охотникъ. — Жалованье получаешь каждый мѣсяць, да и, чай, лѣсъ тайкомъ продаешь.

Артемъ пугливо покосился на охотника и задрогалъ своей бородкой, какъ сорока хвостомъ.

— Молодой ты еще, чтобъ мнѣ такія слова говорить, — сказалъ онъ.—За эти самыя слова ты передъ Богомъ отвѣтчишь. Ты самъ изъ какихъ будешь? Откуда?

— Я изъ Вязовки. Старосты Нефѣда сынъ.

— Ружьемъ балуешься... Я, когда помоложе былъ, тоже любилъ это баловство. Тэ-экъ. Охъ, грѣхи наши тяжкіе! — зѣвнулъ Артемъ.—Бѣда-а! Добрыхъ людей мало, а злодѣевъ и душегубовъ не приведи Богъ сколько!

— Ты словно какъ будто и меня боишься..

— Ну, вотъ еще! Зачѣмъ мнѣ тебя бояться! Я вижу... понимаю... Ты вошелъ, и не то чтобы какъ, а перекрестился, поклонился, честь-честью... Я понимаю... Тебѣ и хлѣбца дать можно... Человѣкъ я вдовый, печи не топлю, самоваръ продаль... мяса, или чего прочаго, не держу по бѣдности, по хлѣбца—сдѣлай милость.

Въ это время подъ скамьей что-то заворчало, вслѣдъ за ворчаньемъ послышалось шипѣнье. Артемъ вздрогнулъ, поджалъ ноги и вопросительно поглядѣлъ на охотника.

— Это моя собака твою кошку забираетъ, — сказалъ охотникъ.—Вы, черти!—крикнулъ онъ подъ скамью.—Кушъ!

Биты будете! Да и худая же у тебя, братъ, кошка! Одиѣ кости да шерсть.

— Стара стала, околѣвать время... Такъ ты, сказываешь, изъ Вязовки?

— Не кормишь ты ее, я вижу. Она хоть и кошка, а есе-таки тварь... всякое дыханіе. Жалѣть надо!

— Не чисто у васъ въ Вязовкѣ, — продолжалъ Артемы, какъ бы не слушая охотника. — Въ одинъ годъ два раза церковь грабили... Есть же такія анаѣмы, а? Стало-быть, не только людей, но даже Бога не боятся! Грабить Божье добро! Да за это повѣсить мало! Въ прежнее время такихъ шельмовъ губернаторы черезъ налачей наказывали.

— Какъ ли наказывай, хоть плетьми жарь, хоть засуди, а не выйдетъ толку. Изъ злого человѣка ничѣмъ ты зло не выпишибешь.

— Спаси и помилуй, Царица Небесная! — прерывисто вздогнувъ лѣсникъ. — Спаси насъ отъ всякаго врага и супостата. На прошлой недѣлѣ въ Воловьихъ Займищахъ одинъ косарь другого по грудямъ косою хватилъ... До смерти убилъ! А изъ-за чего дѣло вышло, Господи Твоя воля! Выходитъ это одинъ косарь изъ кабака... выпивши. Встрѣчается ему другой и тоже выпивши...

Внимательно слушавшій охотникъ вдругъ вздрогнулъ, вытянулъ лицо и прислушался.

— Постой, — перебилъ онъ лѣсника. — Кажись, кто-то кричить...

Охотникъ и лѣсникъ, не отрывая глазъ отъ темнаго окна, стали слушать. Сквозь шумъ лѣса слышны были звуки, какіе слышитъ напряженное ухо во всякую бурю, такъ что трудно было разобрать, люди ли то звали на помощь, или же непогода плакала въ трубѣ. Но рвануль вѣтеръ по крышѣ, застучалъ по бумагѣ на окнѣ и донесъ явственный крикъ: «карауль!»

— Легки твои душегубы на поминѣ! — сказалъ охотникъ, блѣднѣя и поднимаясь. — Грабятъ кого-то.

— Господи помилуй! — прошепталъ лѣсникъ, тоже блѣднѣя и поднимаясь.

Охотникъ безцѣльно поглядѣлъ въ окно и прошелся по избѣ.

— Ночь-то, ночь какая! — пробормоталъ онъ. — Эги ко

видать! Время самое такое, чтобъ грабить. Слышь? Опять крикнуло!

Лѣсникъ поглядѣлъ на образъ, съ образа перевелъ глаза на охотника и опустился на скамью въ изнеможеніи чело-вѣка, испуганнаго внезапнымъ извѣстіемъ.

— Православный!—сказалъ онъ плачущимъ голосомъ.— Ты бы пошелъ въ сѣни да на засовъ двери заперъ! И огонь бы потушить надо!

— По какому случаю?

— Неровень часъ, заберутся сюда... Охъ, грѣхи наши!

— Идти пужно, а ты двери на засовъ! Голова, посмотришь! Идемъ, что ль?

Охотникъ перекинулъ на плечо ружье и взялся за шашку.

— Одѣвайся, бери свое ружье! Эй, Флерка, иси!—крикнулъ онъ собакѣ.—Флерка!

Изъ-подъ скамьи вышла собака съ длинными огрызенными ушами, помѣсь сетера съ дворняжкой. Она потянулась у ногъ хозяина и завилала хвостомъ.

— Что жъ ты сидишь?—крикнулъ охотникъ на лѣсника.—Нешто не пойдешь?

— Куды?

— На помощь!

— Куда мнѣ!—махнулъ рукою лѣсникъ, пожимаясь всѣмъ тѣломъ.—Богъ съ нимъ совсѣмъ.

— Отчего же ты не хочешь идти?

— Послѣ страшныхъ разговоровъ я теперь и шага не ступну въ потьмахъ. Богъ съ нимъ совсѣмъ! И чего я тамъ въ лѣсу не видалъ?

— Чего боишься? Нешто у тебя ружья нѣтъ? Пойдемъ, сдѣлай милость! Одному идти боязно, а вдвоемъ веселѣй! Слышь? Опять крикнуло! Вставай!

— Какъ ты обо мнѣ понимаешь, парень! — простоналъ лѣсникъ.—Нешто я дуракъ, что пойду на свою погибель?

— Такъ ты не пойдешь?

Лѣсникъ молчалъ. Собака, вѣроятно услышавшая человѣческой крикъ, жалобно залаяла.

— Пойдешь, я тебя спрашиваю? — крикнулъ охотникъ, злобно тараща глаза.

— Присталъ, ей-Богу!—поморщился лѣсникъ. — Ступай самъ!

— Э... сволочь!—проворчалъ охотникъ, поворачивая къ двери.—Флерка, иси!

Онъ вышелъ и оставилъ дверь настежь. Въ избу влетѣлъ вѣтеръ. Огонь на свѣчкѣ безокойно замелькалъ, ярко вспыхнулъ и потухъ.

Запирая за охотникомъ дверь, лѣсникъ видѣлъ, какъ лужи на просѣкѣ, ближайшія сосны и удаляющуюся фигуру гостя освѣтило молніей. Вдали проворчалъ громъ.

— Святъ, Святъ, Святъ...—шепнулъ лѣсникъ, снѣша просунуть толстый засовъ въ большія желѣзные петли.—Экую погоду Богъ послалъ!

Вернувшись въ избу, онъ ощупью добрался до печки, легъ и укрылся съ головой. Лежа подъ тулупомъ и напряженно прислушиваясь, онъ уже не слышалъ человѣческаго крика, но зато удары грома становились все сильнѣе и раскатистѣе. Ему слышно было, какъ крупный, гонимый вѣтромъ дождь злобно застучалъ по стекламъ и по бумагѣ окна.

«Понесла нелегкая!—думалъ онъ, воображая себѣ охотника, мокнущаго на дождѣ и спотыкающагося о нищи.—Небось, со страху зубами щелкаетъ!»

Не далѣе какъ минутъ черезъ десять раздались шаги и за ними сильный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?—крикнулъ лѣсникъ.

— Это я,—послышался голосъ охотника.—Отпри!

Лѣсникъ сползъ съ печи, нащупалъ свѣчку и, зажегши ее, пошелъ отворять дверь. Охотникъ и его собака были мокры до костей. Они попали подъ самый крупный и густой дождь, и теперь текло съ нихъ, какъ съ невыжатыхъ тряпокъ.

— Что тамъ случилось?—спросилъ лѣсникъ.

— Баба въ телѣгѣ ѣхала и не на ту дорогу попала...—отвѣтилъ охотникъ, пересиливая одышку.—Въ чепыгу залѣзла.

— Ишь, дура! Испугалась, значитъ... Что жъ, ты вывелъ ее на дорогу?

— Не желаю я тебѣ, подлецу такому, отвѣчать.

Охотникъ бросилъ на скамью мокрую шапку и продолжалъ:

— Объ тебѣ я теперь такъ понимаю, что ты подлецъ и

последній человекъ. Еще тоже сторожъ, жалованье получаетъ! Мерзавецъ этакой...

Лѣсникъ виноватою походкой ползлся къ печи, крикнулъ и легъ. Охотникъ сѣлъ на скамью, подумалъ и мокрый разлегся вдоль всей скамьи. Немного погодя, онъ поднялся, потушилъ свѣчку и опять легъ. Во время одного особенно сильнаго удара грома онъ заворочался, сплюнулъ и проворчалъ:

— Страшно ему... Ну, а ежели бь рѣзали бабу? Чье дѣло вступить за нее? А еще тоже старый человекъ, кременный... Свинья и больше ничего.

Лѣсникъ крикнулъ и глубоко вздохнулъ. Флерка гдѣ-то въ потемкахъ сильно встряхнула свое мокрое тѣло, отчего во всѣ стороны посыпались брызги.

— Стало-быть, тебѣ и горя мало, ежели бы бабу зарѣзали?—продолжалъ охотникъ. — Ну, побей Богъ, не зналъ я, что ты такой...

Наступило молчаніе. Грозная туча уже прошла, и удары грома слышались издали, но дождь все еще шелъ.

— А ежели бь, скажемъ, не баба, а ты карауль кричалъ?—прервалъ молчаніе охотникъ. — Хорошо бы тебѣ, скоту, было, ежели бы никто къ тебѣ на выручку не побѣгъ? Встревожилъ ты меня своей подлостью, чтобъ тебѣ пусто было!

Засимъ, еще послѣ одного длиннаго антракта, охотникъ сказалъ:

— Стало-быть, у тебя деньги есть, ежели ты боишься людей! Человекъ, который бѣдный, не станетъ бояться...

— За эти самыя слова ты передъ Богомъ отвѣтчикъ...— прохрипѣлъ съ нечки Артемъ. — Нѣту у меня денегъ!

— Ну, да! У подлецовъ завсегда есть деньги... А зачѣмъ ты боишься людей? Стало-быть, есть! Вотъ взять бы да и ограбить тебя на зло, чтобъ ты понималъ!..

Артемъ безшумно сползъ съ нечки, зажегъ свѣчку и сѣлъ подъ образомъ. Онъ былъ блѣденъ и не сводилъ глазъ съ охотника.

— Возму вотъ и ограблю,—продолжалъ охотникъ, поднимаясь. —А ты какъ думалъ? Вашего брата учить нужно! Сказывай, гдѣ деньги спрятаны?

Артемъ поджалъ подъ себя ноги и замигалъ глазами.

— Что жмешься? Гдѣ деньги спрятаны? Языка въ тебѣ, шутъ, нѣту, что ли? Что молчишь?

Охотникъ вскочилъ и подошелъ къ лѣснику.

— Глаза, какъ сычъ, тарантить! Ну? Давай деньги, а то изъ ружья выстрѣлю!

— Что ты ко мнѣ присталъ? — завизжалъ лѣсникъ, и крупныя слезы брызнули изъ его глазъ. — По какой причинѣ? Богъ все видитъ! За всѣ эти самыя слова ты передъ Богомъ отвѣтчикъ. Никакого полного права не имѣешь ты съ меня деньги требовать!

Охотникъ поглядѣлъ на плачущее лицо Артема, поморщился и зашагалъ по избѣ, потомъ сердито нахлобучилъ шапку и взялся за ружье.

— Э... э... глядѣть на тебя противно! — процѣдилъ онъ сквозь зубы. — Видѣть тебя не могу! Все равно мнѣ не спать у тебя. Пронцай! Эй, Флерка!

Хлопнула дверь — и безпокойный гость вышелъ со своей собакой... Артемъ заперъ за нимъ дверь, перекрестился и легъ.

ПАНИХИДА.

Въ церкви Одигитріевской Божіей Матери, что въ селѣ Верхнихъ Запрудахъ, обѣдня только-что кончилась. Народъ задвигался и валить изъ церкви. Не двигается одинъ только лавочникъ Андрей Андреичъ, верхне-запрудскій интеллигентъ и старожилъ. Онъ облокотился о перила праваго клироса и ждетъ. Его бритое, жирное и бугристое отъ когда-то бывшихъ прыщей лицо на сей разъ выражаетъ два противоположныхъ чувства: смиреніе передъ неисповѣдимыми судьбами и туное, безграничное высокомеріе передъ мимо проходящими чуйками и пестрыми платками. По случаю воскреснаго дня онъ одѣтъ франтомъ. На немъ суконное пальто съ желтыми костяными пуговицами, синіа брюки на выпускъ и солидныя калоши, тѣ самыя громадныя, неуклюжія калоши, которыя бывають на ногахъ только у людей положительныхъ, разсудительныхъ и религіозно-убѣжденныхъ.

Его запылившіе, лѣтніе глаза обращены на иконостасъ. Онъ видитъ давно уже знакомые лики святыхъ, сторожа Матвѣя, надувающегоъ щеки и тушащаго свѣчи, потемнѣвшіе ставники, потертый коверъ, дьячка Молухова, стремительно выбѣгающаго изъ алтаря и несущаго ктитору просфору... Все это давно уже видано и перевидано, какъ свои пять пальцевъ... Нѣсколько, впрочемъ, странно и необыденно только одно: у сѣверной двери стоитъ отецъ Григорій, еще не снимавшій облаченія, и сердито мигаетъ своими густыми бровями.

«Кому это онъ мигаетъ, дай Богъ ему здоровья? — ду-

масть лавочникъ.—А, и пальцемъ закивалъ! И ногой топнулъ, скажи на милость... Что за оказія, Мать Царица? Кому это онъ?»

Андрей Андреевичъ оглядывается и видитъ совсѣмъ уже опустѣвшую церковь. У дверей столпилось человекъ десять, да и тѣ стоять спиной къ алтарю.

— Иди же, когда зовутъ! Что стоишь, какъ изваяніе?— слышитъ онъ сердитый голосъ отца Григорія.— Тебя зову!

Лавочникъ глядитъ на красное, разгнѣванное лицо отца Григорія и тутъ только соображаетъ, что миганье бровей и киванье пальца могутъ относиться и къ нему. Онъ вздрагиваетъ, отдѣляется отъ клироса и нерѣшительно, гремя своими солидными калошами, идетъ къ алтарю.

— Андрей Андреичъ, это ты подавалъ на проскомидію за упокой Маріи?— спрашиваетъ батюшка, сердито вскидывая глазами на его жирное, всенотѣвшее лицо.

— Точно такъ.

— Такъ, стало-быть, ты это написалъ? Ты?

И отецъ Григорій сердито тычетъ къ глазамъ его записочку. А на этой записочкѣ, поданной Андреемъ Андреевичемъ на проскомидію вмѣстѣ съ просфорой, крупными, словно шатающимися буквами написано:

«За упокой рабы Божіей блудницы Маріи».

— Точно такъ... я-съ написалъ...— отвѣчаетъ лавочникъ.

— Какъ же ты смѣлъ написать это?— протяжно шепчетъ батюшка, и въ его силломъ шепотѣ слышатся гнѣвъ и испугъ.

Лавочникъ глядитъ на него съ тупымъ удивленіемъ, недоумѣваетъ и самъ пугается: отродясь еще отецъ Григорій не говорилъ такимъ тономъ съ верхне-запрудскими интеллигентами! Оба минуту молчатъ и засматриваютъ другъ другу въ глаза. Недоумѣніе лавочника такъ велико, что жирное лицо его расплзается во все стороны, какъ пролитое тѣсто.

— Какъ ты смѣлъ?—повторяетъ батюшка.

— Ко... кдго-съ?—недоумѣваетъ Андрей Андреевичъ.

— Ты не понимаешь?!—шепчетъ отецъ Григорій, въ изумленіи дѣлая шагъ назадъ и вслескивая руками.—Что же у тебя на плечахъ: голова, или другой какой предметъ? Подаешь записку къ жертвеннику, а пишешь на ней слово,

какое даже и на улицѣ произносить непристойно! Что глаза пучишь? Нешто не знаешь, какой смысл имѣть это слово?

— Это вы касательно блудницы-съ? — бормочет лавочникъ, краснѣя и мигая глазами. — Но вѣдь Господь, по благости Своей, тово... это самое, простилъ блудницу... мѣсто ей уготовалъ, да и изъ житія преподобной Маріи Египетской видать, въ какихъ смыслахъ это самое слово, извините...

Лавочникъ хочетъ привести въ свое оправданіе еще какой-то аргументъ, но пугается и утираетъ губы рукавомъ.

— Вотъ какъ ты понимаешь! — всплескиваетъ руками отецъ Григорій. — Но вѣдь Господь простилъ — понимаешь? — простилъ, а ты осуждаешь, поносишь, непристойнымъ словомъ обзываешь, да еще кого! Усопшую дочь родную! Не только изъ священнаго, но даже изъ свѣтскаго писанія такого грѣха не вычитаешь! Повторяю тебѣ, Андрей: мудрствовать не пужно! Да, мудрствовать, братъ, не пужно! Коли далъ тебѣ Богъ испытующій разумъ и ежели ты не можешь управлять имъ, то лучше ужь не вникай... Не вникай и молчи!

— Но вѣдь она тово... извините, актерка была! — выговариваетъ ошеломленный Андрей Андреичъ.

— Актерка! Да кто бы она ни была, ты все послѣ ея смерти забыть долженъ, а не то что на запискахъ писать!

— Это точно... — соглашается лавочникъ.

— Наложить бы на тебя эпитемію, — баситъ изъ глубины алтаря дьяконъ, презрительно глядя на сконфуженное лицо Андрея Андреича: — такъ пересталъ бы умствовать! Твоя дочь извѣстная артистка была. Про ея кончину даже въ газетахъ печатали... Философъ!

— Оно, конечно... дѣйствительно... — бормочетъ лавочникъ: — слово не подходящее, но я не для осужденія, отецъ Григорій, а хотѣлъ по-божественному... чтобъ вамъ виднѣй было, за кого молить. Пишутъ же въ номинальницахъ названія разныя, въ родѣ тамъ младенца Іоанна, утопленницы Целагеи, Ёгора воина, убіеннаго Павла и прочее разное... Такъ и я желалъ.

— Неразумно, Андрей! Богъ тебя проститъ, но въ другой разъ остерегись. Главное, не мудрствуй и мысли по примѣру прочихъ. Положи десять поклоновъ и ступай.

— Слушаю,—говоритъ лавочникъ, радуясь, что потація уже кончилась, и опять придавая своему лицу выраженіе важности и степенства.— Десять поклоновъ? Очень хорошо-съ, понимаю. А теперь, батюшка, дозвольте къ вамъ съ просьбой... Потому, какъ я все-таки отецъ ей... сами знаете, а она мнѣ, какая тамъ ни на есть, все-таки дочь, то я тово... извините, собираюсь просить васъ сегодня отслужить панихиду. И васъ дозвольте просить, отецъ дьяконъ!

— Вотъ это хорошо!—говоритъ отецъ Григорій, разоблачаясь.— За это хвалю. Можно одобрить... Ну, ступай! Мы сейчасъ выйдемъ.

Андрей Андреичъ солидно шагаетъ отъ алтаря и красный, съ торжественно-панихиднымъ выраженіемъ лица останавливается посреди церкви. Сторожъ Матвѣй ставитъ передъ нимъ столикъ съ коливомъ, и немного погодя панихида начинается.

Въ церкви тишина. Слышенъ только металлическій звукъ кадила да протяжное пѣніе... Возлѣ Андрея Андреича стоятъ сторожъ Матвѣй, повитуха Макарьевна и ея сынишка, сухорукій Митька. Больше никого нѣтъ. Дьячокъ поетъ плохо, неприятнымъ, глухимъ басомъ, но напѣвъ и слова такъ печальны, что лавочникъ мало-по-малу теряетъ выраженіе степенства и погружается въ грусть. Вспоминаетъ онъ свою Машутку... Онъ помнитъ, что родилась она у него, когда онъ еще служилъ лакеемъ у верхне-запрудскихъ господъ. За лакейской суетой онъ и не замѣчалъ, какъ росла его дѣвочка. Тотъ длинный періодъ, когда она формировалась въ граціозное созданіе съ бѣлокурой головкой и большими, какъ копейки, задумчивыми глазами, прошелъ для него незамѣченнымъ. Воспитывалась она, какъ и вообще всѣ дѣти фаворитовъ-лакеевъ, въ бѣломъ тѣлѣ, около барышень. Господа, отъ нечего дѣлать, выучили ее читать, писать, танцовать, онъ же въ ея воспитаніе не вмѣшивался. Изрѣдка развѣ, случайно сойдясь съ ней гдѣ-нибудь у воротъ или на площадкѣ лѣстницы, онъ вспоминалъ, что она его дочь и начиналъ, насколько хватало досуга, учить ее молитвамъ и священной исторіи. О, и тогда еще онъ слылъ за знатока уставовъ и Св. Писанія! Дѣвочка, какъ ни хмуро и ни солидно было лицо отца, охотно слушала его. Молитвы повторяла она за нимъ зѣвая, но зато, когда

онъ, заикаясь и стараясь выражаться пофигуристѣе, начиналъ рассказывать ей исторіи, она вся превращалась въ слухъ. Чечевица Исава, казнь Содома и бѣдствія маленькаго мальчика Іосифа заставляли ее блѣднѣть и широко раскрывать голубые глаза.

Затѣмъ, когда онъ бросилъ лакейство и на скопленные деньги открылъ въ селѣ лавочку, Машутка уѣхала съ господами въ Москву...

За три года до своей смерти она пріѣзжала къ отцу. Онъ едва узналъ ее. Это была молодая, стройная женщина, съ манерами барыни и одѣтая по-господски. Говорила она по-умному, словно по книгѣ, курила табакъ, спала до полудня. Когда Андрей Андреичъ спросилъ ее, чѣмъ она занимается, она, смѣло глядя ему прямо въ глаза, объявила: «Я актриса!». Такая откровенность показалась бывшему лакею верхомъ цинизма. Машутка начала было хвастать своими успѣхами и актерскимъ житьемъ, но видя, что отецъ только багровѣетъ и разводитъ руками, умолкла. И молча, не глядя другъ на друга, они прожили недѣли двѣ, до самаго отъѣзда. Передъ отъѣздомъ она упросила отца пойти погулять съ ней по берегу. Какъ ни жутко ему было гулять среди бѣла дня, на глазахъ всего честнаго народа съ дочкой актрисой, но онъ уступилъ ей просьбамъ...

— Какія чудныя у васъ мѣста!— восхищалась она, гуляя. — Что за овраги и болота! Боже, какъ хороша моя родина!

И она заплакала.

«Эти мѣста только мѣсто занимаютъ...— думалъ Андрей Андреичъ, тупо глядя на овраги и не понимая восторга дочери.— Отъ нихъ корысти, какъ отъ козла молока».

А она плакала, плакала и жадно дышала всей грудью, словно чувствовала, что ей недолго еще осталось дышать...

Андрей Андреичъ встряхиваетъ головой, какъ укушенная лошадь, и, чтобъ заглушить тяжелыя воспоминанія, начинаетъ быстро креститься...

— Помяни, Господи,— бормочетъ онъ: усоншую рабу Твою блудницу Марію и прости ей вольная и невольная...

Непристойное слово опять срывается съ его языка, но онъ не замѣчаетъ этого: что прочно засѣло въ сознаніи, того, зная, не только наставленіями отца Григорія, но и гвоздемъ не выковыришь! Макарьевна вздыхаетъ и что-то

непчеть, втягивая въ себя воздухъ, сухорукій Митька о чемъ-то задумался...

— «...идѣже нѣсть болѣзни, печалей и воздыханія»...— гудитъ дьячокъ, прикрывая рукой правую щеку.

Изъ кадила струится синеватый дымокъ и купается въ широкомъ, косомъ лучѣ, пересѣкающемъ мрачную, безжизненную пустоту церкви. И кажется, вмѣстѣ съ дымомъ посетитъ въ лучѣ душа самой усоншей. Струйки дыма, похожія на слезы ребенка, кружатся, несутся вверхъ къ окну и словно сторонятся унынія и скорби, которыми полна эта бѣдная душа.

НА ПУТИ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана...

Лермонтовъ.

Въ комнатѣ, которую самъ содержатель трактира, казакъ Семень Чистоплюй, называетъ «проѣзжающей», то-есть назначенной исключительно для проѣзжихъ, за большимъ некрашеннымъ столомъ сидѣлъ высокій, широкоплечій мужчина лѣтъ сорока. Облокотившись о столъ и подперевъ голову кулакомъ, онъ спалъ. Огарокъ сальной свѣчи, воткнутый въ баночку изъ-подъ помады, освѣщаль его русую бороду, толстый широкій носъ, загорѣлыя щеки, густыя, черныя брови, нависшія надъ закрытыми глазами... И носъ, и щеки, и брови—всѣ черты, каждая въ отдѣльности, были грубы и тяжелы, какъ мебель и печка въ «проѣзжающей», но въ общемъ онѣ давали нѣчто гармоническое и даже красивое. Такова ужъ, какъ говорится, планида русскаго лица: чѣмъ крупнѣе и рѣзче его черты, тѣмъ кажется оно мягче и добродушнѣе. Одѣтъ былъ мужчина въ господскій пиджакъ, поношенный, но обшитый новой, широкой тесьмой, въ плюшевую жилетку и широкія черныя панталоны, засунутыя въ большіе сапоги.

На одной изъ скамей, непрерывно тянувшихся вдоль стѣны, на мѣху лисьей шубы спала дѣвочка лѣтъ восьми, въ коричневомъ платицѣ и въ длинныхъ черныхъ чулкахъ. Лицо ея было блѣдно, волосы бѣлокуры, плечи узки, все тѣло худо и жидко, но носъ выдавался такой же толстой и некрасивой шишкой, какъ и у мужчины. Она спала

крѣпко и не чувствовала, какъ полукруглая гребенка, свалившаяся съ головы, рѣзала ей щеку.

«Проѣзжающая» имѣла праздничный видъ. Въ воздухѣ пахло свѣже-вымытыми полами, на веревкѣ, которая тянулась діагонально черезъ всю комнату, не висѣли, какъ всегда, тряпки, и въ углу, надъ столомъ, кладя красное пятно на образъ Георгія Побѣдоносца, теплилась лампадка. Соблюдая самую строгую и осторожную постепенность въ переходѣ отъ божественнаго къ свѣтскому, отъ образа, по обѣ стороны угла, тянулся рядъ лубочныхъ картинокъ. При тускломъ свѣтѣ огарка и красной лампадки картины представляли изъ себя одну сплошную полосу, покрытую черными кляксами; когда же изразцовая печка, желая пѣть въ одинъ голосъ съ погодой, съ воемъ вдыхала въ себя воздухъ, а полѣнья, точно очнувшись, вспыхивали яркимъ пламенемъ и сердито ворчали, тогда на бревенчатыхъ стѣнахъ начинали прыгать румяныя пятна, и можно было видѣть, какъ надъ головой спавшаго мужчины вырастали то старецъ Серафимъ, то шахъ Насръ-Эддинъ, то жирный, коричневый младенецъ, тарачившій глаза и шептавшій что-то на ухо дѣвицѣ съ необыкновенно тупымъ и равнодушнымъ лицомъ...

На дворѣ шумѣла непогода. Что-то бѣшеное, злобное, но глубоко несчастное съ яростью звѣря металось вокругъ трактира и старалось ворваться во внутрь. Хлопая дверями, стуча въ окна и по крышѣ, царапая стѣны, оно то грозило, то умоляло, а то утихало ненадолго и потомъ съ радостнымъ, предательскимъ воемъ врывалось въ печную трубу, но тутъ полѣнья вспыхивали, и огонь, какъ цѣпной пестъ, со злобой неся навстрѣчу врагу, начиналась борьба, а послѣ нея рыданія, визгъ, сердитый ревъ. Во всемъ этомъ слышались и злобствующая тоска, и неудовлетворенная ненависть, и оскорбленное безсиліе того, кто когда-то привыкъ къ побѣдамъ...

Очарованная этой дикой, нечеловѣческой музыкой, «проѣзжающая», казалось, оцѣпенѣла навѣки. Но вотъ скрипнула дверь, и въ комнату вошелъ трактирный мальчикъ въ новой коленкоровой рубахѣ. Прихрамывая на одну ногу и моргая сонными глазами, онъ снялъ пальцами со свѣчи, подложилъ въ печку полѣньевъ и вышелъ. Тотчасъ же въ церкви, которая въ Рогачахъ находится въ трехстахъ ша-

гахъ отъ трактира, стали бить полночь. Вѣтеръ игралъ со звономъ, какъ со снѣговыми хлопьями; гонясь за колокольными звуками, онъ кружилъ ихъ на громадномъ пространствѣ, такъ что одни удары прерывались, или растягивались въ длинный, волнистый звукъ, другіе вовсе исчезали въ общемъ гулѣ. Одинъ ударъ такъ явственно прогудѣлъ въ комнатѣ, какъ будто звонили подъ самыми окнами. Дѣвочка, спавшая на лисьемъ мѣху, вздрогнула и приподняла голову. Минуту она глядѣла безсмысленно на темное окно, на Насръ-Эддина, по которому въ это время скользилъ багряный свѣтъ отъ печки, потомъ перевела взглядъ на спящаго мужчину.

— Папа!—сказала она.

Но мужчина не двигался. Дѣвочка сердито сдвинула брови, легла и поджала ноги. За дверью въ трактирѣ кто-то громко и протяжно зѣвнулъ. Вскорѣ вслѣдъ за этимъ послышался визгъ дверного блока и неясные голоса. Кто-то вошелъ и, стряхивая съ себя снѣгъ, глухо затопалъ валеными сапогами.

— Чиво?—лѣниво спросилъ женскій голосъ.

— Барышня Иловайская пріѣхала...—отвѣчалъ басъ.

Опять завизжалъ дверной блокъ. Послышался шумъ ворвавшегося вѣтра. Кто-то, вѣроятно хромою мальчикъ, подбѣжалъ къ двери, которая вела въ «проѣзжающую», почти тѣльно каплянулъ и тронулъ щеколду.

— Сюда, матушка-барышня, пожалуйте,—сказалъ пѣвучій женскій голосъ:—тутъ у насъ чисто, красавица...

Дверь распахнулась, и на порогъ показался бородатый мужикъ, въ кучерскомъ кафтанѣ и съ большимъ чемоданомъ на плечѣ, весь, съ головы до ногъ, облѣпленный снѣгомъ. Вслѣдъ за нимъ вошла невысокая, почти вдвое ниже кучера, женская фигура безъ лица и безъ рукъ, окутанная, обмотанная, похожая на узелъ и тоже покрытая снѣгомъ. Отъ кучера и узла на дѣвочку нахнуло сыростью, какъ изъ погреба, и огонь свѣчки заколебался.

— Какія глупости!—сказалъ сердито узелъ. — Отлично можно ѣхать! Осталось ѣхать только двѣнадцать верстъ, все больше лѣсомъ, и не заблудились бы...

— Заблудиться-то не заблудились бы, да кони не идутъ, барышня!—отвѣчалъ кучеръ.—И Господи Твоя воля, словно я нарочно!

— Богъ знаетъ, куда привезъ... Но тише... Тутъ, кажется, снять. Ступай отсюда...

Кучерь поставилъ на полъ чемоданъ, причемъ съ его плечъ посыпались пласты снѣга, издавъ носомъ всхлипы-гающий звукъ и вышелъ. Затѣмъ дѣвочка видѣла, какъ изъ середины узла вылѣзли двѣ маленькихъ ручки, потянулись вверхъ и стали сердито распутывать путаницу изъ шалей платковъ и шарфовъ. Сначала на полъ упала большая шаль, потомъ башлыкъ, за нимъ бѣлый вязаный платокъ. Освободивъ голову, прѣзжая сняла салопъ и сразу сузилась на половину. Теперь ужъ она была въ длинномъ, сбромъ пальто съ большими пуговицами и съ оттопыренными карманами. Изъ одного кармана вытащила она бумажный свертокъ съ чѣмъ-то, изъ другого вязку большихъ, тяжелыхъ ключей, которую положила такъ неосторожно, что спавшій мужчина вздрогнулъ и открылъ глаза. Нѣкоторое время онъ тупо глядѣлъ по сторонамъ, какъ бы не понимая, гдѣ онъ, потомъ встряхнулъ головой, пошелъ въ уголъ и сѣлъ... Прѣзжая сняла пальто, отчего опять сузилась на половину, стащила съ себя плисовые сапоги и тоже сѣла.

Теперь ужъ она не походила на узель. Это была маленькая, худенькая брюнетка, лѣтъ 20, тонкая, какъ змѣйка, съ продолговатымъ бѣлымъ лицомъ и съ вьющимися волосами. Носъ у нея былъ длинный, острый, подбородокъ тоже длинный и острый, рѣсеницы длинныя, углы рта острые и, благодаря этой всеобщей остротѣ, выраженіе лица казалось колючимъ. Затянутая въ черное платье, съ массой кружевъ на шеѣ и рукавахъ, съ острыми локтями и длинными розовыми пальчиками, она напоминала портреты средне-вѣковыхъ англійскихъ дамъ. Серьезное, сосредоточенное выраженіе лица еще болѣе увеличивало это сходство...

Брюнетка оглядѣла комнату, покосилась на мужчину и дѣвочку и, пожавъ плечами, пересѣла къ окну. Темныя окна дрожали отъ сырого западнаго вѣтра. Крупныя хлопья снѣга, сверкая бѣлизной, ложились на стекла, но тотчасъ же исчезали, уносимые вѣтромъ. Дикая музыка становилась все сильнѣе...

Послѣ долгаго молчанія, дѣвочка вдругъ заворочалась и сказала, сердито отчеканивая каждое слово:

— Господи! Господи! Какая я несчастная! Несчастнѣй всѣхъ!

Мужчина поднялся и виноватой походкой, которая со-всѣмъ не шла къ его громадному росту и большой бородѣ, засѣменилъ къ дѣвочкѣ.

— Ты не спишь, дружокъ? — спросилъ онъ извиняю-щимся голосомъ. — Чего ты хочешь?

— Ничего не хочу! У меня плечо болитъ! Ты, папа, не-хорошій человекъ, и Богъ тебя накажетъ! Вотъ увидишь, что накажетъ!

— Голубчикъ мой, я знаю, что у тебя болитъ плечо, но что же я могу сдѣлать, дружокъ? — сказалъ мужчина то-помъ, какимъ подвыпившіе мужья извиняются передъ своими строгими супругами. — Это, Саша, у тебя отъ дороги болитъ плечо. Завтра мы прїѣдемъ къ мѣсту, отдохнемъ, оно и пройдетъ...

— Завтра, завтра... Ты каждый день говоришь мнѣ завтра. Мы еще двадцать дней будемъ ѣхать!

— Но, дружокъ, честное слово отца, мы прїѣдемъ завтра. Я никогда не лгу, а если насъ задержала выюга, то я не виноватъ.

— Я не могу больше терпѣть! Не могу, не могу!

Саша рѣзко дрыгнула ногой и огласила комнату неприят-нымъ визгливымъ плачемъ. Отецъ ее махнулъ рукой и рас-терянно поглядѣлъ на брюнетку. Та пожала плечами и нерѣшительно подошла къ Санѣ.

— Послунай, милая, — сказала она: — зачѣмъ же пла-кать? Правда, нехорошо, если болитъ плечо, но что же дѣлать?

— Видите ли, сударыня, — быстро заговорилъ мужчина, какъ бы оправдываясь: — мы не спали двѣ ночи и ѣхали въ отвратительномъ экипажѣ. Ну, конечно, естественно, что она больна и тоскуетъ... А тутъ еще, знаете ли, намъ пья-ный извозчикъ попался, чемоданъ у насъ украли... метель все время, но къ чему, сударыня, плакать? Впрочемъ, этотъ сонъ въ сидячемъ положеніи утомилъ меня, и я точно пья-ный. Ей-Богу, Саша, тутъ и безъ тебя тошно, а ты еще плачешь!

Мужчина покрутилъ головой, махнулъ рукой и сѣлъ.

— Конечно, не слѣдуетъ плакать, — сказала брюнетка. — Это только грудныя дѣти плачутъ. Если ты больна, милая, то надо раздѣться и спать... Давай-ка раздѣнемся!

Когда дѣвочка была раздѣта и успокоена, опять насту-

пило молчаніе. Брюнетка сидѣла у окна и съ недоумѣніемъ оглядывала трактирную комнату, образъ, печку... Повидимому, ей казались странными и комната, и дѣвочка съ ея толстымъ носомъ, въ короткой мальчишеской сорочкѣ, и дѣвочкинъ отецъ. Этотъ странный человѣкъ сидѣлъ въ углу, растерянно, какъ пьяный, поглядывалъ по сторонамъ и мялъ ладонью свое лицо. Онъ молчалъ, моргалъ глазами и, глядя на его виноватую фигуру, трудно было предположить, чтобъ онъ скоро началъ говорить. Но первый началъ говорить онъ. Погладивъ себѣ колѣни, каплянувъ, онъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Комедія, ей-Богу... Смотрю и глазамъ своимъ не вѣрю: ну, за какимъ лѣшнимъ судьба загнала насъ въ этотъ поганый трактиръ? Что она хотѣла этимъ выразить? Жизнь выдѣлываетъ иногда такія salto mortale, что только глуди и въ недоумѣніи глазами хлопай. Вы, сударыня, далеко изволите ѣхать?

— Пѣтъ, недалеко, — отвѣтила брюнетка. — Я ѣду изъ нашего имѣнія, отсюда верстъ двадцать, въ нашъ же хуторъ, къ отцу и брату. Я сама Иловайская, ну, и хуторъ также называется Иловайскимъ, двѣнадцать верстъ отсюда. Какая неприятная погода!

— Чего хуже!

Вошелъ хромой мальчикъ и вставилъ въ номадную банку новый огарокъ.

— Ты бы, хлопче, самоварчикъ намъ поставилъ! — обратился къ нему мужчина.

— Кто жъ теперь чай пить? — усмѣхнулся хромой. — Грѣхъ до обѣдни пить.

— Ничего, хлопче, не ты будешь горѣть въ аду, а мы...

За часомъ новыя знакомыя разговорились. Иловайская узнала, что ея собесѣдника зовутъ Григоріемъ Петровичемъ Лихаревымъ, что онъ родной братъ тому самому Лихареву, который въ одномъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ служитъ предводителемъ, и самъ былъ когда-то помѣщикомъ, но «своевременно прогорѣлъ». Лихаревъ же узналъ, что Иловайскую зовутъ Марьей Михайловной, что имѣнье у оя отца громадное, но что хозяйничать приходится только ей одной, такъ какъ отецъ и братъ смотрятъ на жизнь сквозь пальцы, безпечно и слишкомъ любятъ борзыхъ.

— Отецъ и братъ па хуторѣ одни-одинѣнешныи, гово-

рила Иловайская, шевеля пальцами (въ разговорѣ у нея была манера шевелить передъ своимъ колючимъ лицомъ пальцами и, послѣ каждой фразы, облизывать острымъ язычкомъ губы):—они, мужчины, народъ безпечный, и сами для себя пальцемъ не пошевельнуть. Воображаю, кто дастъ имъ разговѣться! Матери у насъ нѣтъ, а прислуга у насъ такая, что безъ меня и скатерти путемъ не постеляютъ. Можете теперь представить ихъ положеніе! Они останутся безъ розговѣнья, а я всю ночь должна здѣсь сидѣть! Какъ все это странно!

Иловайская пожалала плечами, отхлебнула изъ чашки и сказала:

— Есть праздники, которые имѣютъ свой запахъ. На Пасху, Троицу и на Рождество въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ. Даже невѣрующіе любятъ эти праздники. Мой братъ, напримѣръ, толкуетъ, что Бога нѣтъ, а на Пасху первый бѣжить къ заутренѣ.

Лихаревъ поднялъ глаза на Иловайскую и засмѣялся.

— Толкуютъ, что Бога нѣтъ,—продолжала Иловайская, тоже засмѣявшись:—по почему же, скажите мнѣ, всѣ знаменитые писатели, ученые, вообще умные люди, подъ конецъ жизни вѣруютъ?

— Кто, сударыня, въ молодости не умѣлъ вѣрить, тотъ не увѣруетъ и въ старости, будь онъ хоть расперенисатель.

Судя по канцлю, у Лихарева былъ басъ, но, вѣроятно изъ боязни говорить громко, или изъ излишней застѣнчивости, онъ говорилъ теноромъ. Помолчавъ немного, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Я такъ понимаю, что вѣра есть способность духа. Она все равно, что талантъ: съ нею надо родиться. Насколько я могу судить по себѣ, по тѣмъ людямъ, которыхъ видалъ на своемъ вѣку, по всему тому, что творилось вокругъ, эта способность присуща русскимъ людямъ въ высочайшей степени. Русская жизнь представляетъ изъ себя непрерывный рядъ вѣрованій и увлеченій, а невѣрія или отрицанія она еще, ежели желаете знать, и не нюхала. Если русскій человекъ не вѣритъ въ Бога, то это значить, что онъ вѣруетъ во что-нибудь другое.

Лихаревъ принялъ отъ Иловайской чашку съ чаемъ, отхлебнулъ сразу половину и продолжалъ:

— Я вамъ про себя скажу. Въ мою душу природа вложила необыкновенную способность вѣрить. Полжизни я состоялъ, не къ ночи будь сказано, въ штатѣ атеистовъ и нигилистовъ, но не было въ моей жизни ни одного часа, когда бы я не вѣровалъ. Всѣ таланты обнаруживаются обыкновенно въ раннемъ дѣтствѣ, такъ и моя способность давала уже себя знать, когда я еще подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ. Моя мать любила, чтобы дѣти много ѣли, и когда, бывало, кормила меня, то говорила: «Въшь! Главное въ жизни сунь!» Я вѣрилъ, ѣлъ этотъ сунь по десяти разъ въ день, ѣлъ какъ акула, до отвращенія и обморока. Разсказывала нянька сказки, и я вѣрилъ въ домовыхъ, въ лѣшихъ, во всякую чертовщину. Бывало, краду у отца сулему, посылаю ея пряники и ношу ихъ на чердакъ, чтобъ, видите ли, домовые поѣли и передохли. А когда научился читать и понимать читанное, то пошла писать губернія! Я и въ Америку бѣгалъ, и въ разбойники уходилъ, и въ монастырь просился, и мальчишекъ нанималъ, чтобъ они меня мучили за Христа. И замѣтите, вѣра у меня была всегда дѣятельная, не мертвая. Ежели я въ Америку убѣгалъ, то не одинъ, а совращалъ съ собой еще кого-нибудь, такого же дурака, какъ я, и радъ былъ, когда мерзъ за заставой и когда меня пороли; ежели въ разбойники уходилъ, то возвращался непременно съ разбитой рожей. Безпокойнѣйшее дѣтство, я вамъ доложу! А когда меня отдали въ гимназію и осыпали тамъ всякими истинами въ родѣ того, что земля ходитъ вокругъ солнца, или что бѣлый цвѣтъ не бѣлый, а состоитъ изъ семи цвѣтовъ, закружилась моя головунка! Все у меня полетѣло кругомъ: и Навинъ, остановившій солнце, и мать, во имя пророка Іліи отрицавшая громовотводы, и отецъ, равнодушный къ истинамъ, которыя я узналъ. Мое прозрѣніе вдохновило меня. Какъ пальной, ходилъ я по дому, по конюшнямъ, проповѣдывалъ свои истины, приходилъ въ ужасъ отъ невѣжества, пылалъ ненавистью ко всѣмъ, кто въ бѣломъ цвѣтѣ видѣлъ только бѣлое... Впрочемъ, все это пустяки и мальчишество. Серьезныя же, такъ сказать, мужественныя увлеченія начались у меня съ университета. Вы, сударыня, изволили гдѣ-нибудь окончить курсъ?

— Въ Новочеркасскѣ, въ Донскомъ институтѣ.

— А на курсахъ не были? Стало-быть, вы не знаете,

что такое науки. Всѣ науки, сколько ихъ есть на свѣтѣ, имѣютъ одинъ и тотъ же паспортъ, безъ котораго онѣ считаютъ себя невыслыми: стремленіе къ истинѣ! Каждая изъ нихъ даже какая-нибудь фармакогнозія, имѣетъ своею цѣлью не пользу, не удобства въ жизни, а истину. Замѣчательно! Когда вы принимаетесь изучать какую-нибудь науку, то васъ прежде всего поражаетъ ея начало. Я вамъ скажу, нѣтъ ничего увлекательнѣе и грандіознѣе, ничто такъ не ошеломляетъ и не захватываетъ человѣческаго духа, какъ начало какой-нибудь науки. Съ первыхъ же пяти-шести лекцій, васъ уже окрыляютъ самыя яркія надежды, вы уже кажетесь себѣ хозяиномъ истины. И я отдался наукамъ беззавѣтно, страстно, какъ любимой женщиной. Я былъ ихъ рабомъ и, кромѣ нихъ, не хотѣлъ знать никакого другого солнца. День и ночь, не разгибая спины, я зубрилъ, разорялся на книги, плакалъ, когда на моихъ глазахъ люди эксплуатировали науку ради личныхъ цѣлей. Но я не долго увлекался. Штука въ томъ, что у каждой науки есть начало, но вовсе нѣтъ конца, все равно, какъ у періодической дроби. Зоологія открыла 35.000 видовъ насекомыхъ, химія насчитываетъ 60 простыхъ тѣлъ. Если современемъ къ этимъ цифрамъ прибавится справа по десяти нолей, зоологія и химія такъ же будутъ далеки отъ своего конца, какъ и теперь, а вся современная научная работа заключается именно въ приращеніи цифръ. Сей фокусъ я уразумѣлъ, когда открылъ 35.001-й видъ и не почувствовалъ удовлетворенія. Ну-съ, разочарованія я не успѣлъ пережить, такъ какъ скоро мною овладѣла новая вѣра. Я ударился въ нигилизмъ съ его прокламаціями, черными передѣлами и всякими штуками. Ходилъ я въ народъ, служилъ на фабрикахъ, въ смазчикахъ, бурлакахъ. Потомъ, когда, шатаясь по Руси, я понюхалъ русскую жизнь, я обратился въ горячаго поклонника этой жизни. Я любилъ русскій народъ до страданія, любилъ и вѣровалъ въ его Бога, въ языкъ, творчество... И такъ далѣе, и такъ далѣе... Въ свое время былъ я славянофиломъ, надѣдалъ Аксакову письмами, и украинофиломъ, и археологомъ, и собирателемъ образцовъ народнаго творчества... увлекался я идеями, людьми, событіями, мѣстами... увлекался безъ перерыва! Пять лѣтъ тому назадъ я служилъ отрицанію собственности; послѣдней моею вѣрой было непротивленіе злу.

Саша прерывисто вздохнула и задвигалась. Лихаревъ поднялся и подошелъ къ ней.

— Дружочекъ мой, не хочешь ли чаю? — спросилъ онъ нѣжно.

— Пей самъ! — грубо отвѣтила дѣвочка.

Лихаревъ сконфузился и виноватой походкой вернулся къ столу.

— Значить, вамъ весело жилось, — сказала Иловайская. — Есть о чемъ вспомнить.

— Ну, да, все это весело, когда сидишь за чаемъ съ доброй собесѣдницей и болтаешь, но вы спросите, во что мнѣ обошлась эта веселость? Что стоило мнѣ разнообразіе моей жизни? Вѣдь я, сударыня, вѣровалъ не какъ нѣмецкій докторъ философін, не цирлихъ-мапирлихъ, не въ пустынь я жилъ, а каждая моя вѣра гнула меня въ дугу, рвала на части мое тѣло. Судите вы сами. Былъ я богатъ, какъ братья, но теперь я нищій. Въ чаду увлеченій я ухлопалъ и свое состояніе, и женино, — массу чужихъ денегъ. Мнѣ теперь 42 года, старость на носу, а я безпріютенъ, какъ собака, которая отсела ночью отъ обоза. Во всю жизнь мою я не зналъ, что такое покой. Душа моя непрерывно томилась, страдала даже надеждами... Я изнывалъ отъ тяжкаго безпорядочнаго труда, терпѣлъ лишения, разъ пять сидѣлъ въ тюрьмѣ, таскался по Архангельскимъ и Тобольскимъ губерніямъ... вспоминать больно! Я жилъ, но въ чаду не чувствовалъ самаго процесса жизни. Вѣрите ли, я не помню ни одной весны, не замѣчалъ, какъ любила меня жена, какъ рождались мои дѣти. Что еще сказать вамъ? Для всѣхъ, кто любилъ меня, я былъ несчастливъ... Моя мать вотъ уже 15 лѣтъ носитъ по мнѣ трауръ, а мои гордые братья, которымъ приходилось изъ-за меня болѣть душой, краснѣть, гнуть свои спины, сорить деньгами, подъ конецъ возненавидѣли меня, какъ отраву.

Лихаревъ поднялся и опять сѣлъ.

— Если бъ я былъ только несчастливъ, то я возблагодарилъ бы Бога, — продолжалъ онъ, не глядя на Иловайскую. — Мое личное несчастье уходитъ на задній планъ, когда я вспоминаю, какъ часто въ своихъ увлеченіяхъ я былъ нелѣпъ, далекъ отъ правды, несправедливъ, жестокъ, опасенъ! Какъ часто я всей душой ненавидѣлъ и презиралъ тѣхъ, кого слѣдовало бы любить и — наоборотъ. Измѣнялъ

я тысячу разъ. Сегодня я вѣрую, падаю ницъ, а завтра ужъ я трусомъ бѣгу отъ сегодняшнихъ моихъ боговъ и друзей и молча глотаю подлеца, котораго пускаютъ мнѣ вслѣдъ. Богъ одинъ видѣлъ, какъ часто отъ стыда за свои увлеченія я плакалъ и грызъ подушку. Ни разу въ жизни я умышленно не солгалъ и не сдѣлалъ зла, но не чиста моя совѣсть! Сударыня, я не могу даже похвастать, что на моей совѣсти нѣтъ ничьей жизни, такъ какъ на моихъ же глазахъ умерла моя жена, которую я изнурилъ своею безшабашностью. Да, моя жена! Послушайте, у насъ въ обществѣ преобладаютъ теперь два отношенія къ женщинамъ. Одни измѣряютъ женскіе черепа, чтобъ доказать, что женщина ниже мужчины, ищутъ ея недостатковъ, чтобъ глумиться надъ ней, оригинальничать въ ея же глазахъ и оправдать свою животность. Другіе же изъ всѣхъ силъ стараются поднять женщину до себя, т. е. заставить ее забыть 35.000 видовъ, говорить и писать тѣ же глупости, какія они сами говорятъ и пишутъ...

Лицо Лихарева потемнѣло.

— А я вамъ скажу, что женщина всегда была и будетъ рабой мужчины, — заговорилъ онъ басомъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Она нѣжный, мягкій воскъ, изъ котораго мужчина всегда лѣпилъ все, что ему угодно. Господи Боже мой, изъ-за грошоваго мужского увлеченія она стригла себѣ волосы, бросала семью, умирала на чужбинѣ... Между идеями, для которыхъ она жертвовала собой, нѣтъ ни одной женской... Беззавѣтная, преданная раба! Череновъ я не измѣрялъ, а говорю это по тяжкому, горькому опыту. Самыя гордыя самостоятельныя женщины, если мнѣ удавалось сообщать имъ свое вдохновеніе, шли за мной, не разсуждая, не спрашивая и дѣлая все, что я хотѣлъ; изъ монашенки я одѣлалъ нигилистку, которая, какъ потомъ я слышалъ, стрѣляла въ жаждарма; жена моя не оставляла меня въ моихъ скитаніяхъ ни на минуту и, какъ флюгеръ, мѣняла свою вѣру параллельно тому, какъ я мѣнялъ свои увлеченія.

Лихаревъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.

— Благородное, возвышенное рабство! — сказала онъ, всплескивая руками. — Въ немъ-то именно и заключается высокій смыслъ женской жизни! Изъ страннаго сумбура, накопившагося въ моей головѣ за все время моего общенія

съ женщинами, въ моей памяти, какъ въ фильтрѣ, уцѣлѣли не идеи, не умныя слова, не философія, а эта необыкновенная покорность судьбѣ, это необычайное милосердіе, всепрощеніе...

Лихаревъ сжалъ кулаки, уставился въ одну точку и съ какимъ-то страстнымъ напряженіемъ, точно обсасывая каждое слово, процѣдилъ сквозь сжатые зубы:

— Эта... эта великодушная выносливость, вѣрность до могилы, поэзія сердца... Смысль жизни именно въ этомъ безропотномъ мученичествѣ, въ слезахъ, которыя размягчаютъ камень, въ безграничной, всепрощающей любви, которая вноситъ въ хаосъ жизни свѣтъ и теплоту...

Иловайская медленно поднялась, сдѣлала шагъ къ Лихареву и впилась глазами въ его лицо. По слезамъ, которыя блестѣли на его рѣсницахъ, по дрожавшему, страстному голосу, по румянцу щекъ, для нея ясно было, что женщины были не случайною и не простою темою разговора. Онѣ были предметомъ его новаго увлеченія или, какъ самъ онъ говорилъ, новой вѣры! Первый разъ въ жизни Иловайская видѣла передъ собою человѣка увлеченнаго, горячо вѣрующаго. Жестикулируя, сверкая глазами, онъ казался ей безумнымъ, изступленнымъ, но въ огнѣ его глазъ, въ рѣчи, въ движеніяхъ всего большого тѣла чувствовалось столько красоты, что она, сама того не замѣчая, стояла передъ нимъ, какъ вкопанная, и восторженно глядѣла ему въ лицо.

— А возьмите вы мою мать!—говорилъ онъ, протягивая къ ней руки и дѣлая умоляющее лицо. — Я отравилъ ея существованіе, обезславилъ, по ея понятіямъ, родъ Лихаревыхъ, причинилъ ей столько зла, сколько можетъ причинить злѣйшій врагъ, и—что же? Братья выдають ей гроши на просфоры и молебны, а она, насилуя свое религіозное чувство, копить эти деньги и тайкомъ плетъ ихъ своему безпутному Григорію! Одна эта мелочь воспитаетъ и облагородитъ душу гораздо сильнѣе, чѣмъ всѣ теоріи, умныя слова, 35.000 видовъ! Я вамъ могу тысячу примѣровъ привести. Да вотъ хоть бы васъ взять! На дворѣ вьюга, ночь, а вы ѣдете къ брату и отцу, чтобы въ праздникъ согрѣть ихъ лаской, хотя они, быть-можетъ, не думаютъ, забыли о васъ. А погодите, полюбите человѣка, такъ вы за нимъ на сѣверный полюсъ пойдете. Вѣдь пойдете?

— Да, если... люблю.

— Вот видите!—обрадовался Лихаревъ и даже ногою притопнулъ.—Ей-Богу, такъ я радъ, что съ вами познакомился! Такая добрая моя судьба, все я съ великолѣпными людьми встрѣчаюсь. Что ни день, то такое знакомство, что за человѣка просто бы душу отдалъ. На этомъ свѣтѣ хорошихъ людей гораздо больше, чѣмъ злыхъ. Вотъ подите же, такъ мы съ вами откровенно и по душамъ поговорили, какъ будто сто лѣтъ знакомы. Иной разъ, доложу я вамъ, лѣтъ десять крѣпился, молчишь, отъ друзей и жены скрытничашь, а встрѣтишь въ вагонѣ кадета и всю ему душу выболтаешъ. Васъ я имѣю честь видѣть только первый разъ, а покаялся вамъ, какъ никогда не каялся. Отчего это?

Потирая руки и весело улыбаясь, Лихаревъ прошелся по комнатѣ и опять заговорилъ о женщинахъ. Между тѣмъ зазвонили къ заутренѣ.

— Господи!—заплакала Саша.—Онь своими разговорами не даетъ мнѣ спать!

— Ахъ, да!—спохватился Лихаревъ.—Виновать, дружочекъ. Спи, спи... Кромѣ нея, у меня еще двое мальчиковъ есть,—зашепталъ онъ.—Тѣ, сударыня, у дяди живутъ, а эта не можетъ и дня продышать безъ отца. Страдаетъ, ропщеть, а липнетъ ко мнѣ, какъ муха къ меду. Я, сударыня, заболтался, а оно бы и вамъ не мѣшало отдохнуть. Не угодно ли, я сдѣлаю вамъ постель?

Не дожидаясь позволенія, онъ встряхнулъ мокрый салопъ и растянулъ его по скамьѣ, мѣхомъ вверхъ, подобралъ разбросанные платки и шали, положилъ у изголовья свернутое въ трубку пальто, и все это молча, съ выраженіемъ подобострастнаго благоговѣнія на лицѣ, какъ будто возилъ не съ женскими тряпками, а съ осколками освященныхъ сосудовъ. Во всей его фигурѣ было что-то виноватое, конфузливое, точно въ присутствіи слабаго существа онъ стыдился своего роста и силы...

Когда Иловайская легла, онъ потушилъ свѣчку и сѣлъ га табуретъ около печки.

— Такъ-то, сударыня,—шепталъ онъ, закуривая толстую папиросу и пуская дымъ въ печку.—Природа вложила въ русскаго человѣка необыкновенную способность вѣрвать, испытующій умъ и даръ мыслительства, но все это разби-

пасть въ прахъ о безпечность, дѣнь и мечтательное легкомысліе... Да-съ...

Иловайская удивленно вглядывалась въ потемки и видѣла только красное пятно на образѣ и мельканіе печного свѣта на лицѣ Лихарева. Потемки, колокольный звонъ, ревъ мотели, хромой мальчикъ, ропщущая Салпа, несчастный Лихаревъ и его рѣчи—все это мѣшалось, вырастало въ одно громадное впечатлѣніе, и міръ Божій казался ей фантастичнымъ, полнымъ чудесъ и чарующихъ силъ. Все только-что слышанное звучало въ ея ушахъ, и жизнь человѣческая представлялась ей прекрасной, поэтической сказкой, въ которой нѣтъ конца.

Громадное впечатлѣніе росло и росло, завлекло собою сознаніе и обратилось въ сладкій сонъ. Иловайская спала, но видѣла лампадку и толстый носъ, по которому прыгаль красный свѣтъ.

Слышала она плачь.

— Дорогой папа, — нѣжно умолялъ дѣтскій голосъ: — вернемся къ дядѣ! Тамъ елка! Тамъ Степа и Коля!

— Дружочекъ мой, что же я могу сдѣлать? — убѣждалъ тихій мужской басъ.—Пойми меня! Ну, пойми!

И къ дѣтскому плачу присоединился мужской. Этотъ голосъ человѣческаго горя среди воя непогоды коснулся слуха дѣвушки такой сладкой, человѣческой музыкой, что она не вынесла наслажденія и тоже заплакала. Слышала она потомъ, какъ большая черная тѣнь тихо подходила къ ней, поднимала съ полу упавшую шаль и кутала ея ноги.

Разбудилъ Иловайскую странный ревъ. Она вскочила и удивленно поглядѣла вокругъ себя. Въ окна, наполовину занесенныя снѣгомъ, глядѣла синева разсвѣта. Въ комнатѣ стояли сѣрыя сумерки, сквозь которыя ясно вырисовывались и печка, и спавшая дѣвочка, и Насръ-Эддинъ. Печь и лампадка уже потухли. Въ раскрытую настежь дверь видна была большая трактирная комната съ прилавкомъ и столами. Какой-то человѣкъ, съ тунымъ, цыганскимъ лицомъ, съ удивленными глазами, стоялъ посреди юмнаты на лужѣ растаявшаго снѣга и держалъ на пальцѣ большую красную звѣзду. Его окружала толпа мальчишекъ, неподвижныхъ, какъ статуи, и облѣпленныхъ снѣгомъ. Свѣтъ звѣзды, проходя сквозь красную бумагу, румянилъ ихъ мок-

рыя лица. Толпа безпорядочно ревіла, и изъ ея рева Иловайская поняла только одинъ кушлетъ:

Гей, ты, хлопчикъ маленький,
Бери ножикъ тоненькій,
Убьемъ, убьемъ жиду,
Прискорбнаго сына...

Около прилавка стоялъ Лихаревъ, глядѣлъ съ умиленіемъ на нѣвцовъ и притопывалъ въ тактъ ногой. Увидѣвъ Иловайскую, онъ улыбнулся во все лицо и подошелъ къ ней. Она тоже улыбнулась.

Съ праздникомъ!—сказалъ онъ.—Я видѣлъ, вы хорошо спали.

Иловайская глядѣла на него, молчала и продолжала улыбаться.

Послѣ ночныхъ разговоровъ онъ ужъ казался ей не высокимъ, не широкоплечимъ, а маленькимъ, подобно тому, какъ намъ кажется маленькимъ самый большой пароходъ, про который говорятъ, что онъ проплылъ океанъ.

— Ну, мнѣ пора ѣхать,—сказала она.—Надо одѣваться. Скажите, куда же вы теперь направляетесь?

— Я-съ? На станцію Клинушки, оттуда въ Сергіево, а изъ Сергіева 40 верстъ на лошадахъ въ угольные шахты одного дурня, нѣкоего генерала Шашковскаго. Тамъ мнѣ братья мѣсто управляющаго нашли... Буду уголь копать.

— Позвольте, я эти шахты знаю. Вѣдь Шашковскій мой дядя. Но... зачѣмъ вы туда ѣдете?—спросила Иловайская, удивленно оглядывая Лихарева.

— Въ управляющіе. Шахтами управлять.

— Не понимаю!—пожала плечами Иловайская.— Вы ѣдете въ шахты. Но вѣдь тамъ голая степь, безлюдье, скука такая, что вы дня не проживете! Уголь отвратительный, никто его не покупаетъ, а мой дядя маньякъ, деспотъ, банкротъ... Вы и жалованья не будете получать!

— Все равно,—сказалъ равнодушно Лихаревъ. И за шахты спасибо.

Иловайская пожала плечами и въ волненіи заходила по комнатѣ.

— Не понимаю, не понимаю!—говорила она, шевеля передъ своимъ лицомъ пальцами.—Это невозможно и... и неразумно! Вы поймите, что это... это хуже ссылки, это могила для живого человѣка! Ахъ, Господи,—горячо сказала

она, подходя къ Лихареву и шевеля пальцами передъ его улыбающимся лицомъ; верхняя губа ее дрожала и колючее лицо поблѣднѣло.—Ну, представьте вы голую степь, одиночество. Тамъ не съ кѣмъ слова сказать, а вы... увлечены женщинами! Шахты и женщины!

Иловайская вдругъ устыдилась своей горячности и, отвернувшись отъ Лихарева, отошла къ окну.

Нѣтъ, нѣтъ, вамъ туда нельзя ѣхать!—сказала она, быстро водя пальцемъ по стеклу.

Не только душой, но даже спиной ощущала она, что позади нея стоитъ безконечно несчастный, пропавшій, заброшенный человѣкъ, а онъ, точно не сознавая своего несчастья, точно не онъ плакалъ ночью, глядѣлъ на нее и добродушно улыбался. Ужъ лучше бы онъ продолжалъ плакать! Нѣсколько разъ въ волненіи прошлась она по комнатѣ, потомъ остановилась въ углу и задумалась. Лихаревъ что-то говорилъ, но она его не слышала. Повернувшись къ нему спиной, она вытащила изъ портмонэ четвертную бумажку, долго мяла ее въ рукахъ и, оглянувшись на Лихарева, покраснѣла и сунула бумажку къ себѣ въ карманъ.

За дверью послышался голосъ кучера. Иловайская, молча, со строгимъ, сосредоточеннымъ лицомъ, стала одѣваться. Лихаревъ куталъ ее и весело болталъ, но каждое его слово ложилось на ее душу тяжестью. Не весело слушать, когда балагурятъ несчастные или умирающіе.

Когда было кончено превращеніе живого человѣка въ безформенный узелъ, Иловайская оглядѣла въ послѣдній разъ «проѣзжающую», постояла молча и медленно вышла. Лихаревъ пошелъ проводить ее...

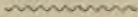
А на дворѣ все еще, Богъ знаетъ чего ради, злилась зима. Цѣлыя облака мягкаго крупнаго снѣга безпокойно кружились надъ землей и не находили себѣ мѣста. Лошади, сани, деревья, быкъ, привязанный къ столбу — все было бѣло и казалось мягкимъ, пушистымъ.

— Ну, дай Богъ вамъ,—бормоталъ Лихаревъ, усаживал Иловайскую въ сани.— Не поминайте лихомъ...

Иловайская молчала. Когда сани тронулись и стали объѣзжать большой сугробъ, она оглянулась на Лихарева съ такимъ выраженіемъ, какъ будто что-то хотѣла сказать ему. Тотъ подбѣжалъ къ ней, но она не сказала ему ни

слова, а только взглянула на него сквозь длинные рѣсницы, на которыхъ висли снѣжинки...

Сумѣла ли въ самомъ дѣлѣ его чуткая душа прочесть этотъ взглядъ, или, быть-можетъ, его обмануло воображеніе, но ему вдругъ стало казаться, что еще бы два-три хорошихъ, сильныхъ штриха, и эта дѣвушка простила бы ему его неудачи, старость, бездолье и пошла бы за нимъ, не спрашивая, не разсуждая. Долго стоялъ онъ, какъ вкопанный, и глядѣлъ на слѣдъ, оставленный полозьями. Снѣжинки жадно садились на его волосы, бороду, плечи... Скоро слѣдъ отъ полозьевъ исчезъ, и самъ онъ, покрытый снѣгомъ, сталъ походить на бѣлый утесъ, но глаза его все еще искали чего-то въ облакахъ снѣга.

НЕСЧАСТЬЕ.

Софья Петровна, жена нотариуса Лубянцева, красивая молодая женщина, лѣтъ двадцати-пяти, тихо пла по лѣсной просѣлкѣ со своимъ сосѣдомъ по дачѣ, присяжнымъ повѣреннымъ Ильинымъ. Былъ пятый часъ вечера. Надъ просѣлкой ступились бѣлые, пушистыя облака; изъ-подъ нихъ кое-гдѣ проглядывали ярко-голубые клочки неба. Облака стояли неподвижно, точно зацѣпились за верхушки высокихъ, старыхъ сосенъ. Было тихо и душно.

Вдали просѣлка перерѣзывалась невысокой желѣзнодорожной насыпью, по которой на этотъ разъ шагала для чего-то часовой съ ружьемъ. Тотчасъ же за насыпью бѣлѣла большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей...

— Я не ожидала встрѣтиться здѣсь съ вами, — говорила Софья Петровна, глядя въ землю и трогая концомъ зонта прошлогодніе листья: — и теперь рада, что встрѣтилась. Мнѣ нужно говорить съ вами серьезно и окончательно. Прошу васъ, Иванъ Михайловичъ, если вы, дѣйствительно, любите меня и уважаете, то прекратите вы ванн преслѣдованіи! Вы ходите за мной, какъ тѣнь, вѣчно смотрите на меня нехорошими глазами, объясняетесь въ любви, пишете странные письма и... и я не знаю, когда все это кончится! Ну, къ чему это поведетъ, Господи Боже мой?

Ильинъ молчалъ. Софья Петровна прошла нѣсколько шаговъ и продолжала:

— И эта рѣзкая переменна произошла въ васъ въ какія-нибудь двѣ-три недѣли, послѣ пятилѣтняго знакомства. Не узнаю васъ Иванъ Михайловичъ!

Софья Петровна искоса взглянула на своего спутника. Онъ внимательно, щуя глаза, глядѣлъ на пушистыя облака. Выраженіе лица его было злое, капризное и разсѣянное, какъ у человѣка, который страдаетъ и въ то же время обязанъ слушать вздоръ.

— Удивительно, какъ это вы сами не можете понять!— продолжала Лубянцева, пожавъ плечами.— Поймите, что вы затѣваете не совсѣмъ красивую игру. Я замужемъ, люблю и уважаю своего мужа... у меня есть дочь... Неужели вы это ни во что не ставите? Кромѣ того, вамъ, какъ моему старинному пріятелю, извѣстенъ мой взглядъ на семью... на семейныя основы вообще...

Ильинъ досадливо крикнулъ и вздохнулъ.

— Семейныя основы... — пробормоталъ онъ. — О, Господи!

— Да, да... Я люблю мужа, уважаю и во всякомъ случаѣ дорожу покоемъ семьи. Скорѣй я позволю убить себя, чѣмъ быть причиной несчастья Андрея и его дочери... И я прошу васъ, Иванъ Михайловичъ, ради Бога, оставьте меня въ покоѣ. Будемте попрежнему добрыми и хорошими друзьями, а эти вздохи да ахи, которые вамъ не къ лицу, бросьте. Рѣшено и кончено! Больше ни слова объ этомъ. Давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Софья Петровна опять покосилась на лицо Ильина. Ильинъ глядѣлъ вверхъ, былъ блѣденъ и сердито кусалъ дрожащія губы. Лубянцовой было непонятно, на что онъ злился и чѣмъ возмущался, но его блѣдность тронула ее.

— Не сердитесь же, будемте друзьями... — сказала она ласково.— Согласны? Вотъ вамъ моя рука.

Ильинъ взялъ ея маленькую, пухлую руку въ свои обѣ, помялъ ее и медленно поднесъ къ губамъ.

— Я не гимназистъ,— пробормоталъ онъ.— Меня нимало не соблазняетъ дружба съ любимой женщиной.

— Довольно, довольно! Рѣшено и кончено. Мы дошли до скамьи, давайте сядемте...

Душу Софьи Петровны наполнило сладкое чувство отдыха: самое трудное и щекотливое было уже сказано, мучительный вопросъ рѣшенъ и конченъ. Теперь ужъ она могла легко вздохнуть и глядѣть Ильину прямо въ лицо. Она глядѣла на него, и эгоистическое чувство превосходства любимой женщины надъ влюбленнымъ пріятно ласкало

ее. Ей правилось, какъ этотъ сильный, громадный мужчина, съ мужественнымъ, злымъ лицомъ и съ большою черной бородой, умный, образованный и, какъ говорятъ, талантливый, послушно сѣлъ рядомъ съ ней и понурилъ голову. Минуты двѣ-три сидѣли они молча.

— Ничего еще не рѣшено и не кончено... — началъ Ильинъ. — Вы мнѣ словно изъ прописи читаете: «Люблю и уважаю мужа... семейныя основы...» Все это я и безъ васъ знаю и могу сказать вамъ больше. Искренно и честно говорю вамъ, что это мое поведеніе я считаю преступнымъ и безпирравственнымъ. Чего, кажется, больше? Но къ чему говорить то, что уже всѣмъ извѣстно? вмѣсто того, чтобы кормить соловья жалкими словами, вы бы лучше научили меня: что мнѣ дѣлать?

— Я уже говорила вамъ: уѣзжайте!

— Я уже — вы это отлично знаете — уѣзжалъ пять разъ и всякій разъ возвращался съ полдороги! Я могу показать вамъ билеты прямого сообщенія — всѣ они у меня цѣлы. Нѣтъ воли бѣжать отъ васъ! Я борюсь, страшно борюсь, но куда къ чорту я годенъ, если во мнѣ нѣтъ закала, если я слабъ, малодушенъ! Не могу я съ природой бороться! Понимаете? Не могу! Я бѣгу отсюда, а она меня за фалды держитъ. Пошлое, гнусное безсиліе!

Ильинъ покраснѣлъ, всталъ и заходилъ около скамьи.

— Какъ собака, злѣю! — проворчалъ онъ, сжимая кулаки. — Ненавижу себя и презираю! Боже мой, какъ развратный мальчишка, волочусь за чужой женой, пишу идиотскія письма, унижаюсь... эхъ!

Ильинъ схватилъ себя за голову, крикнулъ и сѣлъ.

— А тутъ еще ваша неискренность! — продолжалъ онъ съ горечью. — Если вы противъ моей некрасивой игры, то зачѣмъ же вы сюда пришли? Что тянуло васъ сюда? Въ своихъ письмахъ я прошу у васъ только категорическаго, прямого отвѣта — да, или нѣтъ, а вы вмѣсто прямого отвѣта норовите каждый день «нечаянно» встрѣтиться со мной и угощаете меня цитатами изъ прописей!

Лубянцева испугалась и вспыхнула. Она вдругъ почувствовала неловкость, какую порядочнымъ женщинамъ приходится испытывать, когда ихъ нечаянно застаютъ неодѣтыми.

— Вы словно подозреваете съ моей стороны игру... — за-

бормотала она.—Я всегда давала вамъ прямой отвѣтъ и... и сегодня просила васъ!

— Ахъ, да развѣ въ такихъ дѣлахъ просятъ? Если бы вы сразу сказали «подите прочь!» — меня давно бы здѣсь не было, но вы не сказали мнѣ этого. Ни разу вы не отвѣтили мнѣ прямо. Странная нерѣшительность! Ей-Богу, вы или играете мной, или же...

Ильинъ не договорилъ и подперъ голову кулаками. Софья Петровна стала припоминать свое поведеніе отъ начала до конца. Она помнила, что всѣ дни она не только на дѣлѣ, но даже въ своихъ сокровенныхъ мысляхъ была противъ ухаживаній Ильина, но въ то же время чувствовала, что въ словахъ адвоката есть доля правды. И не зная, какова эта правда, она, какъ ни думала, не нашла, что сказать Ильину въ отвѣтъ на его жалобу. Неловко было молчать и она сказала, пожавъ плечами:

— Я же еще и виновата.

— Не ставлю я вамъ въ вину вашу неискренность, — вздохнулъ Ильинъ.—Это я такъ, къ слову пришлось... Ваша неискренность и естественна, и въ порядкѣ вещей. Если бы всѣ люди сговорились и стали вдругъ искренни, то все бы у нихъ пошло къ чорту, прахомъ.

Софья Петровна было не до философіи, но она обрадовалась случаю переѣхать разговоръ и спросила:

— То-есть почему же?

— А потому, что искренни одни только дикари да животные. Разъ цивилизація внесла въ жизнь потребность въ такомъ комфортѣ, какъ, напримѣръ, женская добродѣтель, то ужъ тутъ искренность неумѣстна...

Ильинъ сердито ковырнулъ тростью по песку. Лубянцева слушала его, многого не понимала, но разговоръ его нравился ей. Ей прежде всего нравилось, что съ нею, съ обыкновенной женщиной, талантливый человѣкъ говоритъ «объ умномъ»; затѣмъ ей доставляло большое удовольствіе глядѣть, какъ двигалось блѣдное, живое и все еще сердитое, молодое лицо. Многого она не понимала, но для нея ясно была эта красивая смѣлость современнаго человѣка, съ какою онъ, не задумываясь и ничто же сумняся, рѣшаетъ большіе вопросы и строитъ окончательные выводы.

Она вдругъ спохватилась, что любитъ его, и испугалась.

— Простите, но я не понимаю,—поторопилась она сказать:—зачѣмъ вы заговорили о неискренности? Повторяю еще разъ мою просьбу: будьте хорошимъ, добрымъ другомъ, оставьте меня въ покоѣ! Искренно прошу!

— Хорошо, буду еще бороться! — вздохнулъ Ильинъ. — Радъ стараться... Только едва ли выйдетъ что-нибудь изъ моей борьбы. Или пулю пуцу себѣ въ лобъ, или же... запылю самымъ дурацкимъ образомъ. Не одобровать мнѣ! Все имѣетъ свою мѣру, борьба съ природой тоже. Скажите, какъ можно бороться съ сумасшествіемъ? Если вы выпьете вина, то какъ вы превозможете возбужденіе? Что я могу подѣлать, если ваннъ образъ приросъ къ моей душѣ и неотвязчиво, день и ночь, стоитъ передъ моими глазами, какъ сейчасъ вотъ эта сосна? Ну, научите же, какой подвигъ я долженъ совершить, чтобы избавиться отъ этого мерзкаго, несчастнаго состоянія, когда всѣ мои мысли, желанія, сны принадлежать не мнѣ, а какому-то демону, который засѣлъ въ меня? Я люблю васъ, люблю до того, что выбился изъ колеи, бросаю дѣло и близкихъ людей, забывъ своего Бога! Никогда въ жизни я не любилъ такъ!

Софья Петровна, не ожидавшая такого перехода, подавалась корпусомъ отъ Ильина и съ испугомъ поглядѣла на его лицо. У него на глазахъ выступили слезы, губы дрожали и по всему лицу было разлито какое-то голодное, умоляющее выраженіе.

— Я люблю васъ! — бормоталъ онъ, приближая свои глаза къ ея большимъ, испуганнымъ глазамъ. — Вы такъ прекрасны! Страдаю я сейчасъ, но, клянусь, всю жизнь я просидѣлъ бы такъ, страдая и глядя въ ваши глаза. Но... молчите, умоляю васъ!

Софья Петровна, словно застигнутая врасплохъ, стала быстро-быстро придумывать слова, какими бы она могла остановить Ильина. «Уйду!» — рѣшила она, но не успѣла она сдѣлать движенія, чтобы подняться, какъ Ильинъ стоялъ уже на колѣняхъ у ея ногъ... Онъ обнималъ ея колѣни, глядѣлъ ей въ лицо и говорилъ страстно, горячо, красиво. Въ страхъ и чадѣ она не слыхала его словъ; почему-то теперь, въ этотъ опасный моментъ, когда колѣни ея пріятно пожимались, какъ въ теплой ваннѣ, она съ какимъ-то злымъ ехидствомъ искала въ своихъ ощущеніяхъ смысла. Злилась она, что всю ее, вмѣсто протестующей добродѣтели, напол-

няли безсиліе, лѣнь и пустота, какъ у пьянаго, которому море по колѣно; лишь въ глубинѣ души какой-то отдаленный кусочекъ злорадно поддразнивалъ: «Отчего же не уходишь? Значить, это такъ и должно быть? Да?»

Ища въ себѣ смысла, она не понимала, какъ это она не отдернула руки, къ которой пивкой присосался Ильинъ, и чего ради она поторопилась взглянуть въ одно время съ Ильинымъ направо и налево, не глядитъ ли кто-нибудь? Сосны и облака стояли неподвижно и глядѣли сурово, на манеръ старыхъ дядекъ, видящихъ шалость, но обязавшихся за деньги не доносить начальству. Часовой столбомъ стоялъ на насыпи и, кажется, глядѣлъ на скамью.

«Пусть глядитъ!» — подумала Софья Петровна.

— Но... но послушайте! — проговорила она, наконецъ, съ отчаяніемъ въ голосѣ. — Къ чему же это поведетъ? Что потомъ будетъ?

— Не знаю, не знаю... — зашепталъ онъ, отмахиваясь рукой отъ непріятныхъ вопросовъ.

Послышался сильный, дребезжащій свистъ локомотива. Этотъ посторонній, холодный звукъ обыденной прозы заставилъ Лубянцева встрепенуться.

— Мнѣ некогда... пора! — сказала она, быстро поднимаясь. — Поѣздъ идетъ... Андрей ѣдетъ! Ему нужно обѣдать.

Софья Петровна обратилась пылающимъ лицомъ къ насыпи. Сначала медленно проползъ локомотивъ, за нимъ показались вагоны. Это былъ не дачный поѣздъ, какъ думала Лубянцева, а товарный. Длинной вереницей одинъ за другимъ, какъ дни человеческой жизни, потянулись по бѣлому фону церкви вагоны, и казалось, конца имъ не было!

Но вотъ, наконецъ, поѣздъ кончился, и послѣдній вагонъ съ фонарями и кондукторомъ исчезъ за зеленью. Софья Петровна рѣзко повернулась и, не глядя на Ильина, быстро пошла назадъ по просѣлкѣ. Она уже владѣла собой. Красная отъ стыда, оскорбленная не Ильинымъ, нѣтъ, а своимъ собственнымъ малодушіемъ, своимъ безстыдствомъ, съ какимъ она, нравственная и чистоплотная, позволила чужому обнимать ея колѣна, она теперь объ одномъ только и думала, какъ бы скорѣе дойти до своей дачи, до семьи. Адвокатъ едва поспѣвалъ за ней. Поворачивая съ просѣлки на узкую тропинку, она оглянулась на него такъ быстро, что

увидѣла только песокъ на его колѣняхъ, и махнула ему рукой, чтобы онъ оставилъ ее.

Прибѣжавъ домой, Софья Петровна минутъ пять стояла неподвижно въ своей комнатѣ и глядѣла то на окно, то на свой письменный столъ...

— Мерзавка! — бранила она себя. — Мерзавка!

На зло себѣ, она во всѣхъ подробностяхъ, ничего не утаивая, припомнила, что всѣ эти дни она была противъ ухаживаній Ильина, но что ее *тянуло* идти объясниться съ нимъ; мало того, когда онъ валялся у ея ногъ, то она чувствовала необыкновенное наслажденіе. Припомнила она все, не жалѣя себя, и теперь, задыхаясь отъ стыда, была бы рада надавать себѣ пощечинъ.

«Вѣднй Андрей, — думала она, стараясь при воспомнаніи о мужѣ иридать своему лицу возможно иѣжное выраженіе. — Варя, бѣдная моя дѣвочка, не знаетъ, какая у нея мать! Простите меня, милые! Я васъ люблю очень... очень!»

И, желая доказать самой себѣ, что она еще хорошая жена и мать, что порча еще не коснулась тѣхъ ея «основъ», о которыхъ она говорила Ильину, Софья Петровна побѣжала въ кухню и раскричалась тамъ на кухарку за то, что та не собирала еще на столъ для Андрея Ильича. Она постаралась представить себѣ утомленный и голодный видъ мужа, вслухъ пожалѣла его и собственноручно собрала для него на столъ, чего раньше никогда не дѣлала. Потомъ она нашла свою дочку Варю, подняла ее на руки и горячо обняла; дѣвочка показалась ей тяжелой и холодной, но она не хотѣла сознаться себѣ въ этомъ и принялась объяснять ей, какъ хороша, честна и добра ея мама.

Зато, когда вскорѣ пріѣхалъ Андрей Ильичъ, она едва поздоровалась съ нимъ. Наплывъ напускныхъ чувствъ уже прошелъ, ничего ей не доказавъ, а только раздраживъ и озливъ ее своею ложью. Она сидѣла у окна, страдала и злилась. Только въ бѣдѣ люди могутъ понять, какъ не легко быть хозяиномъ своихъ чувствъ и мыслей. Софья Петровна потомъ рассказывала, что въ ней происходила «путаница, въ которой такъ же было трудно разобраться, какъ сосчитать быстро летящихъ воробьевъ». Изъ того, наиримѣръ, что она не обрадовалась приходу мужа, что ей не понра-

вилось, какъ онъ держалъ себя за обѣдомъ, она вдругъ заключила, что въ ней начинается ненависть къ мужу.

Андрей Ильичъ, томный отъ голода и утомленія, въ ожиданіи пока ему подадутъ супъ, набросился на колбасу и ѣлъ ее съ жадностью, громко жуя и двигая висками.

«Боже мой,—думала Софья Петровна:—я люблю его и уважаю, но... зачѣмъ онъ такъ противно жуетъ?»

Въ мысляхъ происходилъ беспорядокъ не меньшій, чѣмъ въ чувствахъ. Лубянцева, какъ и всѣ неопытные въ борьбѣ съ неприятными мыслями, изъ всѣхъ силъ старалась не думать о своей бѣдѣ, и чѣмъ усерднѣе она старалась, тѣмъ рельефнѣе выступалъ въ ея воображеніи Ильинъ, песокъ на его колѣняхъ, пушистыя облака, поѣздъ...

«И зачѣмъ я, глупая, пошла сегодня?—мучилась она.—И неужели я такая, что мнѣ нельзя ручаться за себя?»

У страха глаза велики. Когда Андрей Ильичъ доѣдалъ послѣднее блюдо, она уже была полна рѣшимости: рассказать все мужу и бѣжать отъ опасности!

— Мнѣ, Андрей, нужно поговорить съ тобой серьезно,—начала она послѣ обѣда, когда ея мужъ снималъ сюртукъ и сапоги, чтобы лечь отдохнуть.

— Ну?

— Уѣдемъ отсюда!

— Гм... куда? Въ городъ еще рано.

— Нѣтъ, путешествовать, или что-нибудь въ родѣ...

— Путешествовать...— пробормоталъ нотариусъ, потягиваясь.—Я и самъ объ этомъ мечтаю, да гдѣ взять денегъ и на кого я контору оставлю?

И, подумавъ немного, онъ прибавилъ:

— Дѣйствительно, тебѣ скучно. Поѣзжай сама, если хочешь!

Софья Петровна согласилась, но тотчасъ же сообразила, что Ильинъ обрадуется случаю и поѣдетъ съ ней въ одномъ поѣздѣ, въ одномъ вагонѣ... Она думала и глядѣла на своего мужа, сытаго, но все еще томнаго. Почему-то взгляды ея остановились на его ногахъ, миниатюрныхъ, почти женскихъ, обутыхъ въ полосатые носки; на кончикахъ обоихъ носковъ торчали ниточки...

За спущенной шторой бился о стекло и жужжалъ шмель. Софья Петровна глядѣла на ниточки, слушала шмеля и представляла себѣ, какъ она ѣдетъ... Vis-à-vis день и ночь

сидить Ильинъ, не сводящій съ нея глазъ, злой на свое безсиліе и блѣдный отъ душевной боли. Онъ величаетъ себя развратнымъ мальчишкой, бранить ее, рветъ у себя волосы на головѣ, но дождавшись темноты и уллучивъ время, когда пассажиры засыпаютъ или выходятъ на станцію, падаетъ передъ ней на колѣни и сжимаетъ ей ноги, какъ тогда у скамьи...

Она спохватилась, что мечтаетъ...

— Послунай, одна я не поѣду!—сказала она.—Ты долженъ со мной ѣхать!

— Фантазія, Софочка! — вздохнулъ Лубянцевъ. — Надо быть серьезной и желать только возможнаго.

«Поѣдешь, когда узнаешь!»—подумала Софья Петровна.

Рѣшивъ уѣхать во что бы то ни стало, она почувствовала себя внѣ опасности; мысли ея мало-по-малу пришли въ порядокъ, она повеселѣла и даже позволила себѣ обо всемъ думать: какъ ни думай, ни мечтай, а все равно ѣхать! Пока спалъ мужъ, мало-по-малу наступалъ вечеръ... Она сидѣла въ гостиной и играла на піанино. Вечернее оживленіе за окнами, звуки музыки, но главное—мысль, что она умница, справилась съ бѣдой, окончательно развеселили ее. Другія женщины,—говорила ей покойная совѣсть:—въ ея положеніи навѣрное бы не устояли и закружились вихремъ, а она едва не сгорѣла со стыда, страдала и теперь бѣжитъ отъ опасности, которой, быть-можетъ, и нѣтъ! Такъ ее умиляли ея добродѣтель и рѣшимость, что она даже раза три на себя въ зеркало взглянула.

Когда стемнѣло, пришли гости. Мужчины сѣли въ столовой играть въ карты, дамы заняли гостиную и террасу. Позднѣ всѣхъ явился Ильинъ. Онъ былъ печаленъ, угрюмъ и какъ будто боленъ. Какъ сѣлъ въ уголь дивана, такъ не поднимался во весь вечеръ. Обыкновенно веселый и разговорчивый, на этотъ разъ онъ все время молчалъ, хмурился и почесывалъ около глазъ. Когда приходилось отвѣчать на чей-нибудь вопросъ, онъ черезъ силу улыбался одной только верхней губой и отвѣчалъ отрывисто, со злобой. Разъ пять онъ сострилъ, но остроты его выинли жестки и дерзки. Софья Петровна казалось, что онъ близокъ къ истерикѣ. Только теперь, сидя за піанино, она впервые ясно сознавала, что этому несчастному человѣку не до шутокъ, что онъ боленъ душой и не находитъ себѣ мѣста. Ради нея онъ губитъ

лучшіе дни своей карьеры и молодости, тратитъ послѣднія деньги на дачу, бросилъ на произволъ судьбы мать и сестеръ, но главное — изнемогаетъ въ мученической борьбѣ съ самимъ собою. Изъ простаго обиходнаго человѣколюбія слѣдовало бы отнестись къ нему серьезно...

Она сознала все это ясно, до боли въ сердцѣ, и если бы въ это время она подошла къ Ильину и сказала ему «нѣтъ!», то въ голосѣ ея была бы сила, которой трудно было бы послушаться. Но она не подошла и не сказала, да и не подумала объ этомъ... Мелочность и эгоизмъ молодой натуры никогда, кажется, не сказались въ ней такъ сильно, какъ въ этотъ вечеръ. Она сознавала, что Ильинъ несчастливъ и сидитъ на диванѣ, какъ на угольяхъ, ей было больно за него, но въ то же время присутствіе человѣка, который любитъ ее до страданія, наполняло ея душу торжествомъ, ощущеніемъ своей силы. Она чувствовала свою молодость, красоту, неприступность и — благо рѣшила уѣхать! — дала себѣ въ этотъ вечеръ волю. Она кокетничала, безъ умолку хохотала, пѣла съ особеннымъ чувствомъ и вдохновенно. Все ее веселило, и все ей было смѣшно. Смѣшило ее воспоминаніе о случаѣ у скамьи, о глядѣвшемъ часовомъ. Смѣшны ей были гости, дерзкія остроты Ильина, булавка на его галстукѣ, которой она раньше никогда не видала. Булавка изображала красную змѣйку съ алмазными глазками; такъ смѣшна казалась ей эта змѣйка, что она готова была бы расцѣловать ее.

Пѣла Софья Петровна романсы нервно, съ какимъ-то полупьянымъ задоромъ и, словно поддразнивая чужое горе, выбирала грустные, меланхолическіе, гдѣ толковалось объ утраченныхъ надеждахъ, о прошломъ, о старости... «А старость подходитъ все ближе и ближе»... — пѣла она. А какое ей было дѣло до старости?

«Кажется, во мнѣ происходитъ что-то неладное»... — изрѣдка думала она сквозь смѣхъ и пѣніе.

Гости разошлись въ 12 часовъ. Послѣднимъ ушелъ Ильинъ. У Софьи Петровны хватило еще задора проводить его до нижней ступени террасы. Ей захотѣлось объявить ему, что она уѣзжаетъ съ мужемъ, и поглядѣть, какой эффектъ произведетъ на него это извѣстіе.

Луна пряталась за облаками, но было настолько свѣтло, что Софья Петровна видѣла, какъ вѣтеръ игралъ полами

его пальто и драпировкой террасы. Видно было также, какъ былъ блѣденъ Ильинъ и какъ онъ, силясь улыбнуться, кривилъ верхнюю губу...

— Соня, Соничка... дорогая моя женщина!—забормоталъ онъ, мѣшая ей говорить.—Милая моя, хорошая!

Въ припадкѣ нѣжности, со слезами въ голосъ онъ сыпалъ ей ласкательныя слова, одно другого нѣжнѣе, и ужь пускалъ ей *ты*, какъ женѣ или любовницѣ. Неожиданно для нея, онъ вдругъ одной рукой обнялъ ее за талию, а другой взялъ за локоть.

— Дорогая, прелесть моя...—зашепталъ онъ, цѣлуя ее въ шею около затылка:—будь искренна, приходи сейчасъ ко мнѣ!

Она выскользнула изъ его объятій и подняла голову, чтобы разразиться негодованіемъ и возмутиться, но негодованіе не вышло, и всей ея хваленой добродѣтели и чистоты хватило только на то, чтобы сказать фразу, какую говорятъ при подобныхъ обстоятельствахъ всеѣ обыкновенныя женщины:

— Вы съ ума сошли!

— Право, пойдемъ!—продолжалъ Ильинъ.—Сейчасъ, и тамъ, около скамьи, я убѣдился, что вы, Соня, такъ же безсильны, какъ и я... Не одобровать и вамъ! Вы меня любите и теперь бесплодно торгуетесь со своею совѣстью...

Видя, что она уходитъ отъ него, онъ схватилъ ее за кружевной рукавчикъ и быстро договорилъ:

— Не сегодня, такъ завтра, а уступить придется! Къ чему же эта проволочка во времени? Моя дорогая, милая Соня, приговоръ прочтенъ, къ чему же откладывать его исполненіе? Зачѣмъ себя обманывать?

Софья Петровна вырвалась отъ него и юркнула въ дверь. Вернувшись въ гостиную, она машинально закрыла пианино, долго глядѣла на нотную виньетку и сѣла. Не могла она ни стоять, ни думать... Отъ возбужденія и задора осталась въ ней одна только страшная слабость съ лѣнью и скукой. Совѣсть шептала ей, что вела она себя въ истекшіи вечеръ дурно, глупо, какъ угорѣлая дѣвчонка, что сейчасъ она обнималась на террасѣ и даже теперь чувствуетъ въ талии и около локтя какую-то неловкость. Въ гостиной не было ни души, горѣла одна только свѣча. Лубянцева сидѣла на кругломъ табуретѣ передъ пианино, не шевелясь,

чего-то выжидая. И словно пользуясь, ея крайнимъ изнеможеніемъ и темнотой, сю начало овладѣвать тяжелое, непреодолимое желаніе. Какъ удавъ, сковывало оно ея члены и душу, росло съ каждой секундой и ужъ не грозило, какъ раньше, а стояло передъ ней ясное, во всей своей наготѣ.

Полчаса сидѣла она, не шевелясь и не мѣшая себѣ думать объ Ильинѣ, потомъ лѣниво встала, поплелась въ спальню. Андрей Ильичъ ужъ былъ въ постели. Она сѣла у открытаго окна и отдалась желанію. «Путаницы» въ головѣ уже не было у нея, всѣ чувства и мысли дружно тѣснились около одной ясной цѣли. Попробовала она было бороться, но тотчасъ же махнула рукой... Ей теперь понятно было, какъ силенъ и неумолимъ врагъ. Чтобы бороться съ нимъ, нужна сила и крѣпость, а рожденіе, воспитаніе и жизнь не дали ей ничего, на что бы она могла опереться.

«Безнравственная! Мерзкая!— грызла она себя за свое безсиліе.—Такъ вотъ ты какая?».

До того возмущалась этимъ безсиліемъ ея оскорбленная порядочность, что она обозвала себя всѣми ругательными словами, какія только знала, и наговорила себѣ много обидныхъ, унижающихъ истинъ. Такъ, она сказала себѣ, что она никогда не была нравственной, не падала раньше только потому, что предлога не было, что цѣлодневная борьба ея была забавой и комедіей...

«Допустимъ, что я боролась,—думала она:—но что это за борьба! И продажныя борются прежде чѣмъ продаться, а все-таки продаются. Хороша борьба: какъ молоко, въ одинъ день свернулась! Въ одинъ день!»

Уличила она себя въ томъ, что не чувство тянетъ ее изъ дому, не личность Ильина, а ощущенія, которыя ждуть ее впереди... Дачная, гуляющая барыня, какихъ много!

— «Какъ ма-ать убили у ма-алаго птенца»,—пропѣлъ кто-то за окномъ сильнымъ теноромъ.

«Если идти, такъ пора ужъ»,—подумала Софья Петровна. Сердце ея вдругъ забилося съ страшной силой.

— Андрей!—почти крикнула она.—Послушай, мы... мы поѣдемъ? Да?

— Да... Я уже сказалъ тебѣ: поѣзжай сама!

— Но послушай...—выговорила она:—если ты со мной

не поѣдешь, то рискуешь потерять меня! Я, кажется, ужъ... влюблена!

— Въ кого?—спросилъ Андрей Ильичъ.

— Для тебя должно быть все равно въ кого!—крикнула Софья Петровна.

Андрей Ильичъ поднялся, свѣсилъ ноги и съ удивленіемъ поглядѣлъ на темную фигуру жены.

— Фантазія!—зѣвнулъ онъ.

Ему не вѣрилось, но онъ все-таки испугался. Подумавъ и задавъ женѣ нѣсколько неважныхъ вопросовъ, онъ высказалъ свой взглядъ на семью, на измѣну... поговорилъ вяло минутъ десять и легъ. Сентенція его не имѣла успѣха. Много на этомъ свѣтѣ взглядовъ, и добрая половина ихъ принадлежитъ людямъ, не бывавшимъ въ бѣдѣ!

Несмотря на позднее время, за окнами еще двигались дачники. Софья Петровна набросила на себя легкую тальму, постояла, подумала... У нея хватило еще рѣшимости сказать сонному мужу:

— Ты спишь? Я иду пройтись... Хочешь со мной?

Это была послѣдняя ея надежда. Не получивъ отвѣта, она вышла. Было вѣтрено и свѣжо. Она не чувствовала ни вѣтра, ни темноты, а шла и шла... Непреодолимая сила гнала ее, и казалось, остановилась она, ее толкнуло бы въ спину.

— Безиравственная! — бормотала она машинально. — Мерзкая!

Она задышалась, сгорала со стыда, не ощущала подъ собой ногъ, но то, что толкало ее впередъ, было сильнѣе и стыда ея, и разума, и страха...

СОБЫТІЕ.

Утро. Сквозь лдяныя кружева, покрывающія оконныя стекла, пробивается въ дѣтскую яркій солнечный свѣтъ. Ваня, мальчикъ лѣтъ шести, стриженный, съ носомъ, похожимъ на пуговицу, и его сестра Нина, четырехлѣтняя дѣвочка, кудрявая, пухленькая, малорослая не по лѣтамъ, просыпаются и черезъ рѣшетки кроватокъ глядятъ сердито другъ на друга.

— У-у-у, безстыдники! — ворчитъ нянька. — Добрые люди ужъ чаю напившись, а вы никакъ глазъ не продерете...

Солнечные лучи весело шалить на коврѣ, на стѣнахъ, на подолѣ няньки и какъ бы приглашаютъ поиграть съ ними, но дѣти не замѣчаютъ ихъ. Они проснулись не въ духѣ. Нина надуваетъ губы, дѣлаетъ кислое лицо и начинаетъ тянуть:

— Ча-аю! Нянька, ча-аю!

Ваня морщитъ лобъ и думаетъ: къ чему бы придратъся, чтобъ заревѣть? Онъ ужъ заморгаль глазами и открылъ ротъ, но въ это время изъ гостиной доносится голосъ мамы:

— Не забудьте дать кошкѣ молока, у нея теперь котятка!

Ваня и Нина вытягиваютъ физиономіи и съ недоумѣніемъ глядятъ другъ на друга, потому оба разомъ вскрикиваютъ, прыгаютъ съ кроватокъ и, оглашая воздухъ пронзительнымъ визгомъ, бѣгутъ босикомъ, въ одиѣхъ рубашонкахъ въ кухню.

— Кошка оценилась! — кричатъ они. — Кошка оценилась!

Въ кухнѣ подъ скамьей стоитъ небольшой ящикъ, тотъ самый, въ которомъ Степанъ таскаетъ коксъ, когда топить

камипъ. Изъ ящика выглядываетъ кошка. Ея сбрая рожца выражаетъ крайнее утомленіе, зеленые глаза съ узкими черными зрачками глядятъ томно, сентиментально... По рожѣ видно, что для полноты ея счастья не хватаетъ только присутствія въ ящикѣ «его», отца ея дѣтей, которому она такъ беззавѣтно отдалась! Хочетъ она промяукать, широко раскрываетъ ротъ, но изъ горла ея выходитъ одно только сипѣнье... Слышится пискъ котятъ.

Дѣти садятся на корточки передъ ящикомъ и, не шевелясь, притаивъ дыханіе, глядятъ на кошку... Они удивлены, поражены и не слышатъ, какъ ворчитъ погнавшаяся за ними нянька. Въ глазахъ обоихъ свѣтится самая искренняя радость.

Въ воспитаніи и въ жизни дѣтей домашнія животныя играютъ едва замѣтную, но несомнѣнно благотворную роль. Кто изъ насъ не помнитъ сильныхъ, но великодушныхъ псовъ, дармофдокъ-болонокъ, птицъ, умиравшихъ въ неволѣ, тупоумныхъ, но надменныхъ индюковъ, кроткихъ старухъ-кошекъ, прощавшихъ намъ, когда мы ради забавы наступали имъ на хвосты и причиняли имъ мучительную боль? Мнѣ даже иногда кажется, что терпѣніе, вѣрность, всепрощеніе и искренность, какія присущи нашимъ домашнимъ тварямъ, дѣйствуютъ на умъ ребенка гораздо сильнѣе и положителнѣе, чѣмъ длинныя нотации сухого и блѣднаго Карла Карловича, или же туманныя разглагольствованія гувернантки, старающейся доказать ребятамъ, что вода состоитъ изъ кислорода и водорода.

— Какіе маленькіе! — говоритъ Нина, дѣлая большіе глаза и заливаясь веселымъ смѣхомъ.—Похожи на мышовъ.

— Разъ, два, три,—считаетъ Ваня.—Три котенка. Значить, мнѣ одного, тебѣ одного и еще кому-нибудь одного.

— Муррррмъ... муррррмъ...—мурлычетъ роженица, польщенная вниманіемъ.—Муррррмъ.

Наглядѣвшись на котятъ, дѣти берутъ ихъ изъ-подъ кошки и начинаютъ мять въ рукахъ, потомъ, не удовлетворившись этимъ, кладутъ ихъ въ подолы рубахъ и бѣгутъ въ комнаты.

— Мама, кошка оценилась!—кричатъ они.

Мать сидитъ въ гостиной съ какимъ-то незнакомымъ господиномъ. Увидѣвъ дѣтей, неумытыхъ, неодрѣтыхъ, съ

задранными вверх подолами, она конфузится и дѣлаетъ строгіе глаза.

— Опустите рубахи, безстыдники!—говоритъ она.—Подите отсюда, а то я васъ накажу.

Но дѣти не замѣчаютъ ни угрозы матери, ни присутствія чужого человѣка. Они кладутъ котятъ на коверъ и поднимаютъ оглушительный визгъ. Около нихъ ходитъ роженица и умоляюще мяукаетъ. Когда, немного погодя, дѣтей тащатъ въ дѣтскую, одѣваютъ ихъ, ставятъ на молитву и поятъ чаемъ, они полны страстнаго желанія поскорѣе отдѣлаться отъ этихъ прозаическихъ повинностей и опять бѣжать въ кухню.

Обычныя занятія и игры уходятъ на самый задній планъ.

Котята своимъ появленіемъ на свѣтъ затемняютъ все и выступаютъ, какъ живая новость и злоба дня. Если бы Ванъ или Нинъ за каждаго котенка предложили по пуду конфетъ, или по тысячѣ гривенниковъ, то они отвергли бы такую мѣну безъ малѣйшаго колебанія. До самаго обѣда, несмотря на горячіе протесты няньки и кухарки, они сидятъ въ кухнѣ около ящика и возятся съ котятами. Лица ихъ серьезны, сосредоточенны и выражаютъ заботу. Ихъ тревожитъ не только настоящее, но и будущее котятъ. Они порѣшили, что одинъ котенокъ останется дома при старой кошкѣ, чтобы утѣшать свою мать, другой поѣдетъ на дачу, третій будетъ жить въ погребѣ, гдѣ очень много крысъ.

— Но отчего они не глядятъ?—недоумѣваетъ Нина.— У нихъ глаза слѣпые, какъ у нищихъ.

И Ваню беспокоитъ этотъ вопросъ. Онъ берется открыть одному котенку глаза, долго пыхтитъ и сопитъ, но операція его остается безуспѣшной. Не мало также беспокоитъ и то обстоятельство, что котята упорно отказываются отъ предлагаемыхъ имъ мяса и молока. Все, что кладется передъ ихъ мордочками, съѣдается сѣрой мамашей.

— Давай, построимъ котятамъ домики, — предлагаетъ Ваня. — Они будутъ жить въ разныхъ домахъ, а кошка будетъ къ нимъ въ гости ходить...

Въ разныхъ углахъ кухни ставятся картонки изъ-подъ шляпъ. Въ нихъ поселяются котята. Но такой семейный раздѣлъ оказывается преждевременнымъ: кошка, сохраняя

на рожицѣ умоляющее и сентиментальное выраженіе, обходить всѣ картонки и сносить своихъ дѣтей на прежнее мѣсто.

— Кошка ихняя мать,—замѣчаетъ Ваня:—а кто отецъ?

— Да, кто отецъ?—повторяетъ Нина.

— Безъ отца имъ нельзя.

Ваня и Нина долго рѣшаютъ, кому быть отцомъ котятъ, и въ концѣ концовъ выборъ ихъ падаетъ на большую, темно-красную лошадь съ оторваннымъ хвостомъ, которая валяется въ кладовой подъ лѣстницей и вмѣстѣ съ другимъ игрушечнымъ хламомъ доживаетъ свой вѣкъ. Ее тащатъ изъ кладовой и ставятъ около ящика.

— Смотри же!—грозятъ ей.—Стой тутъ и гляди, чтобы они вели себя прилично.

Все это говорится и продѣлывается серьезнѣйшимъ образомъ и съ выраженіемъ заботы на лицѣ. Кромѣ ящика съ котятами, Ваня и Нина не хотятъ знать никакого другого міра. Радость ихъ не имѣетъ предѣловъ. Но приходится переживать и тяжелыя, мучительныя минуты.

Передъ самымъ обѣдомъ Ваня сидитъ въ кабинетѣ отца и мечтательно глядитъ на столъ. Около лампы на гербовой бумагѣ ворочается котенокъ. Ваня слѣдитъ за его движеніями и тычетъ ему въ мордочку то карандашомъ, то спичкой... Вдругъ, точно изъ земли выросши, около стола появляется отецъ.

— Это что такое?—слышитъ Ваня сердитый голосъ.

— Это... это котенокъ, папа...

— Вотъ я тебѣ покажу котеночка! Погляди, что ты надѣлалъ, негодный мальчишка! Ты у меня всю бумагу пеначкалъ!

Въ великому удивленію Вани, папа не раздѣляетъ его симпатій къ котятамъ и, вмѣсто того, чтобы придти въ восхищеніе и обрадоваться, онъ дергаетъ Ваню за ухо и кричитъ:

— Степанъ, убери эту гадость!

За обѣдомъ тоже скандалъ... Во время второго блюда обѣдающие вдругъ слышатъ пискъ. Начинаютъ доискиваться причины и находятъ у Нины подъ фартучкомъ котенка.

— Нинка, вонъ изъ-за стола!—сердится отецъ.—Сію же

минуту выбросить котятъ въ помойку! Чтобъ этой гадости не было въ домѣ!..

Ваня и Нина въ ужасѣ. Смерть въ помойкѣ, помимо своей жестокости, грозитъ еще отнять у кошки и деревянной лошади ихъ дѣтей, опустошить ящикъ, разрушить планы будущаго, того прекраснаго будущаго, когда одинъ котъ будетъ утѣшать свою старуху-мать, другой—жить на дачѣ, третій—ловить крысъ въ погребѣ... Дѣти начинаютъ плакать и умолять пощадить котятъ. Отецъ соглашается, но съ условіемъ, чтобы дѣти не смѣли ходить въ кухню и трогать котятъ.

Послѣ обѣда Ваня и Нина слоняются по всѣмъ комнатамъ и томятся. Запрещеніе ходить въ кухню повергло ихъ въ уныніе. Они отказываются отъ сладостей, капризничаютъ и грубятъ матери. Когда вечеромъ приходитъ дядя Петруша, они отводятъ его въ сторону и жалуются ему на отца, который хотѣлъ бросить котятъ въ помойку.

— Дядя Петруша, — просятъ они дядю: — скажи мамѣ, чтобы котятъ въ дѣтскую поставили. Ска-а-жи!

— Ну, ну... хорошо! — отмахивается отъ нихъ дядя. — Ладно.

Дядя Петруша приходитъ обыкновенно не одинъ. Съ нимъ является и Неро, большой, черный песь датской породы, съ отвиселыми ушами и съ хвостомъ, твердымъ, какъ палка. Этотъ песь молчаливъ, мраченъ и полонъ чувства собственнаго достоинства. На дѣтей онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія и, шагая мимо нихъ, стучитъ по нимъ своимъ хвостомъ, какъ по стульямъ. Дѣти ненавидятъ его всей душой, но на этотъ разъ практическія соображенія берутъ у нихъ верхъ надъ чувствомъ.

— Знаешь что, Нина? — говоритъ Ваня, дѣлая большіе глаза. — вмѣсто лошади пусть Неро будетъ отцомъ! Лошадь дохлая, а вѣдь онъ живой.

Весь вечеръ они ждутъ того времени, когда папа усядется играть въ винтъ и можно будетъ незамѣтно провести Неро въ кухню... Вотъ, наконецъ, папа садится за карты, мама хлопочетъ за самоваромъ и не видитъ дѣтей... Наступаетъ счастливый моментъ.

— Пойдемъ! — шепчетъ Ваня сестрѣ.

Но въ это время входитъ Степанъ и со смѣхомъ объявляетъ:

— Барыня, Нера котятъ съѣла!

Нина и Ваня блѣднѣютъ и съ ужасомъ глядятъ на Степана.

— Ей-Богу-съ...— смѣется лакей.— Подошла къ ящику и сожрала.

Дѣтямъ кажется, что всѣ люди, сколько ихъ есть въ домѣ, всполошатся и набросятся на злодѣя Неро. Но люди сидятъ покойно на своихъ мѣстахъ и только удивляются аппетиту громадной собаки. Пана и мама смѣются... Неро ходитъ у стола, помахиваетъ хвостомъ и самодовольно облизывается... Обезпокоена одна только кошка. Вытянувъ свой хвостъ, она ходитъ по комнатамъ, подозрительно поглядываетъ на людей и жалобно мяукаетъ.

— Дѣти, уже десятый часъ! Пора спать! — кричитъ мама.

Ваня и Нина ложатся спать, плачутъ и долго думаютъ объ обиженной кошкѣ и жестокомъ, нагломъ, не наказанномъ Неро.

А Г А Ф Ъ Я.

Въ бытность мою въ С—мъ уѣздѣ мнѣ часто приходилось бывать на Дубовскихъ огородахъ у огородника Саввы Стукача или попросту Савки. Эти огороды были моимъ излюбленнымъ мѣстомъ для такъ-называемой «генеральной» рыбной ловли, когда, уходя изъ дому, не знаешь дня и часа, въ которые вернешься, забираешь съ собой все до одной рыболовныя снасти и запасаясь провизіей. Собственно говоря, меня не такъ занимала рыбная ловля, какъ безмятежное шатанье, ѣда не во-время, бесѣда съ Савкой и продолжительныя очныя ставки съ тихими, лѣтними ночами. Савка былъ парень лѣтъ 25, рослый, красивый, здоровый, какъ камень. Слылъ онъ за человѣка разсудительнаго и толковаго, былъ грамотенъ, водку пилъ рѣдко, но, какъ работникъ, этотъ молодой и сильный человѣкъ не стоилъ и гроша мѣднаго. Рядомъ съ силой въ его крѣпкихъ, какъ веревка, мышцахъ разливалась тяжелая, неподбидимая лѣнь. Жилъ онъ, какъ и все, на деревнѣ, въ собственной избѣ, пользовался надѣломъ, но не пахалъ, не сѣялъ и никакимъ ремесломъ не занимался. Старуха-мать его побиралась подъ окнами, и самъ онъ жилъ, какъ птица небесная: утромъ не зналъ, что будетъ ѣсть въ полдень. Не то, чтобы у него не хватало воли, энергіи, или жалости къ матери, а просто такъ, не чувствовалось охоты къ труду и не сознавалась польза его... Отъ всей фигуры такъ и вѣяло безмятежностью, врожденной, почти артистической страстью къ жизни зря, спустя рукава. Когда же молодое, здоровое тѣло Савки физиологически потягивало

къ мышечной работѣ, то парень ненадолго весь отдавался какой-нибудь свободной, но вздорной профессіи въ родѣ точенія ни къ чему ненужныхъ колышковъ, или бѣганья съ бабами на перегонку. Самымъ любимымъ его положеніемъ была сосредоточенная неподвижность. Онъ былъ въ состояніи проставать цѣлые часы на одномъ мѣстѣ, не шевелясь и глядя въ одну точку. Двигался же по вдохновенію, и то только когда представлялся случай сдѣлать какое-нибудь быстрое, порывистое движеніе: ухватить бѣгущую собаку за хвостъ, сорвать съ бабы платокъ, перескочить широкую яму. Само собою разумѣется, что при такой скуности на движенія, Савка былъ голъ какъ соколъ и жилъ хуже всякаго бобыля. Съ теченіемъ времени должна была накопиться недонмка, и онъ, здоровый и молодой, былъ посланъ міромъ на стариковское мѣсто, въ сторожа и пугало общественныхъ огородовъ. Какъ ни смѣялись надъ нимъ по поводу его преждевременной старости, по онъ и въ усъ не дулъ. Это мѣсто, тихое, удобное для неподвижнаго созерцанія, было какъ разъ по его натурѣ.

Случилось мнѣ быть у этого самаго Савки въ одинъ изъ хорошихъ майскихъ вечеровъ. Помню, я лежалъ на равной, затасканной полости почти у самаго шалаша, отъ котораго шель густой и душной запахъ сухихъ травъ. Подложивъ руки подъ голову, я глядѣлъ впередъ себя. У ногъ моихъ лежали деревянные вилы. За ними чернымъ пятномъ рѣзалась въ глаза собачонка Савки — Кутька, а не дальше, какъ сажени на двѣ отъ Кутьки, земля обрывалась въ крутой берегъ рѣчки. Лежа, я не могъ видѣть рѣчки. Я видѣлъ только верхушки лозняка, тѣснившагося на этомъ берегу, да извилистый, словно обгрызенный край противоположнаго берега. Далеко за берегомъ, на темномъ бугрѣ, какъ испуганныя молодыя куропатки, жались другъ къ другу избы деревни, въ которой жилъ мой Савка. За бугромъ догорала вечерняя заря. Осталась одна только блѣдно-багровая полоска, да и та стала подергиваться мелкими облачками, какъ уголья непломъ.

Направо отъ огорода, тихо пошептывая и изрѣдка вздрагивая отъ невзначай налетавшаго вѣтра, темнѣла ольховая роща, налѣво тянулось необозримое поле. Тамъ, гдѣ глазъ не могъ ужъ отличить въ потемкахъ поле отъ неба, ярко мерцалъ огонекъ. Поодаль отъ меня сидѣлъ Савка. Под-

жавъ подъ себя по-турецки ноги и свѣсивъ голову, онъ задумчиво глядѣлъ на Кутьку. Наши крючки съ живцами давно уже стояли въ рѣкѣ, и намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только предаваться отдыху, который такъ любилъ никогда не утомлявшійся и вѣчно отдохавшій Савка. Заря еще не совсѣмъ погасла, а лѣтняя ночь ужъ охватывала своей нѣжащей, усыпляющей лаской природу.

Все замирало въ первомъ, глубокомъ снѣ, лишь какая-то неизвѣстная мнѣ ночная птица протяжно и лѣниво производила въ роцѣ длинный членораздѣльный звукъ, похожій на фразу: «Ты Ни-ки-ту видѣлъ?» и тотчасъ же отвѣчала сама себѣ: «Видѣлъ! видѣлъ! видѣлъ!»

— Отчего это нынче соловьи не поютъ? — спросилъ я Савку.

Тотъ медленно повернулся ко мнѣ. Черты лица его были крупны, но ясны, выразительны и мягки, какъ у женщины. Затѣмъ онъ взглянулъ своими кроткими, задумчивыми глазами на роцъ, на лознякъ, медленно вытащилъ изъ кармана дудочку, вложилъ ее въ ротъ и запискалъ соловьиной. И тотчасъ же, точно въ отвѣтъ на его нисканье, на противоположномъ берегу задергалъ коростель.

— Вотъ вамъ и соловей... — усмѣхнулся Савка. — Дергъ-дергъ! Дергъ-дергъ! Словно за крючокъ дергасть, а вѣдь небось тоже думаетъ, что поетъ.

— Мнѣ нравится эта птица... — сказалъ я. — Ты знаешь? Во время перелета коростель не летитъ, а по землѣ бѣжить. Перелетаетъ только черезъ рѣки и моря, а то все пѣшкомъ.

— Ишь ты, собака... — пробормоталъ Савка, поглядѣвъ съ уваженіемъ въ сторону кричавшаго коростеля.

Зналъ, какимъ любителемъ былъ Савка послушать, я рассказалъ ему все, что зналъ о коростелѣ изъ охотничьихъ книгъ. Съ коростеля я незамѣтно перешелъ на перелетъ. Савка слушалъ меня внимательно, не мигая глазами, и все время улыбался отъ удовольствія.

— А какой край для птицъ родитѣ? — спросилъ онъ. — Нашъ, или тамошній?

— Конечно, нашъ. Тутъ птица и сама родится, и дѣтей выводитъ, здѣсь у нея родина, а туда она летитъ только затѣмъ, чтобы не замерзнуть.

— Любопытно! — потянулся Савка. — Про что ни говори,

все любовнѣтно. Птица таперя, человекъ ли... камешекъ ли этотъ взять — во всемъ своя умственность!.. Эхъ, кабы знатѣе, баринъ, что вы придете, не велѣлъ бы я нынче бабѣ сюда приходиться... Просилась одна нынче придти...

— Ахъ, сдѣлай милость, я мѣшать не стану! — сказала я.—Я могу и въ роцѣ лечь...

— Ну, вотъ еще! Не умерла бѣ, коли завтра пришла... Ежели бѣ она сѣла тутъ да разговоры слушала, а то вѣдь только слюни распустишь. При ней не поговоришь толкомъ.

— Ты Дарью ждешь?—спросилъ я, помолчавъ.

— Нѣтъ... Нынче новая просилась... Агафья Стрѣльчиха...

Савка произнесъ это своимъ обычнымъ, безстрастнымъ, нѣсколько глухимъ голосомъ, точно говорилъ о табакѣ или кашѣ, я же привскочилъ отъ удивленія. Стрѣльчиху Агафью я зналъ... Это была совсѣмъ еще молодая бабенка, лѣтъ 19—20, не далѣе какъ годъ тому назадъ вышедшая замужъ за желѣзнодорожнаго стрѣлочника, молодого и браваго парня. Жила она на деревнѣ, а мужъ ходилъ ночевать къ ней съ линіи каждую ночь.

— Плохимъ, братъ, кончатся всѣ эти твои бабьи исторіи!—вздохнулъ я.

— А пусть...

И, немного подумавъ, Савка прибавилъ:

— Я говорилъ бабамъ, не слушаются... Имъ, дурамъ, и горя мало!

Наступило молчаніе... Потемки, между тѣмъ, все болѣе ступались, и предметы теряли свои контуры. Полоска за бугромъ совсѣмъ уже потухла, а звѣзды становились все ярче, лучистѣе... Меланхолически-однообразная трескотня кузнечиковъ, дерганье коростеля и крикъ перепела не нарушали ночной тишины, а напротивъ, придавали ей еще большую монотонность. Казалось, тихо звучали и чаровали слухъ не птицы, не насѣкомыя, а звѣзды, глядѣвшія на насъ съ неба...

Первый нарушилъ молчаніе Савка. Онъ медленно перевелъ глаза съ черной Кутьки на меня и сказалъ:

— Вамъ, баринъ, я вижу, скучно. Давайте ужинать.

И, не дожидаясь моего согласія, онъ поползъ на животъ въ шаланцъ, пошарилъ тамъ, причемъ весь шалалцъ затрепеталъ, какъ одинъ листъ; потомъ онъ поползъ назадъ и

поставилъ передо мной мою водку и черепенную чашку. Въ чашкѣ были печенья яйца, ржаныя лепешки на салтѣ, куски черного хлѣба и еще что-то... Мы выпили изъ кривого, не умѣвшего стоять стаканчика и принялись за ѣду... Сѣрая, крупная соль, грязныя, сальныя лепешки, упругія, какъ резина, яйца, но зато какъ все это вкусно!

— Живешь бобылемъ, а сколько у тебя добра всякаго, — сказалъ я, указывая на чашку. — Гдѣ ты его берешь?

— Бабы носятъ... — промычалъ Савка.

— За что же это онѣ тебѣ носятъ?

— Такъ... изъ жалости...

Не одно только меню, но и одежда Савки носила на себѣ слѣды женской «жалости». Такъ, въ этотъ вечеръ я замѣтилъ на немъ новый гарусный поясокъ и ярко-пунцовую ленточку, на которой висѣлъ на грязной шеѣ мѣдный крестикъ. Я зналъ о слабости прекраснаго пола къ Савкѣ, и зналъ, какъ онъ неохотно говорилъ о ней, а потому не продолжалъ своего вопроса. Да и къ тому же не время было говорить... Кутька, которая терлась около насъ и терпѣливо ожидала подачки, вдругъ наострила уши и заворчала. Послышался отдаленный, прерывистый плескъ воды.

— Кто-то бродомъ идетъ... — сказалъ Савка.

Минуты черезъ три Кутька опять заворчала и издала звукъ, похожій на кашель.

— Цыцъ! — крикнулъ на нее хозяинъ.

Въ потемкахъ глухо зазвучали робкіе шаги, и изъ рощи показался слухъ женщины. Я узналъ ее, несмотря даже на то, что было темно, — это была Агафья Стрѣльчиха. Она несмѣло подошла къ намъ, остановилась и тяжело перевела дыханіе. Запыхалась она не столько отъ ходьбы, сколько, вѣроятно, отъ страха и неприятнаго чувства, испытываемаго всякимъ при переходѣ въ ночное время черезъ бродъ. Увидѣвъ возлѣ шалаша вмѣсто одного двоихъ, она слабо вскрикнула и отступила шагъ назадъ.

— А... это ты! — произнесъ Савка, закинувъ въ ротъ лепешку.

— Я... я-сь, — забормотала она, роняя на землю узелокъ съ чѣмъ-то и косясь на меня: — кланялся вамъ Яковъ и велѣлъ передать... вотъ тутъ что-то такое...

— Ну, что врать: Яковъ! — усмѣхнулся Савка. — Нечего

врать, баринъ знаетъ, зачѣмъ ты пришла! Садись, гостьей будешь.

Агафья покосилась на меня и нерѣшительно сѣла.

— А ужъ я думалъ, что ты не придешь нынче...—сказалъ Савка послѣ продолжительнаго молчанія. — Что жъ сидѣть? Ышь! Или нешто дать тебѣ водочки выпить?

— Выдумалъ! — проговорила Агафья. — Пьяницу какую напешель...

— А ты выпей... Жарче на душѣ станетъ... Ну!

Савка подаль Агафьѣ кривой стаканчикъ. Та медленно выпила водку, не закусила, а только громко дунула.

— Припесла что-то... — продолжалъ Савка, развязывая узелокъ и придавая своему голосу снисходительно-шутливый оттѣнокъ.—Баба безъ того не можетъ, чтобъ чего не принесть. А, пирогъ и картошка... Хорошо живутъ!—вздыхнулъ онъ, поворачиваясь ко мнѣ лицомъ.—Во всей деревнѣ только у нихъ еще и осталась съ зимы картошка!

Въ потьмахъ я не видѣлъ лица Агафьи, но по движенію ея плечъ и головы мнѣ казалось, что она не отрывала глазъ съ лица Савки. Чтобы не быть третьимъ лицомъ на свиданіи, я рѣшилъ пойти гулять и поднялся. Но въ это время въ роцѣ неожиданно соловей взялъ двѣ нижнія центральновыя ноты. Черезъ полминуты онъ пустилъ высокую, мелкую дробь и, испробовавъ такимъ образомъ свой голосъ, началъ пѣть. Савка вскочилъ и прислушался.

— Это вчерашній!—сказалъ онъ.—Постой же!..

И, сорвавшись съ мѣста, онъ безшумно побѣжалъ къ роцѣ.

— Ну, на что онъ тебѣ сдался?—крикнулъ я ему велѣдь.—Оставь!

Савка махнулъ рукой—не кричите, молъ — и исчезъ въ потемкахъ. Когда хотѣлъ, Савка былъ прекраснымъ и охотникомъ, и роболовомъ, но и тутъ его таланты тратились такъ же попусту, какъ и сила. Для шаблона онъ былъ лѣнивъ, а всю свою охотничью страсть отдавалъ пустымъ фокусамъ. Такъ, соловьевъ ловилъ онъ непремѣнно руками, стрѣлялъ бекасинникомъ щукъ, или стоитъ, бывало, у рѣки по цѣлымъ часамъ и изо всѣхъ силъ старается поймать большимъ крючкомъ маленькую рыбку.

Оставшись со мной, Агафья кашлянула и провела нѣ-

сколько разъ по лбу ладонью... Отъ выпитой водки она ужъ начинала пьянѣть.

— Какъ живешь, Агаша?—спросилъ я ее послѣ продолжительнаго молчанія, когда ужъ неловко было молчать.

— Слава Богу... Вы же никому не рассказываете, баринъ...—прибавила она вдругъ шопотомъ.

— Ну, полно,—успокоилъ я ее.—Какая же ты все-таки безстрашная, Агаша... А если узнаетъ Яковъ?

— Не узнаетъ...

— Ну, а вдругъ!

— Нѣтъ... Я раньше его дома буду. Онъ теперь на линіи и воротится, когда почтовый поѣздъ проводитъ, а отсюда слышно, когда поѣздъ идетъ...

Агафья еще разъ провела рукой по лбу и посмотрѣла въ ту сторону, куда ушелъ Савка. Соловей пѣлъ. Какая-то ночная птица низко пролетѣла надъ самой землей и, замѣтя насъ, вздрогнула, зашуршала крыльями и полетѣла на ту сторону рѣки.

Скоро соловей умолкъ, но Савка не возвращался. Агафья встала, безпокойно сдѣлала нѣсколько шаговъ и опять сѣла.

— Да что же это онъ?—не выдержала она.—Вѣдь поѣздъ не завтра придетъ! Миѣ сейчасъ уходить нужно!

— Савка!—крикнулъ я.—Савка!

Миѣ не отвѣтило даже эхо. Агафья безпокойно задвигалась и опять встала.

— Миѣ уходить пора!—проговорила она волнуящимся голосомъ.—Сейчасъ поѣздъ придетъ! Я знаю, когда поѣзды ходятъ!

Бѣдная бабенка не ошиблась. Не прошло и четверти часа, какъ послышался далекій шумъ.

Агафья остановила долгій взглядъ на роицъ и нетерпѣливо зашевелила руками.

— Ну, гдѣ же онъ?—заговорила она, первою смѣясь.—Куда же это его унесла нелегкая? Я уйду! Ей-Богу, баринъ, уйду!

Между тѣмъ шумъ становился все явственнѣй. Можно ужъ было отличить стукъ колесъ отъ тяжелыхъ вздохомъ локомотива. Вотъ послышался свистъ, поѣздъ глухо простучалъ по мосту... еще минута, и все стихло...

— Погожу еще минутку... — вздохнула Агафья, рѣшительно садясь.—Такъ и быть, погожу!

Наконецъ, въ потемкахъ показался Савка. Онъ безшумно ступалъ босими ногами по рыхлой, огородной землѣ и что-то тихо мурлыкалъ.

— Вѣдь вотъ счастье, скажи на милость! — весело за-смѣялся онъ.—Только-что, это самое, значить, подошелъ къ кусту и только-что сталъ рукой цѣлиться, а онъ и замолчалъ! Ахъ ты, песь лысый! Ждалъ, ждалъ, покуда опять запоетъ, да такъ и плюнуль...

Савка неуклюже повалился на землю около Агафьи и, чтобы сохранить равновѣсіе, ухватился обѣими руками за ея талию.

— А ты что насунилась, словно тетка тебя родила? — спросилъ онъ.

При всемъ своемъ мягкосердечіи и простодушіи Савка презиралъ женщинъ. Онъ обходился съ ними небрежно, свысока и даже унижался до презрительнаго смѣха надъ ихъ чувствомъ къ его же собственной особѣ. Богъ знаетъ, быть-можетъ, это небрежное, презрительное обращеніе и было одной изъ причинъ его сильнаго, неотразимаго обаянія на деревенскихъ дульщицъ. Онъ былъ красивъ и строенъ, въ глазахъ его всегда, даже при взглядѣ на презираемыхъ имъ женщинъ, свѣтилась тихая ласковость, но одними виѣшними качествами не объяснишь этого обаянія. Кромѣ счастливой наружности и своеобразной манеры обращенія, надо думать, имѣла вліяніе на женщинъ также еще и трогательная роль Савки, какъ всеѣмъ признаннаго неудачника и несчастнаго изгнанника изъ родной избы въ огорода.

— А Расскажи-ка барину, зачѣмъ ты сюда пришла! — продолжалъ Савка, все еще держа Агафью за талию. — Ну-ка, Расскажи, мужнина жена! Хо-хо... Пенно намъ, братъ Агаша, еще водочки выпить?

И поднялся и, пробираясь между грядями, пошелъ вдоль огорода. Темныя гряды глядѣли, какъ большія, приплюснутыя могилы. Онъ ихъ вѣяло запахомъ вскопанной земли и нѣжной сыростью растений, начавшихъ покрываться росой... Налѣво все еще свѣтился красный огонекъ. Онъ привѣтливо моргалъ и, казалось, улыбался.

Я слышала счастливый смѣхъ. То смѣялась Агафья.

«А поѣздъ? — вспомнилъ я. — Поѣздъ давно уже пришелъ».

Подождавъ немного, я вернулся къ шалапу. Савка сидѣла неподвижно по-турецки и тихо, чуть слышно, мурлыкала какую-то пѣсню, состоящую изъ однихъ только односложныхъ словъ, что-то въ родѣ: «Фу ты, ну ты... я да ты...» Агафья опьяненная водкой, презрительной лаской Савки и духотою ночи, лежала возлѣ него на землѣ и судорожно прижималась лицомъ къ его колѣну. Она такъ далеко ушла въ чувство, что и не замѣтила моего прихода.

— Агаша, а вѣдь поѣздъ давно ужъ пришелъ!—сказала я.

— Пора, пора тебѣ, — подхватили мою мысль Савка, встряхивая головой. — Что разлеглась тутъ? Ты, безстыжая!

Агафья встрепенулась, отняла голову отъ его колѣна, взглянула на меня и опять припала къ нему.

— Давно ужъ пора!—сказала я.

Агафья заворочалась и привстала на одно колѣно... Она страдала... Полминуты вся ея фигура, насколько я могъ разглядѣть сквозь потемки, выражала борьбу и колебаніе. Было мгновеніе, когда она, будто очнувшись, вытянула корпусъ, чтобы подняться на ноги, но тутъ какая-то непобѣдимая и неумолимая сила толкнула ее по всему тѣлу, и она припала къ Савкѣ.

— А ну его!—сказала она съ дикимъ, груднымъ смѣхомъ, и въ этомъ смѣхѣ слышалась безразсудная рѣшимость, безсиліе, боль.

Я тихо побрелъ въ рощу, а оттуда спустился къ рѣкѣ, гдѣ стояли наши рыболовныя снасти. Рѣка спала. Какой-то мягкій, махровый цвѣтокъ на высокоомъ стеблѣ нѣжно коснулся моей щеки, какъ ребенокъ, который хочетъ дать понять, что не спитъ. Отъ нечего дѣлать, я нащупалъ одну леску и потянулъ ее. Она слабо напряглась и повисла, — ничего не поймалось... Того берега и деревни не было видно. Въ одной избѣ мелькнулъ огонекъ, но скоро погасъ. Я пошарилъ на берегу, нашелъ выемку, которую приглядѣлъ еще днемъ, и усѣлся въ ней, какъ въ креслѣ. Долго я сидѣлъ... Я видѣлъ, какъ звѣзды стали туманиться и терять свою лучистость, какъ легкимъ вздохомъ пронеслась по землѣ прохлада и тронула листья просыпавшихся нвѣ...

— А-га-фья!..—донесся изъ деревни чей-то глухой голосъ.—Агафья!

То вернувшійся и встревоженный мужъ искалъ по де-

ревнѣ свою жену. А съ огородовъ слышамся въ это время несдерживаемый смѣхъ: жена забылась, опьянѣла и счастьемъ нѣсколькихъ часовъ старалась наверстать ожидавшую ее назавтра муку.

Я уснулъ.

Когда я проснулся, около меня сидѣли Савка и слегка трясъ мое плечо. Рѣка, роща, оба берега, зеленые и умытые, деревья и поле—все было залито яркимъ утреннимъ свѣтомъ. Сквозь тонкіе стволы деревьевъ били въ мою спину лучи только-что взшедшаго солнца.

— Такъ-то вы рыбу ловите?—усмѣхнулся Савка. — Ну, вставайте!

Я всталъ, сладко потянулся, и проснувшаяся грудь моя начала жадно пить влажный, душистый воздухъ.

— Агаша ушла?—спросилъ я.

— Вонъ она,—указалъ мнѣ Савка въ сторону, гдѣ былъ бродъ.

Я взглянулъ и увидѣлъ Агафью. Приподнявъ платье, растрепанная, со сползшимъ съ головы платкомъ, она переходила рѣку. Ноги ея ступали еле-еле...

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла! — бормоталъ Савка, щура на нее глаза.—Идетъ и хвостъ поджала... Шкодливы эти бабы, какъ кошки, трусливы,—какъ зайцы... Не ушла, дура, вчера, когда говорили ей! Теперь ей достанется, да и меня въ волости... опять за бабъ драть будутъ...

Агафья ступила на берегъ и пошла по полю къ деревнѣ. Сначала она шагала довольно смѣло, но скоро волненіе и страхъ взяли свое: она пугливо обернулась, остановилась и перевела духъ.

— То-то что страшно! — грустно усмѣхнулся Савка, глядя на ярко-зеленую полосу, которая тянулась по росистой травѣ вслѣдъ за Агафьей.—Не хочется идти! Мужъ-то ужъ цѣлый часъ стоитъ и поджидаетъ... Видали его?

Савка сказалъ послѣднія слова, улыбаясь, а у меня похолодѣло подъ сердцемъ. Въ деревнѣ, около крайней избы, на дорогѣ, стоялъ Иконъ и въ упоръ глядѣлъ на возвращающуюся къ нему жену. Онъ не шевелился и былъ неподвиженъ, какъ столбъ. Чтѣ онъ думалъ, глядя на нее? Какія слова готовилъ для встрѣчи? Агафья постояла немного, еще разъ оглянулась, точно ожидая отъ насъ помощи, и пошла. Никогда я еще не видалъ такой походки

ни у пьяныхъ, ни у трезвыхъ. Агафью будто корчило отъ взгляда мужа. Она шла то зигзагами, то топталась на одномъ мѣстѣ, подгибая колѣни и разводя руками, то пятилась назадъ. Пройдя шаговъ сто, она оглянулась еще разъ и сѣла.

— Ты бы хоть за кустъ спрятался...—сказалъ я Савкѣ.— Неравно тебя мужъ увидить...

— Онъ и безъ того знаетъ, отъ кого это Агашка идетъ... На огородъ по ночамъ бабы не за капустой ходятъ—всѣмъ извѣстно.

Я взглянулъ на лицо Савки. Оно было блѣдно и морщилось брезгливою жалостью, какая бываетъ у людей, когда они видятъ мучимыхъ животныхъ.

— Конкѣ смѣхъ, мышкѣ слезы...—вздыхнулъ онъ.

Агафья вдругъ вскочила, мотнула головой и смѣлой походкой направилась къ мужу. Она, видимо, собралась съ силами и рѣшилась.

Оглавленіе

IV ТОМА.

	стр.		стр.
Красавицы	3	Тоска	85
Слѣдователь	12	Егеръ	91
Старый домъ	17	Мечты	96
Весной	23	Пустой случай	105
Бѣлолобый	29	Не доброе дѣло	115
У предводительши	35	Дома	120
Пѣвчіе	39	Вѣдьма	130
Послѣднія могиканша	44	Вѣрочка	141
Беззаконіе	49	Въ судѣ	156
Актерская гибель	54	Безпокойный гость	164
Мелюзга	61	Панихида	171
Зеркало	65	На пути	177
Старость	70	Несчастье	194
Горе	75	Событіе	207
Устрицы	81	Агафья	213

0041

044
22
002
521
021
081

F

24.113/4-6